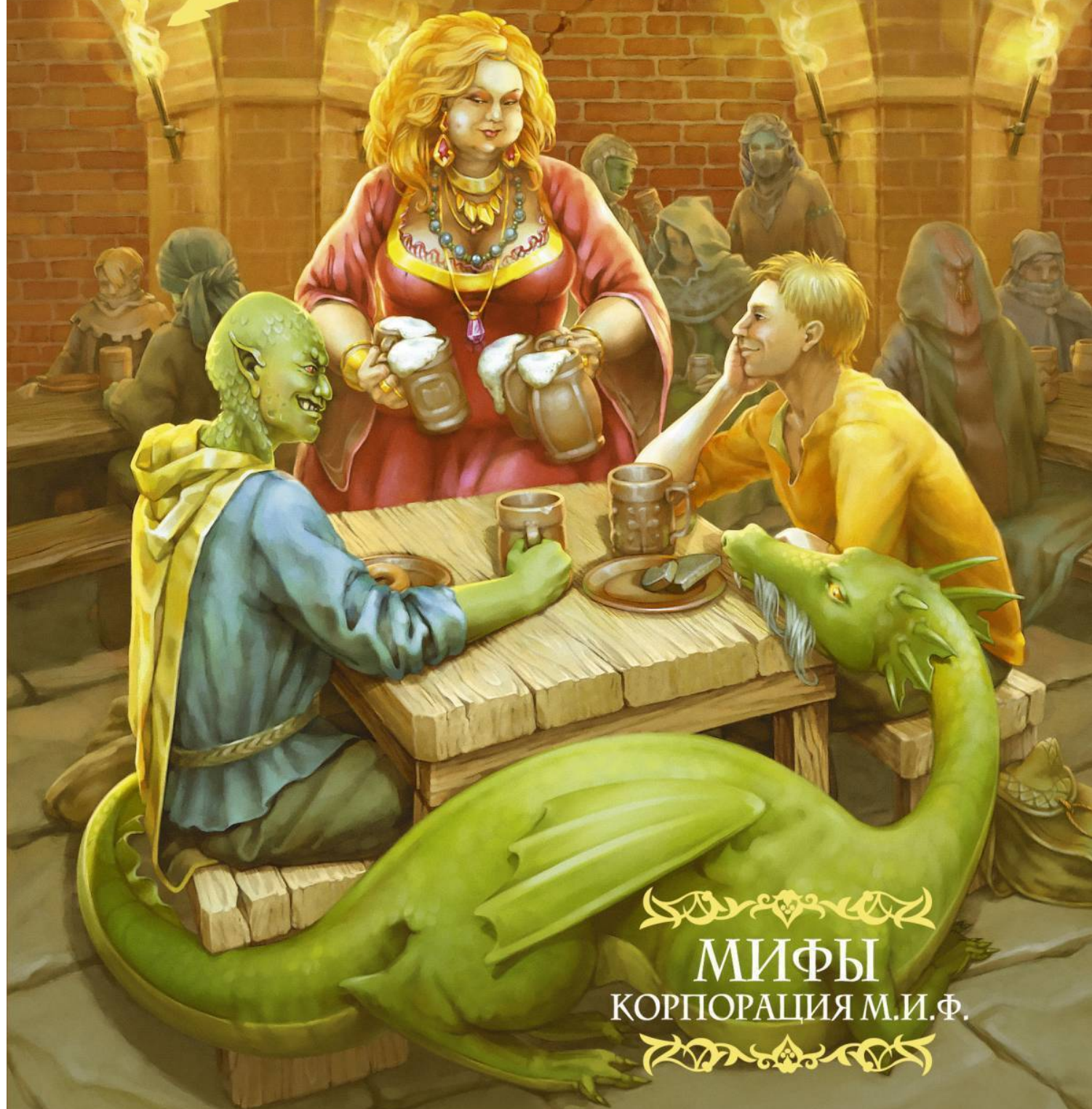

Роберт Асприн

МИФЫ
КОРПОРАЦИЯ М.И.Ф.

Мастера фэнтези (АСТ)

Роберт Асприн

МИФЫ. Корпорация М.И.Ф.

«Издательство АСТ»

1986, 1987, 1990, 1993, 2001, 2002

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Асприн Р. Л.

МИФЫ. Корпорация М.И.Ф. / Р. Л. Асприн — «Издательство АСТ», 1986, 1987, 1990, 1993, 2001, 2002 — (Мастера фэнтези (АСТ))

ISBN 978-5-17-092681-7

РОБЕРТ АСПРИН (1946—2008) прославился своим фэнтезийным юмористическим циклом «Мифы» (MYTHs), причем первый же роман, «Еще один великолепный миф» (Another Fine Myth), стал столь успешным, что издатели заключили с ним контракт на 6 книг, а затем продлили еще на столько же. После 12 «классических» асприновских романов сериал продолжила Джоди Линн Най. Среди других известных работ автора цикл «Шуттовская рота» о приключениях бравых космических наемников, а также кропотливая редакция многотомной серии «Мир воров», объединившей десятки писателей, от признанных мастеров жанра до дебютантов, создавших увлекательную вселенную, населенную авантюристами и разбойниками. Вот, дожили... Еще вчера подмастерье мелкого мага Скив был странником без особых надежд на будущее, а сегодня его именуют Великий Скив и под его руководством — целая команда профессионалов, мастеров на все руки: тролль и его сестрица, два гангстера, магиня-мошенница, изверг Ааз и дракон Глип. С таким коллективом впору создавать корпорацию по оказанию магических услуг населению! Но на пути становления корпорацию М.И.Ф. поджидает множество опасностей... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-092681-7

© Асприн Р. Л., 1986, 1987, 1990,
1993, 2001, 2002

© Издательство АСТ, 1986, 1987, 1990,
1993, 2001, 2002

Содержание

Корпорация М.И.Ф. – связующее звено	7
Глава первая	7
Рассказ Гвидо	11
Глава вторая	23
Рассказ Корреша	26
Глава третья	40
Рассказ Маши	43
Глава четвертая	56
Рассказ Ааза	59
Глава пятая	69
Рассказ Глипа	72
Глава шестая	81
Корпорация М.И.Ф. МИФонаименования и извержения	84
Глава первая	84
Глава вторая	89
Глава третья	94
Глава четвертая	99
Глава пятая	104
Глава шестая	109
Глава седьмая	114
Глава восьмая	119
Глава девятая	124
Глава десятая	129
Глава одиннадцатая	134
Глава двенадцатая	139
Глава тринадцатая	144
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Роберт Асприн
МИФЫ. Корпорация М.И.Ф
Сборник

Robert Asprin
MYTHS M.Y.T.H. INC.

MYTH INC. LINK
MYTH-NOMERS AND IM-PERVECTIONS
M.Y.T.H. INC IN ACTION
SWEET MYTH-TERY OF LIFE
MYTH-ION IMPROBABLE
SOMETHING M.Y.T.H. INC.

© Robert Asprin, 1986, 1987, 1990, 1993, 2001, 2002
© Перевод. В. Федоров, 2015
© Перевод. И. Шубина, 2015
© Перевод. Г. Косов, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Корпорация М.И.Ф. – связующее звено

Глава первая

Мелкая преступность – бич сегодняшнего бизнеса.
Д. Лорин

Наша новая контора действительно нравилась мне больше, чем прежняя. Хотя Ааз упорно настаивал на сохранении «Равных шансов» в качестве бара (читай – прибыльного предприятия), многие из нас возражали и аргументировали это тем, что раз уж мы обзавелись лишним зданием, то лучше переделать его в контору, чем продолжать наживаться на своем доме. В самом деле, кому нужны эти толпы посторонних, слоняющихся туда-сюда, мешающих твоей личной жизни? Что, мало у нас было неприятностей, связанных со всем этим? Так вот, именно воспоминания о них и убедили наконец моего старого наставника согласиться с нашим планом.

Конечно, перестройка оказалась куда заковыристей, чем я ожидал, и это при том, что я подрядил на плотницкие работы одну из местных религиозных общин. Их дешевая рабочая сила обошлась нам дороже, чем я предполагал, а уж в какое время они предпочитали трудиться... Но я отвлекся.

У меня теперь был большой, площадью в целых девять ярдов, кабинет с письменным столом, корзиной для бумаг, дневным графиком работающих и креслами для посетителей. Он мне очень нравился. А не нравилось мне доставшееся вместе с ним звание... а именно звание президента.

Совершенно верно. Все утверждали, что раз корпорация нашей веселой шайки – моя идея, то логично меня и выбрать официальным ее главой. Даже Ааз предал меня, провозгласив бредовое предложение отличной мыслью, хотя наверняка при этом скрывал ухмылку. Если бы я знал, куда на сей раз заведет меня моя же инициатива, то уж, поверьте, держал бы язык за зубами.

Не поймите меня неправильно, команда у нас великолепная! Возглавлять такую – одно удовольствие, не думаю, чтобы нашлась более приятная, более верная компания, чем моя нынешняя. Конечно, тут мне могут и возразить. Троллина, тролль, два гангстера, сомнительного вида девица и извращенец... простите, изверг... тяжеловесная женщина-вамп и малолетний дракон – с точки зрения ординарной личности, не совсем идеальная команда. Мне они, во всяком случае, таковыми не показались при первом знакомстве. И все же на протяжении многих лет они неизменно меня поддерживали, и вместе мы добились впечатляющих успехов. Нет, я предпочитаю держаться старой, пусть даже и странной, гоп-компании, чем доверять свою судьбу кому-то еще, пусть даже мастеру своего дела.

Раздражает меня не команда... звание. Короче, сколько себя помню, всегда думал, что быть лидером – это все равно что ходить с нарисованным на спине большим кругом мишени. Приходится отвечать за уйму людей, а не только за себя. Если что-то выходит не так, виноват в конечном итоге ты. Даже если напортачил кто-то другой, все равно ты, лидер, в ответе. А если все выходит как надо, опять-таки чувствуешь себя виноватым, но уже оттого, что тебе ставят в заслугу сделанное кем-то другим. В общем и целом пост этот кажется мне невыигрышным и неблагодарным, и я охотно предпочел бы передоверить его кому-нибудь еще, пока сам развлекаюсь на оперативной работе. К несчастью, все прочие тоже, кажется, придерживаются в основном того же мнения, просто я по неопытности оказался менее изобретательным в придумывании причин уклониться от этой чести. В результате чего и стал президентом корпорации М.И.Ф. (то есть Молодые Искоренители Фатальностей. Не вините меня. Название придумал

не я) – ассоциации магов и спасателей, посвятивших себя одновременно двум целям: помощи другим и добыванию денег.

Стартовой площадкой нам служил Базар-на-Деве, хорошо известное место встреч для заключения магических сделок, расположенное на перекрестке разных измерений. Как нетрудно себе представить, работы в подобной среде всегда хватает.

* * *

Утром, едва я приступил к делам, раздался легкий стук в дверь, и Банни сунула голову в кабинет.

– Занят, босс?

– Ну...

Она исчезла прежде, чем я сумел до конца сформулировать туманный ответ. Ничего необычного. Банни была при мне секретаршей и всегда знала больше моего о текущих делах. Вопросы о занятости задавались ею скорее из вежливости или чтобы убедиться в моей готовности принять очередного клиента.

– Великий Скив примет вас, – пригласила она величественным жестом своего подопечного. – На будущее я предложила бы вам договариваться о встрече заранее, тогда вам не придется ждать.

Приглашенный Банни девол оказался довольно скользким типом даже для девола. Его ярко-красную кожу покрывали нездорового вида розовые пятна, а лицо искажала постоянная хищная гримаса, и когда Банни покинула помещение, он направил свой плотоядный взгляд ей вслед.

Ну, нельзя отрицать, что Банни – одна из наиболее привлекательных женщин, когда-либо встречавшихся мне, но этот фраер уделял ей прямо-таки нездоровое внимание. Я с усилием попытался унять нарастающую неприязнь к этому деволу. Клиент есть клиент, и мы взялись помогать попавшим в беду, а не выносить о них моральные суждения.

– Чем могу помочь? – осведомился я, стараясь сохранять вежливость.

Это вернуло внимание девола ко мне, и он протянул мне через стол руку.

– Так вы и есть Великий Скив, да? Рад с вами познакомиться. Слышал немало хорошего о вашей работе. А у вас и правда здорово все устроено. Особенно мне понравилась та штучка, что работает секретаршей. Может, даже попытаюсь сманить ее у вас. У этой девушки явно выдающийся талант.

Глядя на его плотоядный оскал и подмигивание, я как-то не смог заставить себя пожать протянутую руку.

– Банни – моя помощница по административной части, – осторожно заметил я. – А кроме того, служит маклером нашей фирмы. И своего положения она добилась благодаря умению, а не внешности.

– Да уж, – снова подмигнул девол. – Хотел бы я как-нибудь вкусить ее умения.

Это послужило последней каплей.

– Почему бы не попробовать прямо сейчас? – улыбнулся я, а затем слегка повысил голос: – Банни! Не могла бы ты зайти сюда на минутку?

Она появилась почти сразу же и, не обращая внимания на плотоядный взгляд девола, двинулась к столу.

– Да, босс?

– Банни, ты забыла дать мне краткую справку об этом клиенте. Кто он?

Она выгнула бровь и покосилась на девола. Мы нечасто устраиваем такие брифинги перед клиентами. Наши взгляды снова встретились, и я легким кивком подтвердил свою просьбу.

– Его зовут Гиббель, – пожала плечами она. – Он известен как приказчик в лавке – здесь, на Базаре, – торгующей мелкими магическими новинками. Его ежегодный доход скромно и выражается только шестизначной цифрой.

– Эге! Весьма неплохо, – усмехнулся девол.

Банни продолжала, словно не слыша:

– Он также является тайным владельцем трех других предприятий и совладельцем еще дюжины. Наиболее известна магическая фабрика, снабжающая товарами это и другие измерения. Она расположена в субизмерении, куда можно попасть через кабинет в его лавке, и на ней занято несколько сотен рабочих. Приблизительный ежегодный доход с одной только этой фабрики выражается уже семизначной цифрой.

Девол быстро перестал плотоядно на нее пялиться.

– Откуда вы все это знаете? – возмутился он. – Ведь это считается тайной!

– Он также мнит себя большим сердцеедом, но в поддержку его претензий почти нет никаких свидетельств. Спутницы, с которыми его видели в обществе, сопровождали его за плату, и ни одна не выдержала больше недели. Кажется, они считают деньги недостаточной платой за необходимость выносить его отталкивающую личность. В еде он питает слабость к капусте брокколи.

Я нейтрально улыбнулся развенчанному деволу:

– ...Вот благодаря *этому* умению, сэр, Банни и заслужила свое место. Ну и как, вам понравилось?

– Она не права насчет брокколи, – слабо отозвался Гиббель. – Я терпеть не могу брокколи.

Я посмотрел на Банни, подняв бровь, и моя помощница подмигнула в ответ.

– Возьмем на заметку, – сказала она. – Есть еще что-нибудь, босс?

– Не уходи, Банни. Мне, вероятно, понадобится твоя помощь, когда придется назвать господину Гиббелю цены за наши услуги. Если он, конечно, соберется сообщить нам, в чем его беда.

Это вывело девола из транса.

– Да-да, разумеется! Барышня Банни была совершенно права, когда сказала, что магическая фабрика – лучшее мое владение. Беда в том, что кто-то нагло меня обворовывает! Я теряю целое состояние из-за постоянных мелких краж!

– Какой процент недостачи? – мигом стала внимательной Банни.

– Поднимается к четырнадцати... с шести в прошлом году.

– Вы говорите о розничной цене продукции или о себестоимости?

– О себестоимости.

– И каков общий объем ваших потерь?

– До восьми процентов. Они точно знают, какие товары таскать... маленькие, но дорогие.

Я откинулся на спинку кресла и постарался принять умный вид. Где-то на втором этапе разговора я совершенно потерял нить их беседы, но Банни, кажется, знала, что делала, и поэтому я предоставил инициативу ей.

– Все, кого я отправлял расследовать это дело, немедленно причислялись к шпионам, им не давали даже присесть, – жаловался Гиббель. – Так вот, до меня дошли слухи, что у вашей команды есть кое-какие связи с организованной преступностью, и я счел...

Он дал своему голосу сорваться, а затем пожал плечами, словно стеснялся довести эту мысль до конца.

Банни посмотрела на меня, и я без труда догадался, что она пытается спрятать улыбку. Она была племянницей Дона Брюса, легендарного крестного отца Синдиката, и всегда забавлялась, сталкиваясь с почти суеверным страхом, испытываемым посторонними к организации ее дяди.

– Думается, мы сможем вам помочь, – осторожно сказал я. – Конечно, это будет стоить денег.

– Сколько? – встрепнулся девол, приступая к тому, что известно по всем измерениям как специальность деволов... к торговле.

В ответ Банни что-то быстро нацарапала в своем блокноте, а затем вырвала листок и вручила Гиббелю.

Девол взглянул на него и побледнел до светло-розового.

– ЧТО! Это же грабеж среди бела дня!

– Если учесть, чего стоят вам потери, то нет, – любезно ответила Банни. – Вот что я вам скажу. Если хотите, мы возьмем небольшую долю... скажем, полпроцента от стоимости сбереженной от краж продукции фабрики с той минуты, как приступим к делу?

Гиббель за несколько секунд из розового стал вулканически-красным.

– Ладно! Согласен... на первоначальное предложение!

Я слегка кивнул:

– Прекрасно. Я немедленно поручу дело паре агентов.

– Минутку! Выходит, я плачу такую цену вовсе не за услуги главного специалиста? Вы что же это пытаетесь тут повернуть? Я хочу...

– Великий Скив стоит за всеми контрактами корпорации М.И.Ф., – перебила его Банни. – Если желаете заключить контракт на его личные услуги, то цена будет существенно выше... скажем – контрольный пакет.

– Ладно-ладно! Понял! – поспешно отступил девол. – Присылайте своих агентов. Просто надо им быть лучшими, вот и все. При таких расценках я ожидаю соответствующих результатов!

И с этими словами он вышел из кабинета, хлопнув дверью и оставив меня наедине с Банни.

– А сколько же ты ему поставила в счет?

– Всего лишь обычный наш гонорар.

– В самом деле?

– Ну... добавила немного сверху, потому как он мне не понравился. Есть возражения?

– Нет. Просто любопытно, вот и все.

– Слушай, босс. Ты не против подключить к этому заданию меня? Времени оно много занять не должно, а этот субъект вызвал у меня любопытство.

– Идет... но не главным оперативником. Я хочу всегда иметь возможность вытянуть тебя обратно, если дела в конторе вконец запутаются. Парадом пусть командует твой напарник.

– Никаких проблем. И кто им будет?

Я откинулся на спинку кресла и улыбнулся.

– Неужели не догадываешься? Клиент хочет организованную преступность – он и получит организованную преступность!

Рассказ Гвидо

– Гвидо, ты уверен, что правильно понял инструкции?

Это Банни говорит. Босс по какой-то причине решил меня порадовать на этом задании ее обществом. Ну, я не прочь, тем более что Банни просто куколка и с ней не пропадешь, то есть, я хочу сказать, она поумнее меня, чего не скажешь очень о многих – хоть парнях, хоть куколках.

С тревогой я смотрю на это партнерство только по одной причине. Как ни замечательна Банни, всякий раз, когда предстоит дело, у нее появляется заметная склонность к занудству. И все из-за ее затруднений с одной задачкой, сводящейся к тому, что она положила глаз на босса. Ну, для всех нас это ясно как день с их первой встречи. Даже босс все понял, а это о чем-то говорит. Я, конечно, восхищаюсь им как организатором, но знаю, что, когда дело доходит до юбок, соображает он туго. Для убедительности напомним: когда он сообразил, что у Банни и впрямь возникли какие-то виды на него, то чуть в обморок не упал на нервной почве. И это парень, который при мне сталкивался не моргнув глазом с вампирами и оборотнями, не говоря уже о самом Доне Брюсе! Да уж, куколки – не самая сильная его сторона.

Но вернемся к Банни и ее проблемам. Она сумела-таки убедить босса, что на самом деле вовсе не пытается к нему клеиться, а заботится только о своей карьере. Ну, это, понятно, совсем наглая ложь... хотя босса ей, кажется, и удалось одурачить. Даже этот зеленый бродяга Ааз догадался о затее Банни, но промолчал. (Чем немало удивил меня, так как главный его талант заключается именно в умении поднимать большой шум по любому поводу.) Банни же всего-навсего переключилась с одного подхода на другой. Цель ее осталась неизменной.

Но, к сожалению, вместо прелращения босса своим телом, которое у нее, как я уже сказал, роскошное, она теперь пытается вызвать его восхищение своими деловыми качествами. Этого не слишком трудно добиться, так как Банни работает классно, но, подобно всем куколкам, озабочена сохранностью своей внешности и потому считает себя ограниченной во времени и уж слишком старается, чтобы босс ее поскорее заметил.

Это несчастное обстоятельство может сделаться настоящей головной болью для того, кто с ней работает. Она так боится за свой план, что своим судорожным рвением может довести до белого каления даже такого стойкого работника, как я. И все же она отличная куколка, и любой из нас в лепешку расшибется ради нее, и поэтому мы терпим все это.

– Да, Банни, – говорю я.

– Что «да, Банни»?

– Да, Банни, я уверен, что правильно понял инструкции.

– Тогда повтори их мне.

– Зачем?

– Гвидо!

Когда Банни переходит на такой тон, остается разве что подыгрывать ей. Что ж, я обязан поддерживать напарника на задании, а кроме того, Банни и не потерпит никаких возражений – на этот случай у нее всегда в запасе довольно сильный аргумент. Мой кузен Нунцио открыл это однажды, еще до того, как его уведомили о ее родстве с Доном Брюсом, а ведь челюсть у него словно наковальня, о которую я как-то поранил свой кулак без всяких заметных последствий для брата... одним словом, я не испытываю желания испробовать на себе силу удара, которым она его приложила. И потому решил выполнить ее довольно оскорбительное требование.

– Босс хочет, чтобы мы выяснили, как именно товары этого предприятия разбредаются с его территории незамеченными, – говорю я. – Для этой цели я должен смешаться с рабочими, став одним из них, и посмотреть, нельзя ли определить, как им это удастся.

– И... – говорит она, сверля меня взглядом.

– ...и ты тоже этим займешься, только среди конторских. В конце недели мы снова с тобой встретимся, сравним наблюдения и посмотрим, не пошли ли мы по ложному следу.

– И... – снова вступает она, заметно волнуясь.

Тут уж и я немного занервничал. Она ожидала от меня дальнейших инструкций, но они иссякли.

– ...и... м-м-м... – заикаюсь я, пытаюсь додуть, что проглядел.

– ...и не подымать никакой бучи! – заканчивает она, сурово глядя на меня. – Правильно?

– Да. Разумеется, Банни.

– Тогда скажи это!

– И не подымать никакой бучи.

Ну, меня, конечно, задело, что Банни сочла необходимым привлечь мое внимание именно к этому пункту, так как, по-моему, подымать бучу вообще не в моей натуре – ни при каких обстоятельствах. И я, и Нунцио всегда по возможности избегаем всяких споров с рукоприкладством, а уж если нам их все же навязывают – стараемся побыстрее пресечь возникший конфликт. Однако я не стал привлекать внимания Банни к своим оскорбленным чувствам, так как знаю, что она молодчина и не станет намеренно ранить самолюбие такой деликатной личности, как я. Просто она, как я уже говорил, беспокоится об успешном выполнении предстоящей работы, и мои обиды и амбиции ее просто зря огорчат. Многие мои коллеги проявляют схожие признаки нервозности, готовясь к большому делу. Я знал, например, одного парня, который имел обыкновение перед походом на дело тыкать острым ножом в тела своих дружков-налетчиков. Вполне можно понять и простить кое-какие личные слабости, когда дело пахнет жареным. Это один из секретов успеха, усваиваемых нами, исполнителями, довольно рано. Как бы там ни было, я вынужден признать, что почувствовал немалое облегчение, когда пришло время браться за дело и, стало быть, избавиться от общества Банни.

Как работяга я, естественно, явился в цех намного раньше, чем Банни в свою контору. Почему это естественно, я не знаю, это из разряда несправедливостей, которыми так полна жизнь... почему, например, ваша очередь всегда бывает самой длинной.

Готовясь к предстоящим маневрам, я забросил свой обычный щегольской наряд и оделся под работяг, с которыми мне требовалось смешаться. Только эта часть задания и причинила мне какие-то неудобства. Видите ли, чем больше рабочий преуспевает, тем больше он внешне напоминает обитателя притона или оборванца, слегка или как следует побарахтавшегося в грязи, что прямо противоречит всему усвоенному мной в бизнес-колледже.

Для тех из вас, кому это последнее интересное сообщение кажется удивительным, спешу заметить, что я и в самом деле посещал высшие учебные заведения, ибо только этим объясняется наличие у меня диплома магистра. Если же вы относитесь к тем, кто гадает, почему это человек с такими документами выбрал работу моего профиля, то считайте, что по двум причинам: во-первых, я человек общительный и предпочитаю работать с людьми, а во-вторых, мою чувствительную натуру отталкивает безжалостность, непременно сопровождающая успешную деятельность в верхнем слое управленцев. Мне попросту не хочется портить людям жизнь сокращением производства, закрытием заводов и тому подобным. Лучше уж сломать иной раз ногу-другую или немного переkreить чью-то физиономию, чем вместе с управленцами участвовать в нанесении долгосрочного вреда рабочим, и все это ради процветания компаний. И поэтому я, воспользовавшись ситуацией, предпочел совершенствоваться не в подготовке приказов, а в их исполнении. Это более чистый способ зарабатывать на жизнь.

Так или иначе, я явился на работу чуть свет и походил по фабрике, определяя что и где, прежде чем приступить к исполнению своих служебных обязанностей. Должен сказать, предприятие это произвело на меня редкостное впечатление. Раньше со мной никогда такого не бывало. Фабрика напоминала отлично сделанную волшебную мастерскую Деда Мороза.

Еще в начальной школе, бывало, я запоем читал комиксы. Особенно меня захватывала помещаемая там реклама рентгеновских очков, чихающих подушек и тому подобного, чего я, к несчастью, не мог себе позволить, так как был обыкновенным учащимся и имел меньше денег, чем средний восьмилетний мальчишка. Однако теперь, проходя по фабрике, я вдруг сообразил, что желание потакать своим слабостям в общем-то не миновало и меня.

Фабрика оказалась громадной, под чем я подразумеваю действительно большое помещение, набитое от стенки до стенки, от пола до потолка лентами конвейеров, чанами и стеллажами с материалами и ящиками, маркированными на языках, о которых я понятия не имею, а также неимоверным количеством шатавшихся повсюду работяг, что проверяли показания приборов, толкали тележки и занимались всякой другой деятельностью, какой положено заниматься, когда двери открыты и начальство имеет возможность, заходя за кофеваркой или еще за чем, посмотреть, что они делают. Еще большее впечатление производили выпускаемые товары. Я, как поклонник дешевых незамысловатых фокусов, с одного взгляда понял, что попал куда надо. По моим предположениям, пусть даже ничем не подкрепленным, производство это являло собой крупного заказчика уже упомянутых мною реклам, а также поставщика товаров для большинства мелких торговцев Базара, сплавляющих их туристам.

Тут я сразу догадался, в чем проблема. Поскольку большинство производимых на фабрике товаров были маленькие и портативные, то кто мог устоять перед искушением записать несколько образчиков к себе в карман? Такой шанс введет в искушение даже святого, а я серьезно сомневался в святости фабричных рабочих.

Я стоял и думал, как бы облегчить себе выполнение задания. В моем разумении достаточно было просто прикинуть, как бы я сам слямзил несколько облюбованных предметов, а потом только последить, кто провернет это на самом деле. Я допускал, что мне придется самому испытать действенность своей системы, а значит, похвастаться потом парочкой сувениров перед Нунцио.

Сначала мне требовалось сосредоточиться на создании собственного имиджа хорошего рабочего, дабы никто не заподозрил, будто меня интересует что-то иное, кроме законного жалованья.

На первых порах мне поручили довольно легкую для человека с моим умением и сноровкой работу. Мне полагалось всего-навсего брызнуть щепотью эльфопыли на каждый сходящий с конвейера магический летающий поднос. Главная трудность состояла в том, чтобы брызгать как можно меньше, так как эльфопыль дорога даже по оптовым расценкам, и пусть клиент получит только то, за что заплатил.

Помня об этом, я приступил к работе... и только тут открыл, что задача эта куда сложнее, чем я думал сначала. Видите ли, эльфопыль держат в большом мешке, а тот плавает в воздухе, потому что именно к этому стремится его содержимое. Первая сложность – не дать мешку улететь, пока ты работаешь с ним, что на самом деле труднее, чем можно себе представить, так как подъемной силы у эльфопыли вполне хватает и на вознесение мешка, и того, кто пытается его удерживать. Якорем мешку служит страховочный трос, но он держит мешок слишком высоко для рабочего. В результате последнему приходится, нанося на подносы эльфопыль, одновременно бороться с мешком (задача, по трудности сравнимая с попыткой удержать под водой большой пляжный мяч, одновременно занимаясь вышиванием) и полагаться только на страховочный трос для спуска мешка обратно на место, если он отчалит, что случается с ним довольно часто. Могут спросить, почему трос не сделали покороче, чтобы держать мешок на нужной высоте и, таким образом, упростить работу. Полагаю, по той же причине, по какой, как правило, не делается очень многое, – просто так.

Другая моя трудность была связана с тем, что никто не считал нужным предупредить меня о ней. А состоит она в том, что, работая с эльфопылью, надо помнить – она летает и, следовательно, сыплется вверх, а не вниз.

Когда я в первый раз брызнул немного эльфопыли на магический летающий поднос, то удивился, почему это поднос в результате не взлетает. Я добавил еще немного указанной субстанции, решив, что в первый раз нанес ее маловато... Затем еще чуток – не понимая, что пыль плывет вверх, к потолку, а не вниз, к подносу. К несчастью, я в тот момент склонился над подносом, удерживая мешок, и немедленно был покрыт с ног до головы эльфопылью. Первые признаки настоящего беспокойства появились у меня тогда, когда я заметил, что мои ноги больше не соприкасаются с полом и что я стал таким же летучим, как мешок, который пытался удержать. К счастью, хватка у меня всегда была достаточно крепкая, поэтому мне удалось удержаться за мешок и в конце концов спуститься по страховочному тросу, а не очутиться под потолком в свободном полете. Потом я сумел стряхнуть с одежды эльфопыль и сохранить наземную ориентацию, равно как и достоинство.

В этом мимолетном происшествии я не мог понять только одного – полного безразличия к нему других работяг. Они не только не пришли ко мне на помощь в минуту несчастья, но даже не позубоскалили по этому, в общем-то забавному, поводу. Последнее обстоятельство показалось мне особенно необычным, так как работяги – известные шутники и вряд ли упустят случай повеселиться.

Причина всего этого стала кристально ясной, когда мы сделали наконец перерыв на обед.

Я как раз настраивался насладиться полуденной едой и рискнул попросить сидевшего рядом со мной рабочего передать мне салфетку из стоящего перед ним стакана, куда я не мог дотянуться. Вместо любезного выполнения моей просьбы, как следовало бы ожидать от любого цивилизованного лица, этот шут вдруг выступает в том смысле, что шпиону он и руки не подаст, не говоря уже о салфетке. Ну, если я чего и не терплю, так это слушать, как меня обыывают шпионом, особенно когда я именно им и являюсь. Посему я счел нужным показать этому индивиду, как он ошибся в своих предположениях, а для этого слегка по-дружески немного его согнул. И только решил, что мы наконец начинаем понимать друг друга, как почувствовал, что кто-то бьет меня стулом по спине. Это несколько не улучшило моего настроения, а если учесть, что я и так уже был обижен, то понятно, почему я прислонил первого своего обидчика одной рукой к ближайшей стенке, освободив таким образом другую, и перехватил ею крестина, замахнувшегося стулом для нового удара. Только я начал как следует расходиться, вдруг слышу тихий предупреждающий свист из толпы, которая, естественно, собралась посмотреть на нашу беседу. Оглянувшись, я увидел одного из бригадиров, топающего посмотреть, из-за чего сыр-бор.

Бригадир – самое низшее звено управленцев, так как обычно они бывают выходцами из тех же работяг, и подошедший тип не оказался исключением из правила. С ходу, даже не поздоровавшись, он начал расспрашивать, в чем дело, что происходит и кто затеял заварушку. Но я, как уже говорил, разошелся и серьезно подумывал, не расширить ли круг моих собеседников, включив туда и бригадира, но тут вспомнил предупреждение Банни и представил, как трудно будет объяснить ей ситуацию, если меня в первый же день уволят с работы за избиение начальника. Поэтому я выпустил из своих рук обидчиков и скрепя сердце взял в них себя, объяснив бригадиру, что никто ничего не затевал, так как на самом-то деле ничего и не происходит... что мои коллеги случайно упали, а я помогал им подняться на ноги, вот и все.

Мои объяснения бывают очень убедительными – вам это может подтвердить любой суд присяжных, – и бригадир принял их без дальнейших расспросов, проглядев, с каким энтузиазмом я помогал коллеге подняться на ноги – бедняга едва не завис в воздухе. Наверно, он отнес это явление на счет эльфопыли, которая левитирует на фабрике все, что не догадались привязать. По этой ли причине или по какой иной, но он проглотил сказанное и убрался восвояси, мне же пришлось разделить мой обед с двумя коллегами, поскольку их обед во время нашей потасовки затоптали.

Очевидно, моя демонстрация силы убедила всех, что я вовсе не шпион, к тому же столь непрофессионально напавшие на меня парни теперь рвались поболтать со мной самым дружеским образом. Оказалось, что первого моего собеседника кличут Рокси, а его махавшего стулом приятеля – Сионом. Мы тут же поладили, так как они, похоже, настоящие парни, даже если не способны нанести правильный удар для спасения собственной шкуры, и у нас, как выяснилось, имеется много общих интересов... по женской части и по беговым лошадам. Конечно, они сразу же попали в мой список подозреваемых, так как маловероятно, чтобы индивид с моим складом мышления очень уж уважал частнособственнические претензии других людей.

Прежде чем мы возвратились на свои рабочие места, новые приятели меня проинформировали, что нанесение эльфопыли – черная работа для новичков, недостаточно знакомых с обстановкой, чтобы спорить и требовать иного. Мне посоветовали перекинуться парой слов с бригадиром, поскольку на него явно произвело впечатление мое поведение, и договориться о чем-нибудь более соответствующем моим очевидным талантам. Я был благодарен за этот совет и без дальнейших проволочек ему последовал.

Бригадир и впрямь внял моей просьбе и отправил меня работать на новое место. Однако, прибыв туда, я вынужден был заключить, что поступил бы умнее, держа свой длинный язык за зубами.

Моя новая работа по-настоящему дурно пахла... то есть в самом буквальном смысле слова. Видите ли, мне нужно было всего-навсего стоять в конце конвейера и проверять сходящий с него конечный продукт. Ну так вот, «конечный продукт» тоже надо понимать в самом буквальном смысле слова. Более сообразительные, несомненно, уже догадались, о каком продукте я толкую, но для тугодумов и дотошных редакторов я все же поясню свои намеки.

Я был поставлен проверять не что иное, как синтетические «собачьи безобразия», которые выпускаются трех видов: смущающего, отвратительного и невероятного. Маркируются они, конечно, иначе. Это я предпочел называть их именно так после того, как постоял рядом всего несколько секунд. Ну, поскольку технология на фабрике высокого класса, естественно было ожидать, что и продукция наша должна заметно отличаться от аналогичной, предлагаемой на рынке. К несчастью, я как проверяющий качество вынужден был иметь дело с конечным продуктом до того, как он отправится в упаковку, но после добавления «натурального запаха, сжимающего вас в своих объятиях».

Особенно обидно, что я до конца смены был не в состоянии обнаружить ни бригадира, ни двух насоветовавших мне такое шутников. Я просто не мог себе позволить роскоши длительных поисков, так как конвейер продолжал двигаться независимо от того, проверяет кто-то качество сходящей с него продукции или нет, и, естественно, продукция эта скапливалась в кучу. Я не особенно ловко орудую лопатой и потому счел наиболее мудрым продолжить работу, отложив беседу с коллегами на более подходящее для этого время.

Могу вас заверить, сама по себе эта работа беспокоила меня не так уж и сильно. Дома мы с Нунцио подбрасываем монету, когда надо выполнять одну из самых неприятных наших обязанностей – уборку за драконом босса, по сравнению с чем «собачье безобразие» не кажется таким уж кошмаром, если вы понимаете, что я имею в виду. Скажу даже больше: пока я работаю на конвейере, драконий загон остается исключительно на попечении Нунцио, так что я по сравнению с ним вроде даже оказываюсь в выигрыше. К тому же Рокси и Сион устроили мне розыгрыш – а это верный признак того, что меня и впрямь приняли в свою среду, что существенно облегчало мою задачу.

Единственное осложнение состояло в специфике продукта с точки зрения разумности его выноса за ворота фабрики. Даже если бы я хотел вынести несколько образчиков, что на самом деле не соответствовало действительности, поскольку, как я уже отмечал, у нас дома такого сколько угодно и куда лучшего качества, так вот, даже в этом случае «натуральный

запах, сжимающий вас в своих объятиях», не позволил бы мне пройти незамеченным мимо самых тупых охранников.

Как потом оказалось, все складывалось в мою пользу. Когда наконец подошло время уходить, я обнаружил, что вынести товар с фабрики вовсе не так легко, как я сперва полагал. Все рабочие каждый раз на выходе подвергались самой тщательной проверке со стороны мрачных субъектов, определенно знавших свое дело, и хотя нам не требовалось раздеваться для обыска, проходить приходилось по одному через серию турникетов, применявших какие-то лучи для обнаружения предметов и материалов, принадлежащих фирме. Я и так чуть не попал в беду из-за крошек эльфопыли, приставших ко мне еще с утренней работы, но Рокси заступился за меня и мигом объяснил все охранникам, после чего те, не вдаваясь в подробности, удовольствовались изъятием эльфопыли.

Это разом сняло мои претензии к Рокси за шутку с «собачьими безобразиями». И после пары тычков Сиону за его роль в этом розыгрыше мы все вместе отправились на поиски каких-нибудь запретных развлечений.

Так вот, если это последнее покажется вам недостойным времяпрепровождением, то не спешите выносить свой вердикт и читайте дальше. Уже упоминалось, что фабрика, где мы вели следствие, располагалась в одном из не занесенных ни в какие каталоги и обожаемых деволами измерений. А поскольку единственный путь в это измерение идет с Базара через фасадное предприятие владельца и он, понятно, не в восторге при мысли о сотнях работяг, топающих через его кабинет после каждой смены, то один из пунктов контракта для работы на означенной фабрике обязует заключивших его соглашаться на недельное пребывание в этом незарегистрированном измерении. Для этой цели владелец предоставил рабочим комнаты. Но так как он особенный скряга даже среди деволов, то каждую из комнат делят между собой работающие по сменам. То есть твоя комната принадлежит тебе только одну смену, а остальное время ты либо работаешь, либо где-то болтаешься. Чтобы мы не заскучали между работой и сном, владелец понастроил для нашего развлечения разные бары, рестораны, кинотеатры и видеосалоны. Все это стоит немалых денег, но их можно вычестить из нашего жалованья. Если вам это покажется чем-то вроде замкнутой экономики, то спешу напомнить, что никто и никогда не обвинял деволов в тупости, когда дело касается извлечения прибыли. Все это должно объяснить, почему мне поневоле пришлось идти кутить с Рокси и Сионом, вместо того чтобы отправиться к себе в комнату перечитывать классику, к чему я склонен значительно больше.

Ну, если говорить откровенно, легкомысленное времяпрепровождение оказалось вполне терпимым. Разумеется, мой новый имидж не позволяет мне распространяться здесь о скуке этого и последующих вечеров. Собственно, потому я едва ли не инстинктивно пытаюсь описать их покруче. Ведь естественно было предположить, что прогулка в компании парней с фабрики магических шуток и новинок просто обречена быть веселее некуда. Но оказалось, телефонные забавы с ложным вызовом легавых и то интереснее. Короче, ребята старались ублажить меня выпивкой, азартными играми и даже парочкой драк... В общем, та же старая скукотень, какой предается любая мужская компания. Но чаще всего они сидят и жалуются на фабричную работу и на то, что им недоплачивают... это я обычно пропускал мимо ушей, так как не родился еще ни один работяга, который был бы не склонен именно к такому занятию. Я с ходу определил, что во всей моей новой компании нет никого достаточно сведущего в изящных тонкостях бескапитального, то есть преступного, предпринимательства, чтобы разговаривать со мной на моем уровне. В век специализации такое неудивительно, но означает, что мне не с кем поговорить.

И это меня постоянно гнетет, причем чувство подавленности с течением времени все возрастает. Мой дух разъедает не работа и не общество работяг, а все отдаляющаяся возможность быстренько разделаться с этим заданием.

Кажется, чем энергичнее я веду свое агентурное расследование, тем непонятней мне становится, как совершаются эти кражи. Чем лучше я узнаю своих собратьев-работяг, тем больше убеждаюсь, что среди них нет несунув, даже мелких. Это не значит, что они страдают избытком честности, больше того, я уверен, они не пройдут мимо того, что плохо лежит, как и все, с кем я когда-либо имел дело – хоть в школе, хоть в бизнесе. Просто отдаю должное плотности охраны фабрики, через которую надо пробиться.

Без ложной скромности замечу, что в наш век специализации работа моего профиля требует навыков, о которых понятия не имеет никто из встреченных мною работяг. И само собой, когда после недели усиленных поисков я все еще не придумал никакого имеющего, на мой взгляд, достаточно шансов на успех плана хищения, я не мог не прийти к выводу, что система фабричной охраны непробиваема для любителя, пусть даже талантливый.

Учитывая все это, я вынужден был признать, что у нас не только мало шансов найти быстрый ответ, но есть вероятность и вовсе провалить дело. Такие мысли вызывали у меня большое беспокойство и вели прямоиком к депрессии, поскольку я сориентирован на успех не меньше, чем все прочие.

К концу недели мое настроение окончательно упало, особенно когда мне вручили чек с недельным заработком. Я не рассчитывал на фабричные деньги, так как босс мне уже хорошо заплатил. Тем не менее я был удивлен, узнав, какую сумму принес мне мой недельный труд. По правде говоря, я снова поддался искушению преуменьшить испытанное ощущение. Я не был удивлен, я был потрясен... а это дело худое – спросите любого из Синдиката, – потому что в таком состоянии я склонен выражать свое нервное расстройство физически.

То, что я не нуждался в фабричном заработке, немного сгладило мое потрясение, и потребовалось всего трое моих товарищей-работяг, чтобы оттащить меня от кассира, сообщившего мне плохую новость. Конечно, меня угостили парой дротиков с транквилизаторами, которые, как мне говорили, обычно применяются компаниями на Базаре для разрядки кадровых отношений. Если ваша компания еще не практикует такое, от души рекомендую, так как это, безусловно, бережет здоровье кассиров и, следовательно, сводит к минимуму расходы на обучение новых.

Так или иначе, как только я утих до такой степени, что всего лишь швырял мебель, и кассир успокоился, то есть получил достаточно первой помощи, чтобы заговорить, он объяснил мне суровые реалии. Из моего заработка вычли не только стоимость вышеупомянутых кутежей, но также и плату за жилье, которая – даже с учетом, что названная мне цифра составляет только треть суммы за это место ночлега, – ставит его на несколько делений выше самого шикарного курорта, где я когда-либо предавался своим декадентским удовольствиям. Представлен мне был также и подробный счет за каждую мелочь, отправленную мною за неделю в отходы, вплоть до последней крупинки эльфопыли. Я бы, конечно, полюбопытствовал, как произвели такой подсчет, ведь он указывает, что правила вычетов из зарплаты действуют на фабрике даже эффективнее, чем сдерживающая мои воровские порывы охрана. Но в то время я был слишком возмущен.

Я бы много чего мог сказать по этому поводу, если бы не объяснения, данные мне Рокси. По его словам, меня вовсе не выделяли для каких-то там особых придинок. Это общефабричная практика, от которой страдают все рабочие. Он также сообщил, что стоимость первой помощи кассиру вычтут из моего жалованья и что оставшихся денег мне не хватит на заход по второму кругу.

Из-за всего этого мне тяжело общаться с Банни на еженедельной нашей встрече и обмене сведениями, ведь я оказываюсь в ее глазах не только неудачником, но и нищим неудачником, а это самая худшая их разновидность.

– Что случилось, Гвидо? – спросила она, когда мы снова встретились. – Ты выглядишь ужасно!

Как я уже говорил, Банни умница, но, кроме того, она женщина и, значит, обладает безошибочным инстинктом на то, как поднять парню настроение.

– Я подавлен, – ответил я. – На этой фабрике ужасные условия труда, особенно если учесть получаемую нами плату...

В ответ на это Банни закатила глаза и простонала, выражая сочувствие.

– Ах, Гвидо! Ты говоришь точь-в-точь... как ты их там называешь? Ах да. Точь-в-точь как работяга.

– Потому что я и *есть* работяга!

За этот ответ я заработал сверлящий взгляд.

– Нет, ты не работяга, – сказала она довольно жестко. – Ты сотрудник корпорации М.И.Ф., ведущий здесь расследование. А теперь прекрати нытье и давай поговорим о деле.

Мне пришло в голову, что у нее нестандартные представления о том, как избежать негативного мышления.

– Что ж, – вздохнул я и намеренно беззаботно пожал плечами – очень выразительный и давно испытанный в трудных ситуациях жест. – Дело, я полагаю, зашло в тупик. После недельной работы я ничего не обнаружил и не имею даже самого туманного представления о том, где искать дальше.

– Хорошо! – произнесла она, расплываясь в улыбке, способной растопить айсберг, – редкость на Базаре, а то бы я испытал на себе свою гиперболу.

Я, естественно, удивился:

– Не верю своим ушам, Банни. Я правильно понял, ты сказала, хорошо, что я ни к чему не пришел в своем расследовании?

– Совершенно верно. Видишь ли, я со своей стороны на кое-что наткнулась, и если ты вытянул на фабрике пустышку, то, может, сумеешь помочь мне подтвердить мои наблюдения! А теперь слушай, что мне от тебя требуется.

Следуя указаниям Банни, я начал следующую неделю с просьбы к бригадиру поручить мне инвентаризацию на складе. Он сперва поартачился, так как не любил выслушивать от работяг поучения, как ему работать, но я ему напомнил, насколько малы предоставляемые владельцем пособия по госпитализации, и он стал более сговорчив.

Для Банни мне надо было производить двойную проверку поступающих на фабрику материалов и посылать ей внутрифабричной почтой лишнюю копию итогового подсчета за каждый день. Я занялся этим с радостью, так как работа оказалась не только легкой, но и оставляющей достаточно свободного времени для выстраивания собственной версии.

Понимаете, я все еще был зол из-за того, что мне сократили жалованье. И поэтому взялся за проведение собственного неофициального исследования условий труда на фабрике, а поскольку я в отличие от большинства работяг обучался в бизнес-колледже, то мне вскоре стало очевидно, что ситуация на производстве дурно пахнет, похуже, чем «собачье безобразие».

Вот просто для примера: на завод принято нанимать существа всяких видов, многие из которых трудно описать, не впадая в натурализм. Вообще-то в этом нет ничего удивительного, если учесть, что главный источник вербовки – Базар, но это ведет к вопиющим несправедливостям в шкале расценок.

Чтобы избежать недоразумений, позвольте разъяснить, что я имею в виду. Меня лично мало волнует, кто или что работает рядом со мной, лишь бы они могли выполнить свою долю работы. Заметьте, я даже не упомянул, что Рокси ярко-оранжевый, а Сион – розовато-лиловый, так как считаю, это не имеет никакого отношения к моему анализу их человеческих качеств. Признаться, мне немного не по себе находиться рядом с тем, у кого больше рук или ног, чем у меня, но это скорее профессиональная реакция, поскольку может случиться, мы разойдемся во взглядах, а мой стиль боя подразумевает противника, способного нанести такое же число

ударов руками и ногами, что и я, несколько же лишних кулаков могут произвести роковой перевес в исходных данных. Конечно, это профессиональная осторожность, а не какое-то там отторжение их личностей. Упоминаю об этом просто на тот случай, если некоторые из моих высказываний о странных существах будут приняты за расистские выпады, в коих я никогда замечен не был. Не такой я человек.

Однако, как я говорил, на фабричном конвейере работают много странных существ. Но самое безобразное заключается в том, что, хотя у некоторых из них есть лишние руки и они порой выполняют норму нескольких работяг, платят им так же, как и всем прочим. Некоторым, возможно, покажется несправедливой такая эксплуатация этих существ, я же вижу в ней угрозу работягам с обычным числом рук и ног, так как компания явно экономит на расходах, если сможет нанять побольше первых, уволив при этом максимум последних.

Еще одна замеченная мною несправедливость относится к охранникам, которых я никак не смог обойти. Так вот, это служило для меня источником любопытства с первой минуты пребывания на фабрике. Даже без особой математической подготовки нетрудно вычислить, что если бы фабрика платила охранникам то, чего они заслуживают, то и в этом случае оплата их труда превышала бы экономически выгодную. На ответ я наткнулся, когда случайно подслушал жалобы двоих сменившихся с дежурства охранников. Им, оказывается, недоплачивали в такой же мере, как и работягам, и это при том, что они сохраняли добро, стоившее миллионы! Это, разумеется, несправедливо, но я не впервые сталкиваюсь с подобными вещами и, больше того, отношу их к обычной практике любого предприятия. Как ни бредово это звучит, но на самом деле именно так и должно все обстоять. Если сторожа будут получать приличное жалованье, то преступники вроде меня станут охранниками, поскольку и работа эта чище и спокойнее, и пенсия лучше, а если не останется никаких преступников, то не будет и никакой надобности в охранниках, и все мы кончим безработными. С такой точки зрения статус-кво кажется предпочтительней.

Так или иначе, я продолжал глядеть во все глаза и держать ухо востро, пока не почувствовал, что собрал достаточно несправедливостей в подкрепление своих доводов, а потом оставалось только дожидаться подходящего момента, чтобы предъявить найденное. Для этого мне понадобилось все мое терпение, поскольку, как уже отмечалось, работяги любят пожаловаться на свою работу. Вечер, о котором я собираюсь рассказать, не оказался исключением из правила.

– Как думаешь, Гвидо? – рассуждал Рокси. – Кому приходится хуже – парням, делающим капающие туалеты, или тем, кто производит чихающие подушки на батарейках?

Прежде чем дать ответ, я усиленно делал вид, будто упорно соображаю.

– Я думаю, – осторожно начал я, – если бы мозги были динамитом, то на всей фабрике не нашлось бы пороха даже на один патрон.

Ему потребовалась минута на понимание, к чему я клоню, но когда до него наконец дошло, его глаза стали действительно злыми.

– Что бы это значило?

– Это значит, что я уже почти две недели сижу здесь, слушаю ваше нытье и ничего, в сущности, не услышал от вас о происходящем.

– Ладно, господин Соббезобразер, если ты такой умный, то уж скажи нам, работающим здесь не один год, чего же ты такого выведал за две недели.

Я предпочел пропустить мимо ушей шпильку насчет Соббезобразера, так как к нашему разговору теперь стали прислушиваться работяги с нескольких столиков. Я рисковал потерять их внимание, если бы потратил время на разборки с Рокси.

– Вы, ребята, проводите все время в спорах о том, кому приходится хуже, но суть дела упускаете. А она в том, что всем вам достается кукиш с маслом.

И с этими словами я принялся перечислять дюжину наиболее убедительных примеров замеченной мной эксплуатации работяг. К концу моего выступления меня слушал, постепенно закипая, уже весь бар.

– Ладно, Гвидо. Твой довод поняли, – сказал Рокси, пытаясь сделать еще один глоток из кружки, прежде чем до него дошло, что та пуста. – Ну и что же нам делать? Политику компании определяем не мы.

Я продемонстрировал аудитории неподражаемую улыбку.

– Мы не определяем политику компании, но именно *нам* решать, будем мы работать или нет при таких условиях и за такую плату.

Услышав это, Рокси просветлел, словно только что выиграл в лотерею.

– Совершенно верно, – согласился он. – Они контролируют фабрику, но без нас, рабочих, не отгрузят ни одного «собачьего безобразия».

Толпа к этому времени порядком распалилась, все пили и хлопали друг друга по плечам. И вот тут кто-то мрачно заметил:

– А что помешает им, если мы заартачимся, просто-напросто нанять новых рабочих?

Это сказал Сион. Как вы, возможно, заметили, он возникает куда реже, чем Рокси, но когда открывает рот, другие работяги обычно прислушиваются. Данный случай не исключение, и в баре стало тише – работяги старались сфокусироваться на новой проблеме.

– Брось, Сион, – откликнулся Рокси, пытаясь отделаться смехом. – Какой идиот станет работать за такую плату и при таких условиях?

– Рокси, *мы* именно так и поступали, к тому же не один год! По-моему, найти новых рабочих им будет нисколько не труднее, чем прежних.

Я решил, что настало время вмешаться в происходящее.

– Ты проглядел несколько моментов, Сион, – сказал я. – Во-первых, наем и обучение новых рабочих потребуют времени, и в течение этого времени фабрика не будет выпускать на продажу «собачьих безобразий», и, значит, владелец потеряет деньги, что ему не может понравиться.

На это Сион только пожал плечами.

– Верно, но он скорее всего предпочтет краткосрочную потерю денег от закрытия фабрики долгосрочным расходам на выплату нам повышенного жалованья.

– И это приводит нас к другому, не учтенному тобой моменту.

– К какому же?

– Новым рабочим придется выносить одно нестерпимое условие труда, которое нас не касается... а именно – наше присутствие! Им придется, идя каждое утро на работу, проходить мимо кого-то из нас, и хотя охранники – мастера сторожить фабрику, но, по моим сведениям, компания не сможет обеспечить всех новичков телохранителями.

Это, кажется, послужило ответом на возражение. Тогда мы углубились в детали плана, разработка которого непосвященному может показаться легким делом, в действительности же, прежде чем привести что-то в движение, нужно учесть многое. Требовалось ввести в курс дела две другие смены, согласовать список требований, не говоря уже о создании забастовочного фонда на тот случай, если другая сторона захочет попробовать одолеть нас голодом.

Многие парни хотели, чтобы я руководил этим делом, но я счел для себя невозможным принять эту честь и с чистой совестью предложил этот пост Рокси. В качестве аргумента я сослался на то, что работяг должен представлять кто-нибудь с более чем двухнедельным стажем работы, но на самом деле я просто не знал, долго ли еще проработаю до того, как босс вернет меня к моим обычным обязанностям, и не хотел, чтобы движение застопорилось из-за внезапного исчезновения лидера. Я вызвался натаскать их по части обращения с новичками, которых попытается нанять фабрика, так как большинство нынешних работяг, когда дело доходит до трудовых споров, выказывают абсолютную беспомощность.

Работа на складе и содействие рабочему движению отнимали массу времени, так что я чуть было не пропустил еженедельную встречу с Банни. К счастью, я вовремя о ней вспомнил, и это хорошо, так как Банни – куколка, а куколки не любят, когда про них забывают.

– Привет, малютка! – подмигнул я ей с самым лихим видом. – Как дела?

– Ну, ты явно в бодром настроении, – усмехнулась она в ответ. – Думала, у меня есть для тебя хорошие новости, но, похоже, ты уже в курсе.

– В курсе? В курсе чего?

– Задание выполнено. Я расколола дело.

Это известие вызвало у меня чувство вины и стыда, так как я уже много дней не думал о задании, но теперь постарался скрыть это за демонстрацией энтузиазма.

– Кроме шуток? Ты выяснила, как тырят товар?

– На самом-то деле речь, оказывается, шла о хищениях, а не о мелких кражах. Один из деволов в бухгалтерии химичил с накладными на получение сырья и платил за большее, чем приходило на разгрузку.

– Банни, – сказал я, – постарайся вспомнить, что диплом у меня не по бухгалтерской науке. Ты не могла бы растолковать мне на пальцах, как для младенца, суть этой махинации?

– Ладно. Когда мы покупаем сырье, каждый груз подсчитывается, и итог отправляется в бухгалтерию. Вот этот-то итог и определяет, сколько мы платим поставщику и какое количество сырья должно поступить на склад. Так вот, наш расхититель договорился с поставщиками присылать нам счет за большее количество сырья, чем мы получаем на самом деле. Он подделывает накладные для оприходования излишков, платит поставщикам за неотгруженное сырье, а потом делит с ними лишние деньги. Беда в том, что, поскольку те же самые цифры фигурируют на складах, по документам там находится больше товаров, чем есть в действительности. Поэтому, когда фабрика почувствовала недостачу, владелец счел сотрудников несунами. Недостающие товары не крали, их вообще никогда не было на фабрике.

Я оценивающе присвистнул:

– Вот здорово, Банни! Босс будет по-настоящему гордиться тобой, когда услышит.

Это заставило ее немного покраснеть.

– Я сделала все это не одна. Если бы ты не снабжал меня дубликатами документов, я бы ничего не сумела доказать.

– Пустяки, – расщедрился я. – Я лично прослежу, чтобы босс узнал, какая жемчужина с ним работает, и ты приобретешь его вполне заслуженное уважение.

– Спасибо, Гвидо, – сказала она, кладя ладонь мне на руку. – Я пытаюсь произвести на него впечатление, но иногда мне думается...

Она оборвала фразу и отвела взгляд. Мне показалось, что глаза у нее на мокром месте. Стремясь предотвратить поток слез, который, несомненно, смутил бы нас обоих, я намеренно повернул разговор к первоначальной теме:

– Так что же они теперь собираются делать с этим расхитителем?

– Ничего.

– Что ты сказала?

– Нет, это не совсем верно. Он получит повышение.

Она снова повернулась ко мне, и я увидел у нее на губах бесовскую усмешку, что было желанной переменной.

– В самом деле. Оказывается, он шурин владельца. Хитрость, потребовавшаяся для подобной аферы, произвела такое впечатление на хозяина, что он дал этому гаденышу более высокий пост в компании. Полагаю, он хочет, чтобы тот крал для фирмы, а не у нее.

Мне потребовалось несколько секунд на понимание, и мой обычно подвижный рот застрял в открытом положении.

– Так с чем же тогда остаемся мы? – сумел наконец выдать я.

– С успешным расследованием и с жирной премией за быстрое раскрытие дела. Хотя, сдается мне, часть этой премии предназначена для затыкания нам ртов, чтобы не болтали повсюду о том, как Гиббеля обжулил собственный шурин.

Теперь я и впрямь порадовался, что мы разобрались с порученными нам кражами, не впутывая никого из работяг, с которыми я подружился. Но в то же время я пожалел, что теперь уже не смогу быть тут и помочь им, когда рванет «собачье безобразие».

– Ну, тогда, полагаю, все ясно. Нам лучше явиться к боссу и посмотреть, не случилось ли чего в наше отсутствие.

– Что-то не так, Гвидо? Ты, похоже, немного опечален.

– А-а-а! Ерунда, Банни. Просто подумал, что буду скучать по некоторым парням с фабрики, вот и все.

– А может, и нет, – очень таинственно произнесла она.

Теперь была моя очередь сверлить ее взглядом.

– Ну-ка, Банни, выкладывай, что там у тебя? Ты же знаешь меня, я не люблю сюрпризов.

– Ну, я собиралась подождать до возвращения домой, но думаю, будет полезно устроить тебе предварительный допрос.

Она оглянулась по сторонам, словно нас мог кто-то подслушать, а затем наклонилась, чтобы я расслышал ее шепот:

– В фабричной конторе я уловила слух, что на магической фабрике, кажется, образуется профсоюз. Я хочу предложить Скиву немного поразведать... застолбить, что ли, участок. Представляешь, сколько мы сможем содрать за разгон профсоюза?

У меня возник внезапный интерес к потолку.

– Э, Банни? – выдавил я. – Понимаю, ты хочешь показать боссу, как здорово обеспечи-
ваешь нас работой, но, думаю, данный случай в интересах корпорации М.И.Ф. разумней было бы оставить без внимания.

– Но почему? Если образуется профсоюз, то владелец может потерять в десять раз больше, чем на хищениях. Мы сумеем заключить здесь действительно убойную сделку. Он уже знаком с нашей работой.

В ответ я откинулся на спинку стула и медленно улыбнулся:

– Когда дело доходит до убойного, Банни, я советовал бы тебе не учить ученого, в данном случае меня. Более того, бывают ситуации, когда самое мудрое не раскрывать клиенту всех секретов своей работы... и поверь мне, Банни, это как раз такая ситуация!

Глава вторая

*Все зависит от того, что вы понимаете под «веселым
временепровождением»!*

Л. Борджа

– Новоявленный агитатор и профсоюзный вожак! Подумать только, и я ему еще за это платил!

Я как-то сумел сохранить невозмутимое выражение лица, а это потруднее, чем кажется.

– На самом деле, господин Гиббель, я платил ему за помощь в раскрытии источника утечек с вашего склада, и он выполнил свою задачу, а вы платили ему за работу на фабрике, с чем он тоже неплохо справлялся, и я не совсем понимаю, на что вы, собственно, жалуетесь.

С мгновение мне казалось, девол вот-вот кинется через стол и вцепится мне в горло.

– Я жалуюсь на то, что ваш так называемый агент организовал на моей фабрике профсоюз, стоящий мне кучу денег!

– Нет никаких доказательств его участия в...

– А почему же тогда его имя всплывает каждый раз...

– ... а даже если и так, то я не уверен, есть ли мне до этого дело. Я занимаюсь бизнесом, господин Гиббель, с сотрудниками, а не с рабами. Чем они занимаются в свободное время – это их дело, а не мое.

– Но он действовал как ваш агент!..

– ...расследуя проблему с кражами, которая, как мне говорили, благополучно разрешена.

Пока мы говорили, Корреш сунул голову в кабинет, увидел, что происходит, и вошел целиком в личине большого злого тролля, каковым он, собственно, и был. Замечу, что работал я в то время без секретарши, так как, выяснив, что в действительности произошло у Банни и Гвидо на последнем задании, счел мудрым посоветовать им залечь на дно. В качестве дополнительной предосторожности я настоял, чтобы они прятались порознь, так как боялся, что Банни просто прибудет Гвидо, если они окажутся одни носом к носу. По какой-то причине моя секретарша, похоже, приняла профсоюзную деятельность Гвидо слишком близко к сердцу.

– ... А теперь извините, господин Гиббель, я очень занят. Если желаете и дальше разбираться с этим вопросом, то рекомендую вам Большого Грызя. Он обычно занимается жалобами на нашу фирму.

Разгневанный девол начал было возмущаться, но оглянулся и сразу же подскочил, проглотив все, что собирался сказать, а когда поднял взгляд повыше... и еще выше! Я в свое время на собственном опыте убедился, что тролли вблизи могут казаться оч-чень крупными.

– Маленький девол хочет драться с Большой Грызь? Грызь любит драться!

Гиббель слегка порозовел и снова повернулся ко мне.

– Послушайте, Ск... господин Скив. Ведь все это в прошлом, верно? Что вы скажете насчет того, чтобы помочь мне в деле с этим профсоюзом?

Я откинулся на спинку кресла и положил руки на затылок.

– Нас это не интересует, господин Гиббель. Трудовые конфликты – не наш профиль. Однако если хотите небольшой бесплатный совет, то я порекомендовал бы вам договориться. Длительные забастовки могут оказаться очень дорогостоящими.

Девол оскалил было зубы, но затем снова взглянул на Корреша и искривил губы в улыбке. Он не сказал больше ни слова, пока не добрался до двери, и даже там заговорил со старательной почтительностью:

– Э-э... если такая просьба не слишком обременительна, не могли бы вы ненадолго при-
слать этого Гвидо – просто показаться рабочим? Ведь когда он взял да исчез, некоторые бол-
тали, будто это я устранил его. Мне бы тогда немного легче было вести переговоры.

– Я спрошу его... когда увижу в следующий раз.

Девол благодарно кивнул и ушел.

– Несколько затруднительное положение, а, Скив? – спросил Корреш, снова становясь
самим собой.

– Еще один довольный клиент корпорации М.И.Ф. заглянул выразить свою благодар-
ность, – вздохнул я. – Напомни мне не отправлять впредь Гвидо на задания без совершенно
точных инструкций. Хм-м-м?

– А как насчет хорошей порки?

Я покачал головой и снова выпрямился в кресле, взглянув на кучу бумаг, которые,
похоже, размножаются на моем столе всякий раз, когда отсутствует Банни.

– Хватит об этом. Что я могу для тебя сделать, Корреш?

– Хм-м? Да нет, ничего. Я просто искал сестричку, хотел узнать, не пообедал ли она
вместе со мной. Не знаешь, где она?

– Тананда? Вообще-то я отправил ее на задание. Извини.

– Не важно. Что за работу ты поручил старушке?

– Да ничего особенного, – сказал я, перебирая бумаги в поисках письма, которое читал,
когда ворвался Гиббель. – Всего лишь небольшое взыскание долга в нескольких измерениях
отсюда.

– ТЫ СПЯТИЛ?!

Корреш вдруг навис над моим столом, два его лунных глаза разных размеров оказались
всего в нескольких дюймах от моих. Мне пришло в голову, что я никогда не видел этого тролля
по-настоящему рассерженным. А узрев такое, искренне понадеялся, что никогда больше не
увиджу вновь. Конечно, при условии, если переживу этот первый раз.

– Тпру! Корреш! Успокойся! В чем дело?

– ТЫ ОТПРАВИЛ ЕЕ ВЗЫСКИВАТЬ ДОЛГ ОДНУ?

– Она должна отлично справиться, – поспешно проговорил я. – Задание показалось мне
весьма спокойным. Именно потому я и отправил ее, а не одного из наших тяжеловесов...
Думал, это дело требует тонкости, а не мускулов. Кроме того, Тананда вполне может о себе
позаботиться.

Троль застонал, и склонившаяся его голова стукнулась о стол. Несколько секунд он оста-
вался в такой позе, глубоко дыша, прежде чем заговорил:

– Скив... Скив... Скив. Я все время забываю, как недавно ты знаком с нашей семейкой.
Это начинало меня беспокоить.

– Брось, Корреш, что стряслось? С Танандой ведь все будет отлично, не так ли?

Троль поднял голову и посмотрел мне в глаза.

– Скив, неужели ты не понимаешь... это около тебя мы все расслабляемся, но когда тебя
нет поблизости...

Восхитительно.

– Слушай, Корреш. Логике твоей, как всегда, можно позавидовать, но не мог бы ты про-
сто сказать, в чем дело? Если, по-твоему, Тананда в опасности...

– Я БЕСПОКОЮСЬ НЕ О НЕЙ!

Корреш с заметным усилием взял себя в руки.

– Скив... дай я попробую объяснить. Сестричка моя чудесная особа, я искренне ее люблю
и восхищаюсь ею, но у нее есть склонность... слишком остро реагировать на некоторые вещи.
Мамуля всегда говорила, что это из-за соперничества со старшим братом, способным без осо-
бого труда разносить все на части. Те же, кому довелось с ней поработать, объясняют это про-

сто злобностью характера. Короче, у нее тяга к бессмысленному уничтожению еще больше, чем у меня... или у кого-либо еще, с кем мне доводилось встречаться. Так вот, если это твое задание требует тонкости...

Он оборвал фразу и покачал головой.

– Нет, – заключил он с решимостью в голосе. – Другого способа управиться с этим нет. Мне придется просто догнать ее и попытаться чуточку осадить. В какое, ты сказал, измерение она отправилась?

Прямой вопрос выдернул меня наконец из умственного паралича, в который меня ввергло его признание.

– Ну, в самом деле, Корреш. Не преувеличиваешь ли ты слегка? Я хочу сказать, ну, много ли бед она может учинить?

Троль вздохнул:

– Слышал когда-нибудь об измерении под названием Ринасп?

– Не могу сказать, чтобы мне встречалось такое название.

– Это потому, что его больше нет. Именно туда моя сестричка в последний раз отправлялась взыскивать долг.

– У меня где-то здесь должно быть название измерения! – И я с новообретенным отчаянием нырнул в грудку бумаг.

Рассказ Корреша

Да гори все синим пламенем! Я-то думал, Скив наконец поднабрался ума. Ведь дураку ясно: не зная броду, не суйся в воду, а уж тем более не тащи за собой других! Он что, не воображает... Тананда может... я даже не... Ну, он понятия не имеет, как нас воспитала мамуля, вот и все, что я могу сказать.

Конечно же, нельзя ждать многого от пентюха, воспитанного извращенцем, так ведь... хм-м-м? Ну, старина Корреш, опять настало твое время, а?

Должен признаться, это последнее задание для Тананды с взысканием долга здорово меня обеспокоило. Сестричке и в лучшие дни не доставало такта, а в последнее время...

Насколько я могу судить, между ней и Банни пробежала черная кошка. Они никогда особо не ладили, но с тех пор, как племянница Дона Брюса положила глаз на Скива, обстановка накалилась до предела. Уверяю вас, дело не в том, что у сестрички есть свои виды на паренька. Если она и испытывает к нему чувства, то скорее всего сестринские, чем какие-либо иные... упаси бог. Просто Тананду приводит в негодование тактика Банни.

Видите ли, Банни из кожи лезет вон, чтобы доказать Скиву, какой она великолепный работник, а сестричка вбила себе в голову, что это отрицательно сказывается на ее профессиональной репутации. Тананда всегда особенно гордилась своей внешностью и умением работать, а тут Банни расхаживает с важным видом по конторе и распинаясь о том, как хорошо прошло последнее задание. Сестричка чувствует себя уязвленной по обоим пунктам. Насколько я могу судить, она твердо решила доказать, что ее суровая жизненная школа ни в чем не уступает образованию, приобретенному Банни в том пансионе для девиц, куда посылал ее учиться Синдикат. В соединении с ее обычной склонностью к перегибам это сулит неприятности тому, с кого она отправилась требовать долг.

Меня ошеломило предчувствие неминуемой катастрофы. К тому же что это, в самом деле, за название для измерения – Аркадия? Похоже на вывеску одного из этих проклятых видеосалонов. Я бы, наверное, и вовсе его не нашел, если бы не получил вместе с названием и координаты. По ним я и свалился на край города, и поскольку сестричка пользовалась тем же путем, я предположил, что отстал от нее ненамного.

Аркадия показалась мне довольно приятным измерением. Можно было назвать ее и в чем-то странной, но все же привлекательной – тихое такое, сонное местечко, где можно расслабиться и чувствовать себя как дома. Мне очень хотелось надеяться, что такой она и останется на протяжении всего нашего здесь пребывания.

Мое созерцание внезапно прервалось окликом с близкого расстояния.

– Добро пожаловать на Аркадию, незнакомец. Могу я предложить вам стакан соку?

Источником этого приветствия был низкорослый, похожий на гнома старичок, сидевший верхом на трехколесном велосипеде с лотком на тележке. Он, казалось, воспринял мое неожиданное появление и мою физиономию так спокойно, что я чуть было себя не выдал, но вовремя одумался и вспомнил про свою легенду. Это немного хлопотно, но вряд ли кто поверит троллю с хорошими манерами.

– Хорошо! Здорово! Грызть хочет пить!

С утробным рыком я схватил два предложенных стакана, засунул их в рот, закатив глаза, и с удовольствием ими захрустел. Хороший прием... с его помощью редко когда не удается произвести впечатление. Гном, однако, и глазом не моргнул.

– По-моему, я не видел вас раньше, незнакомец. Что привело вас сюда?

Я решил бросить дальнейшие попытки его запугать и перешел прямо к сути.

– Грызть искать подруга. Видел маленькая женщина... такая высокая... зеленые волосы?

– Она была тут совсем недавно. Это ваша подруга?

Я энергично закивал головой и показал клыки.

– Грызть любит маленькая женщина. Вытащила колючка из нога Грызя. Куда пошла маленькая женщина?

– Она спросила у меня, где находится полицейский участок, и ушла в том направлении... туда.

Ужасно милый старикан, в самом деле. Я решил, что могу позволить себе немного расслабиться.

– Грызть благодарит мил-человека. Если мил-человека нужен сильный друг, звать Грызя, ладно?

– Буду иметь в виду. А если понадобится моя помощь, только крикните.

Тут я покинул его, пока мы чересчур не подружились. Люди редко бывают вежливы, не говоря уж любезны, с троллем, и я боялся за разговором отвлечься от поисков Тананды. Ради блага Аркадии этого нельзя было допустить.

Думаю, моя краткая беседа все-таки заняла больше времени, чем я представлял. Я нашел Тананду, когда она удрученно сидела на ступеньках полицейского участка, видимо, уже закончив там все свои дела. Должно быть, дела обстояли лучше, чем я предполагал, так как ее не посадили за решетку, а здание все еще стояло на месте.

– Здорово, сестричка, – окликнул я ее как можно веселей. – Ты вроде как грустишь? Проблемы?

– Привет... Корреш? Что ты здесь делаешь?

К счастью, я предвидел этот вопрос и хорошо отрепетировал ответ:

– Да просто взял небольшой отпуск. Пообещал Аазу заскочить в это измерение и проверить несколько потенциальных инвестиций, а когда Скив сказал, что ты тоже здесь, то подумал кстати посмотреть, как у тебя дела.

– Это можно выразить одним словом, – сказала Тананда, снова опуская подбородок на ладони. – Паршиво.

– Возникли затруднения? Ну-ка давай выкладывай все старшему братцу.

Она слегка пожала плечами:

– Выкладывать-то особенно нечего. Я здесь с заданием взыскать долг, потому и думала встретиться с местными жандармами, посмотреть, не числится ли у них чего за этим парнем, или хотя бы узнать, где он.

– И? – поторопил я ее.

– Ну, они, конечно, знают, кто он. Богатый филантроп... пожертвовал миллионы на нужды города, помогает бедным и все такое.

Я почесал в затылке и нахмурился:

– Не очень-то похоже на парня, оставляющего счет неоплаченным, не так ли?

– Настоящая проблема в том, как это проверить. Он, говорят, затворник. Его, кажется, много лет никто не видел.

Я мог понять, почему она подавлена. Это задание явно было не из тех, какие можно закончить в рекордный срок, а ей, разумеется, хотелось поскорей с ним справиться, продемонстрировав свою деловую хватку.

– Положение может стать затруднительным. Кто вообще этот парень?

– Зовут Хус. Похоже на что-то из Доктора Сюсса¹, не правда ли?

– Скорее на что-то вроде банка.

– Чего-чего?

¹ Теодор Сюсс Гайзел (Доктор Сюсс) – американский детский писатель и иллюстратор своих книг. Автор забавных рассказов и стихов-бессмыслиц.

Вместо того чтобы повторяться, я просто показал. По другую сторону улицы направо стояло заметное здание с вывеской «Национальный банк Хуса».

Тананда тут же поднялась на ноги и двинулась вперед.

– Спасибо, Корреш. Возможно, дело обстоит не так уж печально.

– Не забывай, мы совсем недалеко от полицейского участка, – предостерег я сестричку, спеша от нее не отстать.

– Что значит «мы»? – резко остановилась она. – Это *мое* задание, братец, поэтому не вмешивайся и не путайся под ногами. Понял?

Я считал нежелательным затевать драку с Танандой посреди людной улицы, не говоря уже о близости полицейского участка, к тому же я вовремя вспомнил, что нахожусь здесь для того, чтобы уберечь ее от неприятностей.

– Да ради бога. Просто я думал пойти с тобой за компанию... как наблюдатель. Ты же знаешь, я люблю смотреть, как ты работаешь. А еще, помнишь, как говорила мамуля: «Доброе участие никогда не помешает».

Не уверен, успокоили ли ее мои слова или она просто решила, что лишнее подтверждение ее заслуг не повредит, но сестричка хмыкнула и направилась в банк.

Учреждение было весьма стандартным для банка: клетки кассиров, столы для заполнения бланков на выдачу и прием вкладов и т. д. Единственное, что вообще заслуживало внимания, – это специальное окошко для обмена межизмеренческой валюты, само наличие которого, на мой взгляд, указывало, что здесь занимались демоновским бизнесом в большей степени, чем можно было ожидать от такого захолустного измерения. Я собрался указать на это Тананде, но у нее явно имелись собственные планы. Даже не взглянув на окошко, она решительным шагом направилась в кабинет управляющего.

– Чем могу помочь, барышня? – равнодушно осведомился сидевший там тупой на вид субъект.

– Многим. Я хотела бы видеть господина Хуса.

В ответ на это нас долго, медленно и внимательно разглядывали слабые глаза, несколько лишних секунд они задержались на мне. Я изо всех сил старался выглядеть невинно... что для тролля не так-то легко.

– Боюсь, это совершенно невозможно, – сказал он наконец, возвращая свое внимание к работе на столе.

Я почувствовал, как Тананда борется со своим темпераментом, и мысленно скрестил пальцы.

– Это крайне срочно.

Глаза снова пробежались по нам, и он с видимым недовольством отложил карандаш.

– Тогда, вероятно, вам лучше обратиться ко мне.

– У меня есть кое-какая информация для господина Хуса, но, думаю, он захочет услышать ее лично.

– Это вы так думаете. Давайте вашу информацию, и я сам решу, позволить вам повторить ее господину Хусу или нет.

Нам выбирать явно было не из чего.

Тананда тоже, кажется, признала это.

– Я не хочу поднимать панику, – сказала она, – но у меня есть надежные сведения, что этот банк собираются ограбить.

Я немного удивился, хотя изо всех сил старался этого не показать. Управляющий банком, похоже, воспринял новость спокойно.

– Боюсь, вы ошибаетесь, барышня, – сказал он с натянутой улыбкой.

– Мои источники редко ошибаются, – стояла она на своем.

– Вы недавно на Аркадии, не так ли?

– Ну...

– Как только вы пообвыкнете тут, то поймете, что в этом измерении нет ни одного преступника, способного хоть что-либо украсть у господина Хуса, не говоря уже об ограблении его банка.

Этот Хус начинал казаться тем еще парнем. Сестричка, однако, не позволила так легко от себя отделаться.

– А как насчет преступника из другого измерения? Не столь уважающего господина Хуса?

Управляющий поднял бровь:

– Кого же, например?

– Ну, что если бы я и мой друг решили...

Дальше она сказать не успела.

Должен признаться, при всей своей напыщенности управляющий дело знал. Я не заметил в его движениях ничего подозрительного, но банк внезапно наполнился вооруженными охранниками. Их внимание сосредоточилось на нас.

Я подтолкнул Тананду локтем в бок, но та раздраженно от меня отмахнулась.

– Сказано было только «что если».

– Конечно, – улыбнулся без всякого юмора управляющий. – Я считаю этот вопрос исчерпанным. Всего хорошего.

– Но...

– Я сказал «всего хорошего».

С этими словами он вернулся к своей работе, не обращая на нас ни малейшего внимания.

Попытка разделаться со всей конторой, полной охранников, граничила бы с безумием. Поэтому я пришел в ужас, сообразив, что сестричка замышляет именно такую акцию, и принялся как можно небрежней насвистывать «Жребий полицейского не из счастливых» Гилберта и Салливана², мягко напоминая, что до полицейского участка рукой подать. Тананда бросила на меня взгляд, способный сбить сливки, но сообщение приняла, и мы ушли без лишнего шума.

– Что теперь, сестричка? – очень тактично спросил я.

– Разве это не очевидно?

Я несколько секунд подумал над этим.

– Нет, – честно признался я. – Мне кажется, ты зашла в тупик.

– Значит, ты все пропустил мимо ушей, – одарила она меня одной из самых надменных своих усмешек. – Управляющий дал мне отличное указание, где попробовать дальше.

– И где же?

– Разве ты не помнишь, как он сказал, что ни один преступник не ограбит этого Хуса?

– Точно. И?

– И если здесь есть криминальные связи, то я, вероятно, смогу ими воспользоваться и получить кое-какие сведения из первых рук.

Мне это показалось довольно зловещим. Но я давным-давно научился не спорить с Танандой, когда та что-то вобьет себе в голову. И решил действовать иначе.

– Не хочу спорить, – придрался я, – но как ты собираешься выйти на эти твои криминальные связи? Они что, пропечатаны в «Желтых страницах»³?

Ее шаг заметно замедлился.

– Тут есть проблема, – признала она. – И все же должен быть какой-то способ получить нужные сведения...

² У. Гилберт и А. Салливан – соавторы целой серии комических опер, необычайно популярных в Англии всю последнюю треть XIX века, но ставящихся там и по сей день.

³ Телефонный справочник.

– Могу я предложить вам стакан холодного соку, барышня?

Это обратился к Тананде мой утренний друг с велолотком. У меня появилось желание посоветовать ему замолчать, так как прерванный мыслительный процесс сестрички мог иметь самые невообразимые последствия, но понятия не имел, как бы это сделать, не выходя из роли. И тут Тананда просто удивила меня. Вместо того чтобы стереть его в порошок за назойливость, она подарила ему самую ослепительную улыбку.

– А, приветик! – промурлыкала она. – За мной должок – я так и не поблагодарила вас за помощь. Помните, утром вы указали мне дорогу к полицейскому участку.

Ну, улыбки сестрички могут сокрушительно подействовать на нервную систему любого представителя мужского пола, и этот тип не стал исключением.

– Не стоит благодарности, – покраснел он. – Если еще чем могу помочь...

– О, вы можете оказать мне одну малюсенькую-премалюсенькую услугу.

Ресницы ее затрепетали, словно бешеные, и лоточник заметно растаял.

– Назовите ее.

– Ну-у-у... не скажете ли, где мне найти хотя бы одного закоренелого преступника, а лучше всего пяток? К сожалению, я здесь недавно и не знаю ни одной живой души, у кого могла бы хоть что-то спросить.

Я счел это безвкусным и ожидал от велолоточника пространных рассуждений по поводу опасного влияния на хорошенькую девушку дурного общества. Однако старикан, несомненно, воспринял это как должное.

– Преступников, да? – потер он подбородок. – Давненько не имел особых дел с подобными личностями. Но прежде их можно было найти в «Условном сроке».

– В чем?

– В «Условном сроке». Это что-то вроде таверны с гостиницей. Владелец открыл ее после того, как ему здорово повезло и он дешево отделался на весьма жарком судебном процессе. Кажется, судья не ошибся, отпустив его на волю, поскольку за ним с тех пор ничего криминального вроде не числилось, но всякая шваль околачивается именно там. По-моему, они надеются, что им кое-что передастся от этого сказочного везения.

Тананда слегка ткнула меня в ребра и подмигнула:

– Ну, похоже, там моя следующая остановка. Так где, вы говорите, уважаемый, находится это заведение?

– Парой кварталов дальше по той улице, а потом свернуть налево в переулок. Не заметить его невозможно.

– Спасибо, вы действительно очень помогли.

– Не стоит упоминать об этом. Вы уверены, что не хотите соку?

– Может быть, позже. Но сейчас я спешу.

Старик покачал головой вслед ее удаляющейся спине.

– Вот в этом-то и беда нынешнего поколения. Все спешат. Согласен со мной, великан?

Я снова стал разрываться между желанием вступить в разговор с этим симпатичным стариканом и необходимостью присматривать дальше за сестричкой. Как всегда, победила верность семье.

– А-а-а... Большой Грызь тоже спешит. Поговорит с маленьким человека позже.

– Разумеется. В любое время. Я обычно всегда где-то здесь.

Он помахал мне на прощание, я помахал ему в ответ и поспешил вслед за Танандой.

Когда я догнал сестричку, она казалась полностью поглощенной своими мыслями, поэтому я счел самым мудрым хранить молчание, идя рядом с ней. Я полагал, что она продумывает свой следующий шаг... во всяком случае, пока она не заговорила.

– Скажи-ка мне, братец, – произнесла она, не глядя на меня. – Что ты думаешь о Банни?

Ну, мамуля глупых детей не растила. Только меня с Танандой. Не требовалось усиленной умственной гимнастики, дабы понять, что сейчас не самое лучшее время нахваливать сестричку соперницу. И все же я чувствовал бы себя лжецом, а то и предателем, если бы соврал в ответ на прямой вопрос.

– Э-э... ну, нельзя отрицать – она привлекательна.

Тананда кивнула, соглашаясь.

– ...Полагаю, на дешевый, невзыскательный вкус, – уточнила она.

– Конечно, – осторожно продолжал я, – у нее есть небольшая слабинка по части стремления выпендриться.

– *Небольшая* слабинка! Корреш, у тебя положительно талант к преуменьшению. Банни – одна из самых нахальных сук, каких я знаю.

Меня вдруг очень обрадовало, что я не развил свою мысль, сравнивая проблему Банни с могучими устремлениями самой моей сестрички. Но думаю, что Тананда включала себя в свой список нахальных сук. И все же я хотел прозондировать почву еще по одному пункту.

– Впрочем, на ее поведение, возможно, влияет увлечение Скивом.

В ответ на это Тананда врезала рукой по минуемому нами указательному столбу, и тот заметно накренился. Она хоть и не так сильна, как ваш покорный слуга, но все же способна вмазать, да еще как... особенно когда взбешена.

– Вот это-то и мучает меня, – прорывалась она. – Если она думает, будто ей вот так, в вихре вальса, удастся опутать Скива... то сделает она это только через мой труп. Я не привыкла питаться объедками с барского стола. Скажу одно – ей придется пересмотреть свои намерения!

Я направил на нее свой долгий невинный взгляд.

– Вот это да, сестричка! – воскликнул я. – Ты, кажется, ревнуешь. Я и не представлял, что ты сама имеешь какие-то романтические виды на Скива.

Это чуть замедлило ее шаг.

– Ну, на самом-то деле нет. Просто суть в том... черт возьми, Корреш, мы вырастили Скива и сделали его тем, кем он стал сегодня. Не сомневаюсь, он может найти подругу и получше, чем какая-то штучка из Синдиката.

– А кем именно он стал? Хм-м-м?

Тананда бросила на меня недоумевающий взгляд:

– Не уверена, что поспеваю за твоей мыслью, братец.

– Посмотри как следует на результат наших совместных усилий. Скив сейчас один из самых популярных магов-бизнесменов на Базаре. Кого же он должен, по-твоему, выбрать себе в спутницы. Машу? Посудомойку? А может, одну из лоточниц или мошенниц?

– Ну нет.

Я сам теперь разошелся. Мы с Танандой редко говорили серьезно, и когда это случалось, то обычно она обвиняла меня в неблагодарности. На этот раз я не собирался дать ей спуску.

– Конечно же, Скив начинает привлекать внимание кое-каких весьма энергичных охотниц за мужьями. Нравится нам это или нет, но мальчик вырастет, и не считаться с этим нельзя. Скажи откровенно, сестричка, если бы ты сегодня встретила с ним впервые, а не после стольких лет знакомства, разве сама не сочла бы его лакомым кусочком?

– Он все равно несколько молод для меня, но я понимаю твой довод... и не собираюсь вешаться на шею каждому встречному-поперечному.

– С каких это пор? – осведомился я, но очень тихо.

Тананда бросила на меня суровый взгляд, и я подумал, что она меня услышала.

– Ты меня удивляешь, – нахмурилась она, – можно подумать, ты за союз Скива с Банни.

– С ней или кем-то вроде нее. Будем смотреть правде в глаза, сестричка, при его нынешнем образе жизни малыш вряд ли свяжется с какой-нибудь милой, вежливой, верной, но заурадной девушкой... а если все же такое случится, мы сами вмиг слопаем ее с потрохами.

Шаг Тананды замедлился, она почти остановилась.

– Ты имеешь в виду, что пребывание в нашем обществе губит его личную жизнь? Ты это пытаешься сказать?

Мне захотелось взять ее за плечи и потрясти, но даже самые мягкие мои встряхивания могут оказаться впечатляющими, а я не хотел, чтобы меня арестовали за хулиганство. Вместо этого я просто повернулся к ней с самым строгим выражением лица.

– Слушай, давай обойдемся без сантиментов. Я хочу сказать, что Скив привык к крутому обществу и поэтому уютно с ним будет только прекрасной даме не робкого десятка. И наоборот, с кем-нибудь вроде той же Луанны он будет несчастлив.

– А чем плоха Луанна?

Я пожал плечами и тронулся дальше, вынуждая Тананду следовать за мной.

– О да, она довольно хорошенькая. Но при этом – мелкая аферистка и так недалёковидна, что продаст его при первом же намеке на беду. Короче, она будет для него камнем на шее, мешающим ему подняться выше и потенциально способным утянуть на дно. Если уж мы хотим свести парня с аферисткой, то пусть она будет по крайней мере крупной аферисткой... вроде, скажем, некой нашей общей знакомой, имеющей в качестве приданого Синдикат.

Это хотя бы заставило Тананду рассмеяться, и я понял – мы выдержали бурю.

– Корреш, ты бесподобен! А я-то думала, будто сватовство – исключительно женское дело. Просто потрясающе, но ты, братец, определенно сноб.

– Благодарю фас, – сказал я с наилучшим своим акцентом. – Я принимаю эту характеристику с гордостью... учитывая альтернативы. На мой взгляд, все предпочли бы быть снобами, если бы имели возможность выбирать.

– Почему мы остановились?

– Ну, если мы уже закончили обсуждать будущее мастера Скива, то можно, пожалуй, приступить к делу. Взгляни – мы у цели.

Она посмотрела, куда я показывал, и обнаружила, что мы и впрямь стоим перед заведением сомнительного вида, украшенным выцветшей вывеской, провозглашавшей его «Условным сроком». Некрашенные окна были выбиты или вообще выломаны, открывая доступ в затемненное помещение. Здание могло бы показаться заброшенным, если бы не явственно доносившиеся изнутри разговоры и смех.

Тананда двинулась было вперед, но затем встала как вкопанная.

– Минуточку, братец. Что ты подразумеваешь под этим «мы»?

– Я подумал, что раз уж я здесь, то просто...

– Нет, – твердо сказала она. – Это все же мое задание, Корреш, и я вполне способна справиться с ним сама.

– О, я не издам ни звука.

– Да ты просто нависнешь над всеми со своей кривозубой усмешкой и вынудишь их содействовать мне из страха. Лучше уж подожди здесь, а я пока зайду одна. Если не возражаешь, я и сама могу пугнуть кого угодно.

Вот этого-то я и боялся.

– Мне кажется, со мной выйдет помягче, – слабо возразил я.

– Да что ты, братец, – подмигнула она мне. – Небольшая доза суровости никогда мне не мешала. Я думала, ты это знаешь.

Что ж, мне, обойденному с тыла и с флангов, оставалось только прислониться к стене и смотреть, как она, печатая шаг, входит в таверну.

– О да, я знаю, сестричка, – вздохнул я. – Уж поверь мне, знаю.

Хоть мне и запретили принимать активное участие в происходящем, я все же испытывал вполне понятное любопытство и держал на всякий случай ухо востро, пытаясь разобраться в доносящихся изнутри звуках. Ждать мне пришлось недолго.

Когда Тананда вошла, гул разговоров внезапно прекратился. Последовало напряженное молчание, а затем в ответ на чье-то невнятное замечание раздался резкий взрыв смеха.

Я закрыл глаза.

Случившееся вслед за тем было, казалось, разыграно как по нотам. Я узнал повышенный голос сестрички, задавшей вопрос, а в ответ на него снова услышал смех. Затем до меня донесся треск ломаемой мебели. Нет, «треск» это не совсем то слово. На самом деле это был грохот, как если бы кто-то задумал разделаться с увесистым предметом обстановки, жакнув им с размаху по подвернувшемуся неподвижному объекту... вроде чьей-то головы.

Выкрики стали теперь громче, в диапазоне от возмущенных до гневных, сопровождаемые звоном стекла и потрясающей какофонией. Многолетнее пребывание подле Тананды натренировало мой слух, и поэтому я забавлялся, пытаюсь составить по звукам список причиненного ущерба.

Вот перевернулся столик...

...еще один стул...

...зеркало (интересно, как это она не попала по стаканам?)...

...вот определенно сломалась кость...

...чья-то голова ударилась о стойку, по-моему, ухом...

...вот *теперь* только пошли стаканы...

Тело, выброшенное сквозь зеркальное стекло витрины, пролетело мимо меня и подскочило разок на тротуаре, прежде чем замереть обмякшим кулем... и, между прочим, довольно приличных размеров.

Если я не ошибся, сестричка прибегла в этой потасовке к магии, иначе бы никак не добилась добавочного подскока при горизонтальном броске. Либо применила магию, либо действительно разобиделась! Я никак не мог решить, как отнестись к ее нарушению наших неписаных правил, запрещающих пускать в ход магию при потасовках в барах, но все же склонялся не возникать из-за этого. Надо знать Тананду: даже если она просто погорячилась, любое слово поперек может иметь самые неприятные последствия для моралиста.

К этому времени грохот в таверне прекратился и установилась зловещая тишина. Я счел этот момент вполне подходящим для разведвылазки, а потому осторожно пробрался вдоль стены и заглянул в дверь.

За исключением одного-единственного уцелевшего стула, заведение заполняли сплошь обломки и лохмотья. Среди обломков валялись обмякшие или стонущие тела, завершая живую картину поля боя.

Удивляла в этой сцене только Тананда. Она, вопреки своему обыкновению, вовсе не оглядывала с гордостью содеянного, а, прислонясь к стойке, спокойно болтала с барменом. Эта загадка быстро разрешилась, когда бармен поднял глаза и увидел в дверях мои довольно своеобразные черты.

– Эй, Корреш! Давай сюда, выпей с нами за мою долгожданную перестройку.

Тананда пристально поглядела в мою сторону, а затем одобрительно кивнула.

– Заходи, братец. Тебе никогда не угадать, кто владелец этой пивнушки.

– По-моему, я все же вычислил, – отозвался я, наливая себе из стоявшей на стойке разбитой бутылки. – Здорово, Хорек. Немного в стороне от твоих охотничьих угодий, а?

– Уже нет, – пожал он плечами. – Теперь здесь мой дом, мое пристанище. Где еще я бы чувствовал себя уважаемым бизнесменом?

Тананда слегка поперхнулась содержимым своего бокала.

– Уважаемым бизнесменом? Брось, Хорек. Ты же говоришь не с кем-нибудь, а с Танандой и Коррешем. Сколько лет мы тебя знаем? По-моему, за все это время в твоей голове не появилось ни одной честной мысли.

Хорек печально покачал головой.

– Оглянись вокруг, дорогуша. Это ведь и в самом деле мое заведение... было им по крайней мере. Я уже довольно давно и, представь себе, честно занимаюсь только им. Возможно, этот мой образ жизни и не такой волнующий, как прежний, но он, пожалуй, не менее выгоден, так как не приходится терять время на сидение в каталажке.

Сестричка уже открывала рот, готовясь отпустить очередное ехидное замечание, когда я двинул ей локтем по ребрам. Я хоть и сам небезупречен, но считал, что если Хорек искренне хотел завязать, то нам следовало бы как минимум не ставить ему палки в колеса.

– Скажи мне, старина, – обратился я к нему. – Что привело тебя к этому изумительному превращению? Хорошая женщина или скверная операция?

– Ни то, ни другое. Видишь ли, произошло следующее: на меня навесили всех собак... нет, на этот раз действительно оклеветали. Я ничего не сделал, но все улики оказались против меня, просто беда. Сначала я думал, мне и впрямь крышка, но тут выскакивает этот парень и усиленно меня поддерживает. Я имею в виду, он находит хорошую отмазку, и когда суд присяжных все же признает меня виновным, говорит с судьей и добивается для меня условного срока. Мало того, уже на воле он подкидывает мне наличные для основания этого дела... просто в долг, без всяких процентов. Заплатишь, когда сможешь, говорит. Скажу вам прямо, никогда и никто раньше так вот меня не поддерживал. И я задумался обо всем этом, ведь и жуликом я стал только потому, что не рассчитывал быть принятым в компанию честных людей. Ну вот, я и решил попробовать жить честно... и пока не пожалел об этом.

– Этот упомянутый тобой таинственный благодетель... Его, случайно, не Хусом зовут, а?

– Совершенно верно, Корреш. Он самый прекрасный человек, какого я когда-либо встречал. Понимаешь, я ведь не единственный, кому он помог. В свое время он так или иначе поспособствовал большинству жителей этого измерения. Я не удивлен, что ты слышал о нем.

Тананда изобразила свою наилучшую улыбку.

– Это и приводит нас к причине моего пребывания здесь, Хорек. Я пытаюсь найти этого Хуса, а местные пока что не очень-то спешили мне помочь. Ты не мог бы познакомить меня с ним или хотя бы показать, где его найти?

Игравшая на лице Хорька улыбка исчезла, словно ему вдруг сообщили про то, что богатый дядюшка не упомянул его в завещании. Глаза его потеряли фокусировку, и он нервно провёл языком по губам.

– Сожалею, Тананда, – извинился он. – Тут я не могу тебе помочь.

– Минутку, приятель. – Улыбка Тананды стала теперь принужденной. – Ты должен знать, где его найти. Куда ты относил плату за это заведение?

– В последний раз я платил полгода назад. А теперь извините...

Прежде чем он успел сделать шаг, Тананда придержала его за рукав.

– Ты меня задерживаешь, Хорек, – прорычала она, отбросив всякие попытки казаться милой. – Или сейчас же выкладывай, где найти этого Хуса, или я...

– Или ты что? Разгромишь таверну? С этим ты немного запоздала, дорогуша. Хочешь последний стул, вот, пожалуйста. Все равно он теперь не сочетается с остальным декором.

По выражению сестричкиного лица я несколько не сомневался, что она думает уничтожить отнюдь не стул, и поэтому счел за лучшее вмешаться в разговор, пока обстановка не стала совершенно неуправляемой.

– Если ты не против, старина, то скажи, у тебя что, есть какая-нибудь особенная причина так упрямо отказывать в простой просьбе?

Тананда бросила на меня один из своих взглядов типа «не суйся», но Хорек, похоже, не возражал против такого вмешательства.

– Шутишь? – удивился он. – Может, ты не понял, но я должен этому парню... и намного больше, чем уже выплаченные деньги. Он дал мне шанс начать заново, когда все прочие спи-

сали меня со счетов. И вы предлагаете мне показать, как я ценю это, пустив по его следу пару громил?

– Громил?

Она произнесла это очень тихо, но, мне кажется, никто из присутствующих в таверне не ошибся в смысле оценки намерения Тананды. Фактически те немногие из посетителей, что еще не потеряли сознания, тут же поползли к двери, стремясь убраться подальше от неминуемого взрыва.

Хорек, однако, не испугался:

– Да, именно громил. Что здесь произошло несколько минут назад? Суаре с мороженым?

– Тут он тебя уел, сестричка.

В ответ на это она резко повернула голову ко мне.

– Заткнись, Корреш! – прорычала она. – Это мое задание. Помнишь?

– Иначе и быть не может. Однако я думаю, здесь Хорек прав. Ты действительно не производишь впечатления любительницы мирно поболтать.

Сперва я думал, она вцепится мне в горло. Затем она сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

– Принято. – Она отпустила рукав Хорька. – Хорек, я действительно хочу просто поговорить с этим Хусом. Обещаю, никаких грубостей.

Бармен поджал губы.

– Не знаю, Тананда. Хотелось бы тебе верить. Полагаю, если Корреш поручится...

Это решило дело. Тананда круто повернулась и пошла к двери.

– Если требуется ручательство Корреша, то забудь об этом. Ладно! Я сделаю это по-своему, без всякой помощи, пусть даже при этом кому-то не поздоровится.

– Эй, не уходи взбешенной, – крикнул ей вслед Хорек. – Знаешь, что я сделаю? Когда полиция спросит, что здесь произошло, я не стану упоминать твоего имени, идет? Просто прикинусь дурачком и получу страховку. Это погубит мою репутацию, но...

– Не порти из-за меня свою анкету. Подсчитай-ка весь ущерб, и я лично возмещу его стоимость.

Этими словами она положила конец разговору и вышла на улицу, хлопнув дверью.

– Она шутит? – спросил Хорек. – Восстановление трактира потребует кучи денег.

– Не знаю, старик. Она по-настоящему взбешена, и именно поэтому я бы не стал ей противоречить. На твоём месте я бы начал подсчитывать ущерб. Так как?

– Согласен, – кивнул он. – Но тебе лучше бежать за ней, пока она не попала в беду. Сожалею, что так уперся рогом, но...

– Вот еще, – отмахнулся я. – Учитывая все обстоятельства, ты был сама любезность. Ну, счастливо.

Я ожидал, что мне придется снова догонять сестричку, но вместо этого застал ее сидящей перед баром на краю тротуара. Она не из тех, кто плачет, все равно от ярости или от неудач, но, увидев ее там с опущенными плечами и подрагивающим подбородком, я понял, что это один из тех редких случаев.

– Слушай, ты ведь действительно очень тяжело воспринимаешь все это, не так ли? – как можно мягче спросил я.

Она не оглянулась.

– Просто дело в том... хотя я... ладно, ничего! Хорек, конечно, прав, и ты тоже. Я металась как слон в посудной лавке, и в результате даже друзья отказываются мне помочь. Если не сумею повернуть даже простого взыскания долга, Банни никогда не позволит мне об этом забыть.

Присев рядом, я в успокаивающем жесте положил руку ей на плечо.

– По-моему, в этом и состоит твоя проблема, сестричка. Ты так упорно стараешься утереть нос Банни, что слишком торопишь события... даже по твоим меркам. А теперь предлагаю удалиться куда-нибудь и немножко подумать, хм-м-м? Забудь о сроке выполнения задания и просто сосредоточься.

Мой совет чуть подбодрил ее, и она даже сумела слабо улыбнуться.

– Ладно, – согласилась она. – Я, конечно, по-прежнему хочу управиться со всем самостоятельно, но, полагаю, нет ничего плохого в использовании тебя в качестве консультанта, раз уж ты здесь. Чего мне действительно сейчас хочется, так это выпить чего-нибудь покрепче для успокоения нервов. Ты не заметил рядом с «Условным сроком» какого-нибудь местечка, где мы могли бы...

– Не желаете ли стакан соку?

Мы подняли головы и увидели улыбающегося нам старикана на велолотке. Какой-то миг я боялся, что Тананда окрысится на него, но она подарила ему усмешку куда более искреннюю, чем ее прежняя улыбка.

– Спасибо, но я бы предпочла что-нибудь покрепче. И раз уж мы опять встретились... я ценю оказанную вами помощь тогда... ну, во второй раз то есть. Думаю, я в спешке позабыла о своих манерах.

– Не стоит говорить об этом. Теперь почти все спешат. Я лично всегда считал, что в жизни должно быть меньше суеты и больше наслаждения. У всех нас мало времени, и самое лучшее – это постараться не тратить его попусту и смаковать каждую минуту.

Тананда улыбнулась ему с искренней теплотой, а не симулируя по обыкновению жаркий энтузиазм.

– Хороший совет, – согласилась она. – Постараюсь его запомнить. Пошли, Корреш. Нам нужно кое-что обдумать... то есть обдумать медленно и тщательно.

– Только крикните, если я смогу чем-нибудь вам помочь.

– Спасибо, мы ищем кого-нибудь, кто может свести нас с господином Хусом. Вы, случайно, не знаете, где нам его найти?

– О, это легко.

– Да?

По-моему, мы произнесли это одновременно. Такого сюрприза никто из нас не ожидал.

– Разумеется. Только встаньте, моргните три раза, и он будет тут как тут.

Мне это показалось немножко глупым, и я начал сомневаться в нормальности старикана. Однако сестричка приняла его всерьез. Она в мгновение ока очутилась на ногах, бешено моргая.

– Ну? – огляделась она кругом.

– Рад с вами познакомиться, барышня. Меня зовут Хус. А вас?

Мы вытаращились на него, разинув рты... единственное, на что мы были тогда способны.

– Вы?! – сумела наконец выдать из себя Тананда. – Почему же вы не сказали об этом раньше?

– До этой минуты я и не знал, что вы искали именно меня.

Это было не мое дело, но мне не терпелось спросить:

– Просто из любопытства, а зачем сестричке нужно было три раза моргнуть?

Сказав это, я тут же сообразил, что забыл применить речевые обороты Большого Грызя. Хус, казалось, не заметил моей оплошности.

– Вообще-то не нужно. Просто вы так упорно старались меня найти, что мне хотелось подбросить чего-нибудь, чтобы наша встреча не оказалась слишком заурядной. Итак, чем могу быть вам полезен?

В глазах старикана блеснуло озорство, убедившее меня, что он не такой уж глупый, каким хотел казаться. Тананда, однако, упустила этот момент, так как торопилась извлечь из туники мятый лист бумаги.

– Господин Хус, – живо обратилась она к старикану. – Я здесь представляю клиента, утверждающего, что вы должны ему деньги по этому старому счету. Хотелось бы знать, когда вы думаете расплатиться, или, может, желаете установить график регулярных выплат?

Хус взял у нее бумагу и небрежно изучил ее.

– Ну, будь я... я мог бы поклясться, что выписал ему чек по этому счету на следующий же день.

– Он говорил что-то о том, вроде чек вернули, – сказала Тананда.

– Должно быть, продержал его у себя, пока я не закрыл банковский счет. Проклятие! Я думал, у меня все улажено.

– Вы закрыли счет в банке?

Хус подмигнул ей:

– Нет, я закрыл банк. Когда укреплял свои владения.

– О! Так вас, вероятно, устроит то, о чем я говорила, – график выплат...

Он махнул ей, прося замолчать, и открыл верх тележки с лотком. С высоты своего роста я увидел, что дно ее заполнено золотыми монетами.

– Почему бы нам просто не урегулировать это сейчас же? – предложил он. – У меня есть с собой немного наличных... понимаете? Наличных. Давайте-ка посмотрим, какой процент по этому счету компенсирует...

– ГОСПОДИН ХУС!

Обернувшись, мы увидели шагающего к нам управляющего банком.

– Я думал, мы договорились, что вы будете оформлять свои сделки через банк! Ношение наличных – это открытое приглашение для преступных элементов, помните?

– Что за шум? – Из двери позади нас появился Хорек. – На мой взгляд, это не похоже на дружескую беседу!

Вокруг нас начала собираться толпа, на шум стекались прохожие и покинувшие свои рабочие места лавочники. Никто из них не выглядел особенно довольным... или тем более дружелюбным.

– Знаю, сестричка, ты хочешь управиться с этим сама, – шепнул я. – Но не будешь возражать, если я на всякий случай хотя бы продемонстрирую клыки? Мне тоже хочется выбраться отсюда живым.

– А НУ ВСЕМ СТОЯТЬ!

Хус поднялся на сиденье велолотка с поднятыми руками, сдерживая толпу.

– Барышня взыскивает долг по вполне законному счету. Вот и все. А теперь отчаливайте и возвращайтесь к прежним занятиям. Неужели человеку нельзя заняться небольшим делом в частном порядке?

Это, кажется, утихомирило большинство зевак, и они начали мало-помалу расходиться. Хорек и управляющий банком не шелохнулись.

– Дайте-ка мне этот счет, – потребовал управляющий. – Вы помните, как сделали этот долг, господин Хус?

– Да, помню, как сделал этот долг, господин управляющий, – передразнил его Хус. – А теперь, если не возражаете, я просто выплачу его и делу конец.

– Ну, это не по правилам. Не понимаю, почему они не обратились по обычным каналам и не предъявили свой счет в банке.

– Мы *заходили* в банк, – огрызнулась Тананда. – И не получили там ничего, кроме уклончивых ответов.

Управляющий пригляделся к ней.

– О да. Припоминаю, – протянул он. – Вот только не помню, чтобы речь шла о подаче требования на выплату долга. По-моему, вы что-то говорили насчет ограбления банка. Не так ли?

– Ты чуточку *поторопилась* там, сестричка, – мягко упрекнул я ее.

– Тананда, ты хочешь сказать, что действуешь по закону? – встрял в разговор Хорек. – Так почему же не сказала об этом сразу?

– Сказала! Что здесь, собственно, происходит, Хорек?

– Господин Хус – человек очень богатый, – ответил вместо него управляющий банком. – И к тому же щедрый... иногда даже слишком щедрый в ущерб собственному благу.

– Деньги-то мои, не так ли? – парировал Хус. – Так на чем мы остановились? Ах да.

Он принялся сыпать в бумажный пакет пригоршни монет.

– ...Мы говорили о проценте по этому счету. Какая, по-вашему, сумма компенсирует хлопоты, вызванные моей несвоевременной уплатой?

– Понятно теперь, что мы имели в виду? – заметил Хорек. – Господин Хус, любой положенный процент следовало установить во время дачи в долг. Выплачивать больше – значит просто отдавать свои деньги.

Управляющий банком слабо попробовал понимающе нам улыбнуться.

– Видите ли, многие из нас в этом измерении обязаны своим благосостоянием господину Хусу, и мы взяли на себя его защиту от ненужных расходов... и тем более от охотников злоупотребить его щедростью.

– После того как сами пожали плоды этой щедрости, – невинно добавил я.

Это вызвало у Хуса тихий смехок.

– Совершенно верно, великан, – согласился он. – Но не надо судить об этих ребятах слишком строго. Никто не сравнится в честности с перековавшимся преступником. Хотите, расскажу вам, чем занимался управляющий до того, как я внес за него денежный залог?

– Я бы предпочел, чтобы вы этого не делали, – воспротивился управляющий, но в голос его закралась нотка мольбы.

Я снова увидел озорной блеск в глазах старикана и обнаружил, что гадаю, а кто же в действительности подставил Хорька перед тем, как тот решил перековаться. По-моему, сестричка тоже уловила это.

– Думаю, никакие проценты не понадобятся, господин Хус, – сказала она, беря у него бумажный пакет. – Я уверена, мой клиент и так будет доволен выплатой.

– Вы уверены? Нельзя ли мне в таком случае предложить вам лично хоть самую скромную компенсацию за ваши хлопоты?

– Сожалею. Наша фирма не позволяет своим агентам брать чаевые. Хорек, ты пришлешь мне счет за ущерб, нанесенный твоему заведению?

– Считай, ты его уже получила, дорогуша, – отмахнулся бармен.

– Ну тогда, – Хус сунул руку в велолоток, – я могу по крайней мере покрыть вам эти расходы.

Тананда покачала головой:

– Они включены в бюджет операции. В самом деле, господин Хус, я работаю законно. Лишнего мне не надо. Пошли, Корреш. Нам пора.

Помахав на прощание остальным, я занял свое место рядом с ней, когда она принялась возвращаться для переброски нас к родной базе на Деве.

– Наверно, мне не следовало бы об этом упоминать, сестричка, – тихо сказал я, – но сдается мне, этот счет за нанесение ущерба, пожалуй, превысит сумму взысканного нашей фирмой долга.

– Я обещала уплатить его лично и уплачу, – пробормотала она в ответ. – Важно, что я выполнила это задание в рекордный срок... И если проговоришься об ущербе Банни, я заставлю тебя пожалеть, что ты вообще родился на свет. Мы понимаем друг друга, братец?

Глава третья

Это все дело вкуса.

Б. Мидлер

– Я вынуждена тебя поздравить, милочка. Меня никогда не перестанет изумлять, сколь многого тебе удастся добиться со столь малым.

Такой вот комментарий Банни последовал за докладом Тананды о ее последнем задании. Я попросил Банни записать доклад, и, должен признаться, она крайне внимательно выслушала Тананду... намного внимательнее, чем я. Судя по докладу, задание оказалось до скучного рутинным, хотя мне бы лично хотелось сначала выслушать Корреша, а уж потом выносить какие-то окончательные суждения. Однако тролль как сквозь землю провалился... что навредило меня на легкие подозрения. Что касается Банни, то она с прежней ловкостью прикрывала мои разбредшиеся мысли собственными комплиментами.

– Ах, спасибо, Банни, – промурлыкала в ответ Тананда. – Для меня действительно многое значит услышать мнение из твоих уст, учитывая, как хорошо ты разбираешься в работе при минимальных ресурсах.

Я порадовался мысли, что эти девушки так хорошо ладят между собой. Если бы они принялись враждовать, то нашей фирме грозил бы настоящий кавардак.

Впрочем, подумалось мне вслед за этим, для дружеской встречи не много ли тут показывалось зубов? Пора сменить тему разговора, решил я, пока обстановка не стала *слишком* дружеской.

– Пока тебя не было, Тананда, здесь царило полное спокойствие, – сообщил я. – Почти никаких новостей. Я прав, Банни? Или есть что-то, о чем следует знать нам всем?

Банни уткнулась в свои заметки в блокноте. Это меня насторожило. Видите ли, я знаю, что Банни ведет безупречные заметки в голове и сверяется с блокнотом только в тех случаях, когда тянет время, не зная, как поступить – привлечь мое внимание к чему-то или нет. Может, я и тугодум, но... *учусь*.

– Ну-у-у... – медленно произнесла она. – Что я могу такого сказать? Разве вот про встречу с неким субъектом по имени Истерий.

– Истерий? Почему это имя кажется мне знакомым? Минуточку. Разве я не видел письма от него примерно неделю назад?

– Совершенно верно. Он спекулирует землей и занимается строительством и уже давно пытается повидать тебя.

– С этим трудностей быть не должно. На какое время ему назначено?

Банни снова уставилась в заметки.

– Я думала отсрочить эту встречу, если не отменить ее совсем, – сказала она.

– С чего бы это?

Мне стало обидно, но любопытно. Я, конечно, не испытывал восторга от попытки Банни решать за меня. Но ведь она хорошо разбиралась в бизнесе, и если этот парень заставил ее в чем-то усомниться, мне хотелось знать почему.

– Я уже пыталась объяснить тебе раньше, Скив. Твое время слишком ценно, чтобы уделять его всякому психу, захотевшему с тобой встретиться.

– ...А ты считаешь этого парня психом?

– Скорее всего так оно и есть, – пожала она плечами. – То, о чем он хочет поговорить, просто не наш профиль. Насколько я сумела разобраться, он нуждается в услугах декораторов интерьера.

Это вовлекло в разговор Тананду.

– Шутишь. Декораторов интерьера?

Банни хихикнула и заговорщицки повернулась к Тананде.

– Совершенно верно. Он начал строить комплекс мотелей, рассчитывая стать единственным поставщиком доступного жилья в округе. Однако с тех пор, как он начал строительство, в его бизнесе объявились целых четверо конкурентов, либо объявивших о намерении строить отель, либо уже строивших прямо у него под носом. И поскольку первоначальный план Истерия не предполагал никакой конкуренции, дизайн его отеля скорее утилитарный, чем декоративный. Короче, его гостиница будет выглядеть действительно убого по сравнению с отелями конкурентов, и он боится остаться без штанов.

– Плохо дело, – поморщилась Тананда. – Так чего же он хочет от нас?

– Наша фирма, похоже, приобрела репутацию всемогущей... знаете, как крайнее средство. Так или иначе, он хочет, чтобы мы придумали альтернативный дизайн или что-нибудь в этом роде и привлекли к нему всеобщее внимание, тогда его отель забьется до отказа прежде, чем конкуренты сдадут хоть один номер.

– Мы? Он, должно быть, сошел с ума.

– Сошел с ума или дошел до ручки, – кивнула Банни. – Но я знаю, что только сумасшедший возьмется за такую работу.

Я подождал, пока они не кончат смеяться, и только тогда рискнул высказать свое мнение.

– По-моему, нам следует за нее взяться, – произнес я наконец.

Я вдруг полностью завладел их вниманием.

– В самом деле? И зачем нам в это ввязываться?

Я свел пальцы и попытался выглядеть мудрым.

– Во-первых, предложен гонорар... который, если я правильно помню то письмо, существен даже по нашим стандартам. Потом, ты ведь сама говорила – мы никогда прежде не делали ничего подобного. Это дает нам шанс попробовать нечто новое... хотя бы для разнообразия. И наконец...

Я лениво улыбнулся им обеим:

– ...как вы сами понимаете, задача эта не из легких. Поэтому мы не станем гарантировать результат. И значит, если мы потерпим неудачу, то это не будет для заказчика неожиданностью, но если мы преуспеем, то окажемся героями. Вся красота в том, что в любом случае свой гонорар мы получим.

Женщины обменялись быстрыми взглядами, и какое-то мгновение я почти не сомневался, что они сейчас предложат мне длительный отдых... скажем, в сумасшедшем доме.

– Вообще-то, – медленно произнесла Банни, – в колледже я однажды посещала курс по декорации интерьеров. Полагаю, я могла бы попробовать. Украшение здания на чужие деньги может оказаться забавным.

– Но, милочка, – возразила Тананда. – Ты же так нужна здесь, в конторе. Поскольку в этом задании нет никакой гарантии успеха, то, возможно, лучше будет, если я возьмусь за него и освобожу тебя для более важных заданий.

Банни приготовилась было ответить, но взглянула на меня и, кажется, передумала.

– Если у тебя лежит к этому душа, то что нам мешает вместе поработать над этим. Верно, Сквив?

Так. Пожалуй, ничего глупее за весь сегодняшний день я не слышал. Даже если девушки теперь отлично ладят, все равно я не сомневался, что при малейшей стычке из-за идей по дизайну всякая надежда на дружбу вылетит в трубу.

К счастью, я уже нашел решение.

– Сожалею, – осторожно сказал я. – Я вообще не собирался использовать на этом задании ни одну из вас.

Эти слова на несколько секунд зависли в воздухе. Затем Тананда прочистила горло.

– Если не секрет, то кому же, если не нам, ты поручишь это задание?

Я обошел стол и присел на его край, чтобы можно было поговорить более конкретно.

– Как я понимаю, новый дизайн должен быть броским, привлекающим внимание, настоящим венцом всему. И коль уж речь зашла о бросающихся в глаза выставках, думается, у нас в штате определенно есть знаток и ценитель этого дела.

Рассказ Маши

– Вы уверены, что вас прислал Великий Скив?

Скажу вам откровенно, ребята, мне не привыкать к бурному реагированию людей на мою персону, но этот парень Истерий, кажется, просто с катушек съехал. А еще считается, что деволы привыкли не моргнув глазом заключать сделки со всякими субъектами. И все же он был клиентом, а бизнес есть бизнес.

– Представьте себе, так оно и есть, умница вы наш, богатенький и рисковый.

Никогда не вредно немного подмаслить, но на этот раз клиент просто был невменяем.

– Тот самый Великий Скив? Президент корпорации М.И.Ф.?

Разговор становился излишне многословным, и поэтому я решила, что настало время положить ему конец. Я испустила большой вздох... а это, скажу я вам, действительно кое-что.

– Вот что я вам скажу... Истерий, по-моему? Никогда не умела справляться с именами. Если хотите, я вернусь и скажу шефу, что вы решили отказаться от наших услуг. Хм-м-м?

Девол внезапно стал более внимательным.

– Нет! В этом нет необходимости. Просто вы... не совсем то, чего я ожидал, вот и все. Стало быть, я имею дело с сотрудником корпорации М.И.Ф., да? Как, вы говорите, вас зовут?

Не знаю, чего уж он там ожидал, но я готова была охотно поверить, что мы оказались не тем... по крайней мере я. Даже когда я просто бездельничаю, то все равно могу быть очень даже заметной, а сегодня я прифрантилась специально для обязательного произведения впечатления. Правда, в моем случае больше подходит слово «прифронтилась».

Меня никто и никогда не называл миниатюрной... даже когда я только-только родилась. Медсестры прозвали тогда мою мамочку Пташкой, хотя я-то поняла эту шутку, только став постарше. Суть в том, ребята, что я больше, чем большая... где-то между огромной и «не приведи господи», и, пожалуй, ближе к последнему. А когда ты таких размеров, то этого никак не скрыть, и я научилась щеголять своей комплекцией... и, поверьте, делаю это мастерски.

Взять, к примеру, выбранный мной на этот день наряд. Так вот, многие девушки стонут, что фигура не позволяет им носить одежду, открывающую живот. Но я всегда придерживалась иного мнения, и сегодняшний день не стал исключением. Верхняя часть моего туалета была ярко-лимонно-зеленой с пурпурным галуном и мило контрастировала с оранжево-красными полосками нижней части. Само собой, я не вижу ничего плохого в хождении босиком, но вот нашла премиленькие бирюзовые гаремные туфельки и не могла устоять перед желанием дополнить ансамбль ими. Конечно, при таком многоцветье девушке никак нельзя пренебречь косметикой. Лиловые тени и кричаще желтый лак для ногтей я уравнивила фиолетовой помадой и самую малость прибегла к румянам для сокрытия того факта, что я, увы, не молодею. Я думала покрасить волосы в цвет электрик вместо обычного оранжевого, но решила придерживаться естественности.

Так вот, некоторые спрашивают, где я нахожу свои наряды. Ну, между нами, многие из них сделаны специально для меня. Надо считаться с фактами – в магазине такой одежды не найдешь... а если и найдешь, то она всегда не так сидит. Никто не должен знать, кто мне шьет. Модельеры на этом *настаивают* — видимо, боятся, что их завалят заказами. По той же причине они никогда не нашивают на мою одежду своих ярлыков. Хотя я и обещала не говорить никому ни слова, они все равно опасаются, что кто-нибудь может случайно выяснить... или уяснить? Впрочем, какая разница... Ах да. Я также нацепила больше обычного своего набора драгоценностей, а это для всех моих знакомых значит очень многое. Для экономии времени я не буду приводить здесь весь список. Просто представьте, что я ношу множество всякой всячины: ожерелья, наручные браслеты, ножные браслеты, серьги, кольца в носу... на кольца я особенно налегаю, так как считаю их необходимыми для работы. Видите ли, кольца не только

существенная часть моего магического арсенала (мамочка всегда говорила, что кастеты носить неженственно), они дают мне еще преимущество в бою, добавляя заодно и шика.

Так или иначе, я простила клиенту легкую ошарашенность при нашем появлении. Хотя он весьма резво отскочил назад, думаю, учитывая все обстоятельства, что именно нашей парочки и не хватало, чтобы он окончательно впал в отчаяние.

– Маша, – представилась я, – а моего напарника зовут Вик.

Истерий чуть не повалился на стол от нетерпения пожать руку Вику. Мой напарник был одет вполне элегантно, правда, по моим понятиям немного степенно, в просторный костюм с высоким воротником и сапоги по голень. Весь его наряд был выдержан в мягких почвенных тонах, и девол наверняка не заметил в Вике ничего странного. Называйте это озорством, но я просто не могла удержаться.

– Вик не состоит у нас в штате. Он вольнонаемный работник, мы привлекаем его иногда в качестве специалиста.

– Специалиста?! – воскликнул Истерий, пожимая ему руку. – Вы декоратор интерьеров? Мой напарник наградил его натянутой улыбкой.

– Нет, я больше специалист по ночной жизни. Вот потому я и ношу днем эти солнцезащитные очки. Я очень чувствителен к свету.

– По ночной жизни? Не уверен, что понимаю.

Я спрятала легкую улыбку и посмотрела на потолок.

– Вик пытается сказать, – как можно небрежней объяснила я деволу, – что он вампир.

Истерий выпустил горячо пожимаемую им руку, словно та его укусила.

– Вампир?!

Вик снова улыбнулся ему, на этот раз показывая свои впечатляющие клыки.

– Совершенно верно. А что? Вы что-то имеете против вампиров?

Клиент принялся потихоньку отступать к другой стене кабинета.

– Нет! Просто я никогда... Меня это вполне устраивает. В самом деле.

– Ну, раз с этим теперь улажено, – сказала я, вновь становясь хозяйкой положения, – давайте перейдем к делу. Если я правильно поняла, у вас на руках обуза, и нам предлагается обратить ее в золотую жилу к первому числу следующего месяца.

Истерий осторожно снова уселся за стол.

– Я... Да. Полагаю, можно объяснить положение и так. По плану нам надо бы открыться через три недели.

– ...А как будет финансироваться подобное чудо? – спросил Вик, бросив свою роль «загадочного вампира».

– Финансироваться?

– Ну, знаете, бабки. Денежки, – поднажала я. – Мы знаем, каков наш гонорар. А сколько вы готовы вложить в украшение и рекламу этой недвижимости?

– Ах это. У меня есть где-то здесь цифры. Конечно, я буду работать над этим вместе с вами.

Он принялся рыться в бумагах на столе.

– Опять неверно, Девятый Вал, – твердо заявила я. – Вы передадите все нам и отправитесь в трехнедельный отпуск.

Девольское рытье в бумагах перешло в нервную возню. Я начинала понимать, как он заработал свое имечко.

– Но... Я думал, что буду осуществлять общее руководство. В конце концов, это же мой проект.

– Вы думали неверно, сударь, – уведомил его Вик. – На следующие три недели это *наш* проект.

– Неужели вам не нужны мои предложения и идеи?

К счастью, мы с Виком по дороге обговорили это, и я уже знала, как ответить.

– Позвольте мне поставить вопрос так, Истерий, – сказала я. – Если бы у вас имелись какие-то работоспособные идеи, вы бы попробовали осуществить их сами, не нанимая нас. Так вот, три недели – не слишком большой срок, и мы не можем зря терять время, препираясь с вами по каждому мелкому вопросу. Стало быть, вам, чтобы не поддаваться искушению лезть с непрошеными советами и не путаться под ногами, лучше всего будет отсюда убратся. Понятно? А теперь решайте. Либо вы предоставляете нам возможность работать без постороннего вмешательства, либо справляетесь со всем сами, и мы тотчас же расстанемся.

Девол слегка подвyal. Всегда приятно иметь дело с отчаявшимся клиентом.

– Разве я вам не понадоблюсь по крайней мере для подписания чеков? – слабо отозвался он.

– Это ни к чему, если вы свяжетесь с банком и распорядитесь дать нам допуск к финансам, – улыбнулась я.

– А заодно, – предложил Вик, – дайте знать подрядчику, что мы немного изменим окончательную отделку, выполняемую его бригадой. Скажите, что мы встретимся с ним здесь завтра с утра и обсудим эти изменения. Конечно, нам понадобится немедленно посмотреть чертежи.

При этих словах Истерий немного выпрямился и быстро взглянул поочередно на нас обоих.

– Вы не могли бы посвятить меня в свои планы? Похоже, у вас есть на уме что-то определенное.

– Да вообще-то нет, милый, – подмигнула я. – Мы просто готовим объект к предстоящей работе. Надо ведь превратить третьеразрядный отель-ночлежку в самую большую приманку для туристов, какую когда-либо видела Дева. А теперь вам лучше поторопиться, чтобы мы могли начать.

На просмотр чертежей нам потребовалось довольно много времени. Строительство никогда не вызывало у меня большого интереса, и поэтому мне пришлось долго разбираться, что означают все эти линии и примечания. К счастью, Вик в прошлом, когда подумывал завязать с магией, немного изучал архитектуру и поэтому смог мне многое объяснить... по крайней мере настолько, чтобы я улавливала, о чем он толкует.

– Будем смотреть правде в глаза, Маша, – откинулся он наконец на спинку кресла. – Сколько бы мы ни пилились на эти чертежи, они не изменятся. Он построил здесь просто коробку, полную номеров. Это строение безлико, как статистика.

– Надо признать, – заметила я, – постройка эта занимает большое пространство.

Я могла понять, почему нервничал наш клиент. Здание было заурядным, но пять этажей заурядности покрывали немалый кусок земли. Ее для расширения хватало, бум тогда казался маловероятным. Истерий явно вбухал кучу денег в это предприятие и имел верный шанс никогда их больше не увидеть, если никто не станет снимать здесь номера.

– Скажи-ка, Вик. Твое родное измерение ориентировано на развлечения, и поэтому соперничество в этой сфере должно быть у вас очень сильным. Что вообще заставляет публику валом валить в ваши увеселительные заведения?

Вампир на несколько мгновений нахмурился, думая над моим вопросом.

– Ну, это зависит от того, за какой клиентурой охотишься. Можно нацелиться на семейные группы или на пенсионеров. Мой любимый слой – молодые профессионалы. Они обычно еще не обзаводятся семьями или вообще обходятся без них, и, значит, у них есть и деньги, и время. Для этого слоя лучше всего клубы. Если бы я действительно хотел привлечь народ в новое заведение, то, вероятно, открыл бы там хорошую дискотеку.

– Вот теперь говоришь дело. Как, по-твоему, сможем мы организовать ее за три недели? Мой напарник покачал головой и рассмеялся.

– Секундочку, Маша. Я же просто размышлял вслух. Даже если бы я смог придумать план устройства клуба, то все равно там нет для него места.

Теперь настала моя очередь рассмеяться.

– Вик, милый, если у нас чего и навалом, так это места. Смотри сюда...

Я щелкнула пальцами по чертежам первого этажа.

– ...Что, если мы сшибем все внутренние стены? Это позволит нам разместить твою дискотеку.

– Слишком просторно, – заметил, изучая планы, вампир. – Ключ к успеху любого из таких клубов – сделать его маленьким, чтобы посетителям приходилось ждать, пока их впустят. Кроме того, если мы снесем *все* внутренние стены, то будет недостаточно опор для всего строения.

В голове у меня начала складываться одна идея.

– Тогда попробуем так. Мы сохраняем все внешнее кольцо номеров... превращаем их в лавки или что-нибудь в этом роде. Это даст дополнительную опору и сократит площадь твоего клуба. А если она окажется все равно слишком велика...

– Примерно в четыре раза больше, чем надо.

– Угу. А что ты скажешь насчет казино? Я еще не видела ни одного игорного дома, который не привлекал бы туристов целыми стаями.

Вик выразил свое восхищение, тихо присвистнув.

– Ты мыслишь немелко, так ведь? Не удивлюсь, если выколотишь деньги еще и с территории.

– Никак не решу, что лучше: площадка для гольфа или парк развлечений, – ответила я. – Но это подождет, пока мы не увидим, как работает остальное.

Вот тут-то я и заметила, что малыш Вик снял свои темняки и пристально меня разглядывает. Я привыкла, что на меня пялятся, но в выражении его лица было что-то беспокойное, ненормальное, если вы понимаете, о чем я говорю. Я подождала, пока он выскажет свое мнение, но вскоре молчание стало действовать мне на нервы.

– Чего это ты так на меня уставился, молодой и кровожадный? У меня что, вдруг выросла новая голова?

Он не ответил и продолжал пялиться на меня, в то время как я подумывала, не отдубасить ли его просто для разрядки.

– Знаешь, Маша, – сказал он наконец, – для так называемой ученицы ты весьма сообразительна. При твоих нарядах и речи это легко проглядеть, но за всем этим маскарадом таится немалый ум, не так ли?

Если мне с чем-то и трудно справиться, так это с похвалами... возможно, потому, что я не так уж часто их слышу. Чтобы скрыть смущение, я поступила как обычно – расхохоталась.

– Не давай одурачить себя оболочке, Клыкастик. Вспомни, я привыкла быть независимой еще до того, как записалась в шайку Скива. Маг города-государства Та-Хо, а потом Вейгаса на Валлете, вот кем я была.

– В самом деле? Я об этом не знал.

Это показывает, как я разнервничалась. Не могла даже вспомнить, как мало Вик знал о нашей фирме и ее сотрудниках.

– Именно тогда я и столкнулась с Вундеркиндом. Он тогда попал в беду... У Скива, похоже, на роду написано попадать в беду. Напомни мне как-нибудь рассказать тебе о том, в какую переделку он угодил, когда я присоединилась к его шайке.

– А почему не сейчас? – предложил он, откидываясь в кресле. – Я никуда не бегу, а чтобы узнать побольше о своих партнерах по бизнесу, самое лучшее время – настоящее.

Как вы, вероятно, заметили, мне не терпелось уйти подальше от прежней темы, и разговор о Скиве оказался как нельзя кстати.

– В то время его большой зеленый наставник убрался, понимаешь ли, на Извр... какая-то семейная неурядица. Так или иначе, король подставил Скива, поручив ему временно себя заменить, якобы для того, чтобы его королевское величество смогло уйти в отпуск... скажем, денька на два. Вот только парень позабыл при этом упомянуть нашему коллеге, что скоро должна появиться его будущая супруга, некая королева Цикута, ожидающая вступления в брак с коронованной особой.

– Королева Цикута?

– Уверю тебя, бабенка эта – настоящая прелесть. Не будь она дочерью короля, то, вероятно, еще в раннем возрасте кончила бы на виселице. А так она управляла самым богатым королевством в том измерении и собиралась укрепить его самыми лучшими военными силами в округе... которые находились в королевстве, где стерег трон Скив.

Вик нахмурился.

– Если она и так уже могла купить все, что хотела, то для чего ей понадобилась армия?

– Для приобретения тех побрякушек, которые *не продавались*. Видишь ли, у каждого из нас есть свои маленькие мечты. Она мечтала править миром. Вот тебе королева Цикута. Особа с нравственностью мартовской кошки и скромными стремлениями Чингисхана.

– И вы вдвоем ее остановили?

– Откровенно говоря, остановил-то Скив. Я всего-навсего изловила короля, и мы смогли посадить его обратно на трон, где ему и полагалось быть. Скив заставил их надеть пару неснимающихся обручальных колец, навсегда связавших их жизни. И значит, если королевушке захочется убрать королька для расчистки пути к небольшому покорению мира, то она тем самым уничтожит и саму себя.

– Где же он их нашел? Я никогда не слышал о такой штуке.

Я хохотнула и подмигнула ему:

– И никто не слышал. Они получили кое-какое ювелирное барахло, продаваемое уличным лоточником здесь, на Базаре, вместе с байкой, сочиненной Великим Скивом. Я хочу сказать, он повесил им лапшу на уши, но этого хватило для охлаждения пыла Цикуты. Ловкий ход, не правда ли?

Вместо того чтобы присоединиться к моему смеху, вампир подумал несколько секунд, а затем покачал головой.

– Чего-то я не возьму в толк, – сказал он. – Не пойми меня превратно... но, по-моему, Скив отличный парень. Судя по всему, он применяет не так уж много магии, а если и применяет, то весьма слабую. Как же он мог сплотить вокруг себя таланты высокого полета вроде тебя и других?

– Магия бывает разная. Скив... как бы это объяснить? Возможно, он и не силен в крибле-крабле-бумсах и по части женщин не везучей Квазимодо, но доброты сердца у него хватит на троих.

Я слегка стукнула его по руке.

– Помнишь, я говорила, что попадать в беду у него на роду написано? Но дело в том, что чаще всего он выручает кого-то другого, действительно заслуживающего своей доли. В той операции с Цикутой, о которой я тебе только что рассказала, он запросто мог, узнав что к чему, смотать удочки... Но это бы означало бросить целое королевство на произвол судьбы, и он остался. Когда я встретила с ним, он старался освободить Тананду, после того как та попала при попытке украсть подарок ко дню рождения Ааза. Черт, ведь наши с тобой пути впервые скрестились, когда мы устраивали его наставнику побег из тюрьмы. Вот таков Скив, если ты понимаешь, что я имею в виду. Он всегда из кожи вон лезет, пытаясь сделать то, что считает правильным, и возникает ощущение... не знаю... ну, что он сумеет всего добиться именно с твоей поддержкой. И даже если это не сработает, все равно остается чувство, что ты

сделала в своей жизни что-то хорошее, а не просто болталась ради собственной персоны. Я говорю понятно?

– Более чем, – отозвался Вик. – Если я правильно тебя понял, он устанавливает высокий личный стандарт и привлекает к себе людей искренностью своих действий... и те, в свою очередь, стараются не отстать по степени отдачи, воспринятой ими в нем. Интересная теория. Надо будет подумать над ней.

Я заметила, что, как только старина Клыкастик увлечется чем-то, он тут же начинает больше походить на профессора колледжа, чем на ночного кутилу. Это вызвало у меня легкое любопытство, но так как я не люблю, когда люди видят во мне больше, чем я хочу показать, то решила в это не углубляться.

– Кстати о теориях, – сказала я. – У нас есть одна, которая не сработает сама по себе без большого нажима с нашей стороны.

Вампир вытянул руки и зевнул.

– Ладно. Я позабочусь о дискотеке и архитекторе, а ты пораскинь мозгами насчет казино и лавок. Идет?

Должна признаться, его энтузиазм немного меня ошеломил.

– Ты имеешь в виду прямо сейчас? Уже довольно поздно.

Он показал мне в легкой усмешке свои клыки.

– Для тебя – возможно. А мы, ночной народ, только начинаем пробуждаться, и, значит, мне самое время разведать насчет оркестра и obsługi бара. И поскольку у нас задачи разные, я не имею ничего против, если ты захочешь немного вздремнуть, прежде чем займешься делами. Что скажешь, если мы встретимся завтра здесь в это же время и потолкуем?

Ну, ребята, я, может, немного задираю нос, но тем не менее признаюсь, что малютка Маша всего не знает. Одна из многих вещей, в которых я ничего не смыслю, это управление казино. Поэтому мне не обойтись без услуг эксперта... по части казино, разумеется.

На его поиски у меня ушло некоторое время, но наконец я наткнулась на свою цель. Он ссутулился за столиком в глубине темного бара, и, судя по его виду, дела у него шли не очень-то хорошо. Я была рада это видеть... не то чтобы я желала ему зла, просто это немного облегчало мою задачу.

– Приветик, Живоглот, – поздоровалась я, садясь за столик. – Не возражаешь, если я к тебе присоединюсь?

Он пару раз мигнул, пытаясь сфокусировать глаза, прежде чем понял, что говорящая с ним особа действительно так крупна.

– Ну и ну. Чтоб мне провалиться, если это не оторва из корпорации М.И.Ф. Что привело тебя в эти края, Маша? Благотворительность?

Я пододвинула стул, чтобы сесть с ним рядом. «Нет» он мне не сказал, а это для меня примерно соответствует самому радушному приглашению.

– Я знаю, Живоглот, ты занят, и поэтому буду говорить с тобой напрямик. Мы проворачиваем одну небольшую операцию, и я хотела предложить тебе в ней поучаствовать. Интересно?

– Ну что ты скажешь! Сначала Великий Скив заставил меня продать клуб и выставил на улицу, а теперь предлагает сделку. Какая прелесть!

Возможно, я не знаю казино, но пьяного узнаю с ходу. Все ясно – сейчас только-только наступил закат, что для Живоглота равняется раннему утру, и он пребывает в весьма скверном состоянии. Беда в том, что мне он требовался трезвый. В другой раз я отвела бы его куда-нибудь проспать, но сейчас надо было спешить и требовались решительные действия.

Оглянувшись кругом и убедившись, что свидетелей нет, я нагнулась вперед, обвила его руками за шею и устроила ему самый долгий и смачный поцелуй, на какой была способна.

Поцелуи – еще одна вещь, в которой я знаю толк, и этот конкретный длился довольно долго. Когда я почувствовала, что он начинает задыхаться, то отпустила его и выпрямилась.

– Что... кто... Маша! – ахнул он, словно выуженная из воды рыба. – Что случилось?

Я похлопала ему ресницами.

– По-моему, я не улавливаю, к чему ты клонишь, большой и красный.

Несколько секунд Живоглот просто сидел, часто моргая и положив одну руку на макушку, словно боясь, как бы не слетела голова.

– Я... я не знаю, – сумел наконец выдать он. – Я пил уже... какой сегодня день? Не важно... довольно давно. И вдруг внезапно пробуждаюсь, как дурак, трезвый. Что случилось? Ты давно здесь?

Я улыбнулась и мысленно похлопала себя по спине. Мои способности по-прежнему не знают сбоев. Сколько раз я слышала: ничто не отрезвляет так полно и так быстро, как небольшое объятие и поцелуй Маши.

– Довольно давно, и как раз к подъему занавеса, – ответила я. – Но теперь, когда оба мы вменяемы и все такое, я хочу, чтобы ты внимательно меня выслушал.

Живоглот, бывало, считался одним из самых крупных букмекеров на Базаре. Одно время он имел собственный клуб под названием «Равные шансы». Конечно, это было до того, как Скив поймал его на применении крапленых карт и вынудил продать клуб нам. Я не знала точно, как прореагирует шеф на подключение Живоглота к этому новому проекту, но не могла припомнить никого другого, обладавшего необходимыми для организации казино знаниями и в настоящее время безработного.

– Не знаю, Маша, – сказал он после того, как я объяснила ему ситуацию. – Звучит-то это хорошо... но казино – операция крупная. А где я сейчас возьму первоначальный капитал?

– Так начинай помаленьку и раскручивайся. Слушай, Живоглот, заведение предоставляет помещение и всю обстановку даром. Тебе понадобится всего-навсего установить систему безопасности и подыскать нескольких крупье для работы за столами.

– Ты сказала «даром»?

Мне пришло в голову, что его не следовало так здорово протрезвлять. А теперь он снова мыслил, как девол-букмекер.

– Ну... практически. Как я понимаю, заведение войдет в долю, и, значит, за помещение тебе придется платить, только если будешь терять деньги.

– Это не проблема, – улыбнулся Живоглот. – С теми крупье, о каких я думаю, мы не окажемся в проигрыше.

Это мне почему-то не понравилось.

– Надеюсь, мне незачем говорить, что мы ожидаем от тебя чистой работы, Живоглот, – предупредила я. – Не думаю, чтобы Великий Скив захотел участвовать в организации жульнического казино. Довольствуйся нормальными выигрышами по шансам, подброшенным заведением. Идет?

– Маша! Ты меня обижаешь! Разве я когда-нибудь был замечен в нечестной игре?

Я бросила на него суровый взгляд, и у него хватило совести слегка покраснеть.

– Насколько я знаю, только однажды, – сказала я, – и если я правильно помню, именно Скив тебя в тот раз и поймал. На твоём месте я постаралась бы не пачкаться... если не хочешь потом об этом пожалеть.

Живоглот чуть больше выпрямился на стуле и перестал усмехаться.

– Он что, действительно способен на все?

– Это просто к слову, но, думается, ты уловил суть. Только помни, ты со своей бригадой терял деньги лишь в тех случаях, когда тебя подговаривали ставить против нас.

– Это верно, – вздохнул девол и на секундочку задумался. – Кстати о Скиве, ты уверена, что тут не будет затруднений? Когда я видел его в последний раз, мы были не в самых лучших отношениях.

– Ты, главное, беспокойся о казино, а Скива предоставь мне, – широко улыбнулась я, надеясь, что знаю, о чем говорю. – В любом случае Скив не из тех, кто держит зуб на кого-либо. Если мне не изменяет память, Ааз при той последней встрече готов был вцепиться тебе в горло, и именно Скив предложил оставить тебя в покое.

– Верно, – кивнул Живоглот. – У него есть класс.

– Правильно. О! Слушай, коль речь зашла о классе, не сможешь ли сыскать Малыша Мятный Заход. Хорошо бы предложить ему постоянный стол в нашем казино.

Девол чуть склонил голову набок, глядя на меня.

– Это несложно, но ты не против сказать почему?

– Когда он последний раз оказался тут для матча со Скивом, я была связана опекой спущенного тобой на нас злостного клеветника. И значит, я единственная из нашей команды, кто не имел возможности встретиться с ним... А судя по всему, что я о нем слышала, он парень не промах. Кроме того, возможно, он оценит шанс устроиться на постоянную работу, чтобы не скакать все время с игры на игру. Мы все, знаешь ли, не молодеем.

– Да уж, – скорчил гримасу Живоглот. – Пожалуй, это не такая уж плохая мысль. Имея постоянным игроком лучшего на Базаре мастера игры в драконий покер, казино привлечет немало народу.

Мы поговорили еще немного, но это уже были детали. Живоглот вступил в игру, и казино начало обретать отчетливые очертания.

Возможно, казино и не мой профиль, но в мелочных лавках никто не разбирается лучше меня. Банни может быть непревзойденной по части поисков классных тряпок за приличную цену, а Тананда, безусловно, знает толк в оружии, но по части истинного искусства хождения по магазинам они обе Маше в подметки не годятся.

Я заметила эту лавочку задолго до задания, но она застряла у меня в памяти, и поэтому я решила туда заглянуть. По всей ее витрине красовались крупные объявления – «Сдается» и «Идет с молотка», но они торчали там больше года, и поэтому я не обратила на них особого внимания.

Для лавки в хорошем ряду такое положение выглядело катастрофическим. Ее товар можно было охарактеризовать одним словом – барахло... и это еще щедро. В ней продавались футболки, пепельницы и куколки попеременно с медикаментами и журналами без всякого особого порядка. Полки ломились от всякой дешевки. Ни в одном магазине одежды не встретишь столько одежды, ни одна скобяная лавка не завалена таким количеством скобяных изделий... Я могла бы и продолжить, но суть вы уловили. Если вам нужно что-то отборное и качественное, вам придется наведаться в другое место. Короче, это была именно та лавка, какую я искала.

– Чем могу помочь, сударыня?

Хозяин сидел на табурете за прилавком и читал газету. Он не встал, когда заговорил со мной, и поэтому я решила немного его встряхнуть.

– Разным. Мне много чего нужно... Как насчет скидки, если я куплю оптом?

Он моментально, с неведомо откуда взявшимся блокнотом выскочил из-за прилавка.

– Ну разумеется, сударыня. Всегда готов. Что именно вас интересует?

Я не спешила с ответом и снова оглядела лавку.

– Не могли бы вы назвать мне цену за все в лавке.

– Все? Вы сказали все?

– Все... включая вас с вашим обаянием.

– Не понимаю, сударыня. Вы говорите, что хотите купить мой магазин?

– Не магазин, а просто все, что в нем находится. Я думаю, эта лавка сможет торговать лучше на новом месте. А теперь скажите откровенно, как у вас шли дела в последнее время?

Владелец швырнул блокнот и карандаш на прилавок.

– Если честно, не очень. Мой главный поставщик этого барахла только что поднял цены... Что-то связанное с новым профсоюзом у него на фабрике. И мне теперь придется либо соответственно поднять свои цены, что не поможет, так как этот товарец и без того трудно сбавить, либо закрыть торговлю, о чем я серьезно подумывал.

Я сочла за лучшее воздержаться от замечаний об упомянутом им профсоюзе.

– Как по-вашему, торговля на новом месте пойдет веселее?

– На новом месте... да какая разница?! Это же Базар-на-Деве, сударыня. Здесь один ряд лавок ничем не отличается от любого другого. В каждом из них можно найти товар не хуже моего.

Дело оборачивалось даже лучше, чем я надеялась.

– Предположим, – сказала я, – просто предположим, что новое место находится в отеле, и еще предположим, что в отеле этом есть казино и дискотека. Это даст вам невольных покупателей, ведь никто не покинет здание и не потащится куда-то еще за тем, что он может купить прямо на месте.

– Отель и казино, да? Не знаю, не уверен. Барахло – ведь оно все равно барахло.

– Отнюдь, если вы пометите все свои товары эмблемой заведения. Барахло с эмблемой – это уже сувениры, и народ стремится купить их побольше. Верно?

Лавочник заметно оживился:

– Совершенно верно! И у вас есть такое заведение, сударыня? Сколько просят за аренду?

– Минимум, с долей, идущей заведению. Ну как, звучит?

– А какой площадью вы располагаете? Если я смогу расшириться, то получу от поставщика оптовую скидку, а свои цены подниму. Скажите, вы еще не нарисовали эмблему?

– Как-то не подумала об этом.

– Ладно. У меня есть шурин, он работает качественно и недорого... и к тому же быстро. Как насчет ресторана? Всем этим клиентам понадобится где-то есть.

А вот это как-то ускользнуло и от Вика, и от меня.

– Ресторана?

– ...Если у вас его нет, то я знаю одного парня, искавшего, куда бы перенести свое заведение, так как там, где оно сейчас, повысили арендную плату.

У меня сложилось впечатление, что эта моя проблема близка к разрешению.

– Вот что я вам скажу, господин со связями. Вы поговорите об этом со всеми, кто, по-вашему, впишется в эту сделку, а я вернусь завтра с планами этажа. Вот тогда и распределим, кому какая достанется площадь.

Воплощение в жизнь наших планов по реконструкции отеля в целом шло довольно гладко. Но, как оказалось, мы все-таки проглядели одну деталь.

– Нам нужно название! – в сотый раз простонал Вик, расхаживая по кабинету.

Я оторвала взгляд от своих каракулей в настольном блокноте Истерия.

– А как он сам собирался его назвать?

– «Гостиница Истерия».

– Что, разве плохое название?

Мы переглянулись.

– Да, – ответили мы в один голос.

– Случается, приходит лучший вариант во сне.

– Восхитительно, Вик. И чем же ты меня порадуешь?

– Прошу прощения?

– Название. Ты сказал, что придумаешь его во сне.

– Я имел в виду нас обоих. Считается, что мы работаем на пару.

Я беспомощно пожала плечами:

– Я не сплю.

– Нам нужно название! – в сто первый раз простонал мой напарник.

– Посмотри на это иначе, Клыкастик. Нам ведь приходится наверстывать упущенное.

Вампир плюхнулся в кресло.

– Да уж, это так, – проворчал он. – Просто невероятно, какой сквалыга этот девол. Собирался открыть отель вообще без всякой рекламы!

– Никакой конкуренции, помнишь? Если у тебя единственный отель в городе, тебе не нужна реклама.

– Ну, думаю, наш бюджет будет трещать по всем швам, – мрачно предрек Вик. – Сожалею, Маша, я знаю, как ты старалась контролировать все расходы.

– Забудь про это, – отмахнулась я. – Все равно деваться нам некуда. Так что, по-твоему, нам следует предпринять?

– Обычной газетной рекламы будет недостаточно, хотя нам придется прибегнуть и к ней. Когда до открытия так мало времени, требуется придумать что-то дополнительное для извещения публики.

– Как насчет афиш?

Вик скорчил гримасу:

– Не знаю, Маша. Скорее всего пара афиш погоды не сделает.

– Я имела в виду уйму афиш... штук пятьдесят, развешанных в радиусе десяти миль.

– ...Сгущающихся по мере приближения к отелю, – задумчиво добавил он. – Мне это нравится! Конечно, это будет стоить денег.

– Ну, сэкономлю кое-где на декоре. Мне лучше взяться за это поскорее. Ничего слишком классного, заметь себе. Нам нельзя никого отпугивать. Все должно быть предельно просто и понятно, как приглашение посетить крокодиловую ферму. Именно такая привлекательность нам требуется.

– Я знаю, кто может это сделать. – Вик застрочил в блокноте. – Это возвращает нас к первоначальной проблеме.

– Верно. Нам нужно название.

Вампир резко вскинул голову:

– Эй! Это же моя реплика.

– Извини.

– Просто заколдованный круг какой-то, ловушка, понимаешь?

– Может, так и назовем отель – «Ловушка»?

– Нет. Как насчет «Дурдома»?

– Угу. А «Чертова ловушка»?

– Да выберешься ты наконец из ловушки?

– Ну, тогда...

Остановились мы в конце концов на «Веселом доме». На наше решение немного повлияло то обстоятельство, что я наткнулась на обедневший цирк-шапито. Мы позволили ему обосноваться на нашей территории, а артисты предложили нам на выбор кое-что из своего реквизита.

Самыми лучшими оказались несуразные фигуры для аттракционов... и особенно для «Веселого дома» – павильона смеха. Фигуры эти свезли со всех измерений, и они двигали руками и головами, в то время как скрытые динамики выдавали прохожему «хо-хо-хо». Я сочла это восхитительным и распорядилась установить фигуры перед отелем... за исключением Толстой Дамы. Ее я установила в мужском туалете, в глубине холла.

Как только мы это проделали, остальной декор тотчас обрел свое место. Конечно, возможностей пооригинальничать у нас было маловато, поэтому я велела разукрасить здание широкими полосами... как цирковое шапито, только поцветастей.

Вик устроил свой клуб-дискотеку – просто красота. Все выдержано в черных тонах: полы, стены, потолок, мебель – все. Он также прикрепил к стенам и потолку столы и стулья под разными углами с манекенами натуральных размеров в вечерних нарядах. Это создавало эффект дезориентации, так что, когда играл оркестр и мерцали огни, ты действительно не знал, где верх, где низ. Для усиления этого эффекта танцплощадка была устроена с легким наклоном и медленно вращалась. Впечатление такое, словно висишь в пространстве, увлекаемый одновременно космическими ветрами и гравитацией. Вик даже назвал клуб «Ловушкой» – в знак уважения ко мне и извиняясь за столь упорное отрицание этого названия, когда я предложила его для отеля.

Ответственность за казино лежала только на мне, и я решила размахнуться. Я нашла художника с чувством юмора, и мы разрисовали это заведение в защитные цвета... если не считать того, что вместо зеленого и коричневого мы налегали главным образом на оттенки дневного свечения атмосферы. И в качестве последнего штриха расставили по всему заведению зеркала, но, само собой, кривые – из циркового павильона смеха. Это не только создавало иллюзию большого простора, но и показывало клиентам, когда они смотрели на себя в зеркала, что их очертания столь же призрачны, как и у декора. И непроизвольно при этом терялось чувство реальности.

Вик боялся, что воздействие всего комплекса в целом будет слишком впечатляющим. Но ведь идея в том и состоит, чтобы выделиться из толпы и погромче заявить о себе. Я, однако, проявила достаточно гибкости, признав необходимость пригласить Скива на встречу с Истерием за ночь до открытия отеля. Ведение переговоров никогда не было моей сильной стороной, и я понятия не имела, как прореагирует клиент на наши весьма новаторские идеи.

– Вы меня разорили! Что вы наделали!

Это говорил наш клиент. И это характеризует степень его довольства нашей работой. Если учесть, что нам целый час пришлось приводить его в чувство, то можете себе представить, как он был несчастлив.

– Я не уверен, что понимаю вас, господин Истерий, – сказал Вик. – Если у вас есть жалобы...

– Жалобы? – завизжал девол. – Да я не знаю, с чего начать! Что это вы тут изобразили?

– Мы превратили вашу ночлежку в прибыльный отель. Именно это нам и полагалось сделать.

Я пыталась не вступать в этот разговор из-за своей горячности, но все же не могла удержаться от пары слов.

– В отель? – вопил он. – Это не отель! Отель вам оставил я! А теперь он стал балаганом! И что *вы* подразумеваете под прибыльным? Все номера на первом этаже исчезли! Это сократит мои доходы с номеров на двадцать процентов!

– Двадцать процентов пустого отеля все равно ничто! – огрызнулась я.

– Маша права, – встал между нами Вик. – Это пространство потребовалось нам для аттракционов, привлекающих клиентов. Кроме того, все устроенное нами там принесет отелю доходы.

– Не принесет, если ничего не продается! – возразил Истерий. – Вы заходили в эти лавчонки? Видели, какое там барахло? А цены... за чашку кофе в вашем клубе дерут больше, чем я иногда плачу за целый обед!

– Не все едоки такие скряги, как вы, – пробурчала я себе под нос.

– Что?

– Я сказала, что вы загребете кучу денег, когда они пойдут в гору... то есть продадут товар покупателям.

– Но ведь не будет у них никаких... О-о-о! Я разорен!

Девол опустил в кресло и закрыл лицо руками.

– Вам бы, вероятно, следовало не уезжать и ознакомиться с планом реконструкции еще на первом этапе. А так Маше с Виком пришлось полагаться только на себя, – заговорил со своего кресла в углу Скив.

– Не уезжать! – резко вскинул голову Истерий. – Да они заставили меня это сделать! Сказали, что если я хочу воспользоваться услугами вашей фирмы, то должен им доверять!

– Именно, – кивнул Скив, не моргнув глазом меняя тактику. – Вам требовались наши услуги, вы доверились нам, и мы вам услужили. Не понимаю, какие тут могут быть жалобы.

– Какие жалобы? Да такие, что вы ободрали меня как липку... чтобы выставить меня из бизнеса! Если бы я потерял деньги на обычном отеле, это было бы плохо, но потерять деньги и сделаться вдобавок посмешищем... – На глаза у спекулянта недвижимостью навернулись слезы. – Я ведь вложил деньги родственников жены и обещал им проценты с прибыли. А теперь...

Голос у него прервался, и он снова повесил голову.

– Если проблема только в этом, то, возможно, мы сумеем что-нибудь устроить.

– Забудьте об этом! Сокращение вашего гонорара не поможет. Мне нужен серьезный доход, а не меньшие долги.

– Я ведь имел в виду избавить вас от этого отеля. Просто выкупить его у вас.

Я метнула быстрый взгляд на Скива. Он откинулся на спинку кресла и изучал глазами потолок.

– Вы серьезно? – с надеждой спросил девол.

– А почему бы и нет? Вы получите прибыль размером... скажем, пятнадцать процентов от общей стоимости заведения?... За здание и землю, а заставить комплекс работать, не говоря уже о хлопотах с его репутацией, будет нашей проблемой. Именно на это мы и рассчитывали с самого начала... в некотором роде.

Истерий мгновенно очутился на ногах и вцепился в руку Скива чуть ли не раньше, чем шеф кончил говорить.

– Знаете, что я вам скажу, Скив... господин Скив... вы настоящий джентльмен. Это замечательно! Как раз когда я уже думал... Не могу сказать вам, как я благодарен...

– Не стоит упоминать об этом, – высвободил руку Скив. – Почему бы нам не пройти тотчас же ко мне в кабинет? Моя секретарша все еще там. Просто объясните ей все, и она примется составлять документы. Я хочу сказать несколько слов своим сотрудникам, а потом подойду подписать соглашение.

– Уже иду, – помахал рукой девол. – Ну и дела. Все никак не могу...

– Но вы, конечно, понимаете, что у нас нет на руках такой суммы наличных. Нам придется выплачивать частями и, следовательно, договориться о графике выплат.

– Прекрасно. Прекрасно. Лишь бы мы заключили контракт, гарантирующий мне прибыль.

Затем он удалился, оставив нас в немом изумлении. Наконец Скив собрал нас взглядом.

– Полный аншлаг? – спросил он, подтверждая сообщенное нами в отчете.

– На три ближайшие недели желающих больше, чем может вместить отель. Придется кое-кого вычеркнуть. Вот список, – подтвердил Вик. – Мы принимаем заказы на полтора года вперед.

– Истерий не знает?

– Он так и не спросил, а у нас не было случая ему сообщить, – пожала плечами я. – Ты же видел, в каком он состоянии.

Скив задумчиво кивнул:

– Это значит, если верны мои расчеты, мы сможем полностью расплатиться с ним меньше чем через три месяца... не включая доли с казино и лавок.

Он поднялся и потянулся, а затем подмигнул нам.

– Пошли, ребята, – сказал он. – Думается, я разорюсь вам на рюмочку.

Глава четвертая

*Если вы слишком заняты, чтобы помогать своим друзьям, значит,
вы слишком заняты!*

Л. Якокка

На самом деле я не испытывал такого уж восторга от приобретения «Веселого дома». Безусловно, он проворно заколачивал нам деньги, но я как-то никогда не мечтал владеть отелем-казино. И не считал хорошей идеей создавать прецедент выкупа собственности неудовлетворенного клиента, какой бы выгодной ни оказалась эта сделка. И так-то родственники Истерия (по линии жены) пытались объявить сделку недействительной на том основании, что он, мол, пребывал не в здравом уме, раз продал такой прибыльный бизнес за смешную цену. Я особо не тревожился, так как это все-таки Базар-на-Деве, и если всякого заключившего неудачную сделку объявлять безумцем, рухнет вся экономика.

По-настоящему беспокоила меня другая сторона сделки, означавшая необходимость снова сотрудничать с Живоглотом. Сколько я его знаю, он последовательно оказывался озабоченным в первую очередь наполнением собственных карманов и не больно считался с окружающими, и я полагал опасным допускать его к нашим деньгам или даже к их части.

И все же мне трудно было спорить с Машей, когда она вознамерилась привлечь его к операции. Впрочем, в то время она и не представляла, что в конечном итоге ей придется отчитываться перед нами. Банни заверила меня, что она лично проверяла финансовые отчеты казино, присылаемые Живоглотом вместе с нашей долей доходов. Тем не менее я предпочитал тратить уйму времени на личное изучение пространных списков, силясь не пропустить свидетельства утечки прибыли в карман ненадежного компаньона.

Проверкой финансовых отчетов Живоглота я и занимался в тот самый полдень, отложив в сторону бесчисленные письма и работу, требовавшую времени. Однажды Банни сказала мне, что многие бухгалтеры и ревизоры руководствуются в своей работе альтернативными принципами. То есть вместо того, чтобы выуживать нарушения во всех документах подряд, они выделяют какой-то насоливший им отдел или руководителя, позволявшего себе иной раз отпускать в их адрес ехидные замечания, а затем просматривают их отчеты *очень* внимательно. Ее послушать, так достаточно пристального взгляда, чтобы найти изъяны или подозрительные места в любом отчете.

Должно быть, так оно и есть, если умеешь щелкать цифры как орехи. Я же для себя открыл, что бесконечное разглядывание колонок мелких цифр может вызвать только боль... в самом прямом смысле этого слова. Короче, после нескольких часов сидения над отчетами я чувствовал судороги и колющую боль в глазах, шее, в области спины и ниже.

Откинувшись на спинку кресла, чтобы снять напряжение и чуть потянуться, я перевел взгляд на карандаш, брошенный мною в приступе отвращения и злости на стол. Усмехнувшись, я мысленно потянулся к нему, схватил и метнул в воздух. Чем занимаются маги со скуки или усталости? Развлекаются магией!

Помните, как когда-то, в стародавние времена, я мучился, левитируя перо. Те дни давно минули, и теперь я знаю – ничто так не укрепляет уверенность в собственных возможностях, как многолетняя практика в применении азов магии вроде левитации для спасения собственной шкуры... а уверенность, как всегда говорил мне Ааз, – это в магии главное.

Я поднял карандаш к потолку, задержал его там, а затем отправил на экскурсию по кабинету, то резко останавливая его, то поворачивая под прямым углом. Прodelывая с ним разные па, я вдруг понял, что насвистываю себе под нос какой-то мотивчик, и тогда, приведя объект

своего воздействия к точке над столом, я начал пользоваться этим мотивчиком как дирижерской палочкой, делая по мере нарастания мелодии знак вступать барабанам и трубам.

– Приятно видеть, что ты постоянно набиваешь руку в своем ремесле.

Я взглянул на дверь и обнаружил там моего бывшего наставника. Он наблюдал за моей работой, прислонясь к дверному косяку.

– Привет, Ааз, – кивнул я, продолжая плавно двигать карандаш. – Столько дел свалилось, знаешь ли, что мало остается времени для тренировок, но я все же изредка позволяю себе кое-какие упражнения.

Как бы небрежно я ни говорил, втайне я очень радовался, что карандаш не дрогнул, когда Ааз внезапно меня окликнул. Поддержание сосредоточенности на чарах или, скорее, сохранение чар после того, как сосредоточенность нарушена, было одним из наиболее трудных уроков, преподанных мне Аазом, и, по-моему, я наконец неплохо его усвоил и теперь надеялся, он это отметит.

– Есть минутка для старого партнера?

– Разумеется, пододвинь кресло.

Я решил, что будет невежливым продолжать играть с карандашом во время разговора с Аазом, и поэтому подвел канцтовар туда, где, нагнувшись вперед, мог плавно подцепить его из воздуха. Однако Ааз, казалось, не заметил моего трюка. Он, слегка вытянув шею, разглядывал разбросанные по столу бумаги.

– Что это такое?

– Да просто просматриваю финансовые отчеты «Веселого дома». Я все еще не очень доверяю Живоглуту.

Ааз развалился в кресле и чуть склонил голову набок, глядя на меня.

– «Веселого дома», да? У меня как-то не было случая поговорить с тобой о нем. Ты там провернул фокус еще тот.

Я почувствовал себя согретым и польщенным его замечанием. Технически мы считались равными... с недавних пор... но он оставался для меня старым наставником, и мне приятна была его похвала.

– Это казалось самым лучшим выходом из скверного положения, – небрежно обронил я.

– Совершенно верно, – кивнул он. – Всегда легче решить проблему с помощью денег, вместо того чтобы придумывать способ из нее выкрутиться.

Слова его вдруг перестали казаться мне комплиментами. Я почувствовал, как моя гордость со скоростью задутой свечи сменяется обидой.

– По-моему, финансовые доходы фирмы более чем оправдали мудрость данного вклада.

Это прозвучало немного напыщенно – даже для меня. Я заметил, что последнее время все больше и больше важничая в ситуациях, где прежде ныл о своей неопытности или отсутствии способностей.

– Я никогда не возражаю против получения чистой прибыли, – сверкнул зубами Ааз, раздвинув в усмешке рот до ушей. – Даже когда это означает неожиданное приобретение ненужного нам казино.

Это определенно походило на лекцию вместо благодарственного адреса за отлично проделанную работу. Я всегда был готов поболтать с друзьями о том о сем, да и лишний раз услышать, какой я молодец, но углубляться в анализ своих недостатков мне вовсе не хотелось.

– Ну, сделанного не воротишь, а критика задним числом – это пустая трата времени, – живо сказал я, резко обрывая разговор о казино. – Зачем ты хотел меня видеть?

Я чуть было не начал возиться с бумагами на столе, дабы подчеркнуть, как сильно занят, но вовремя вспомнил, что занимаюсь именно финансовыми отчетами казино... определенно неподходящий способ увести разговор подальше от этой темы.

– О, ничего особенного, – пожал плечами Ааз. – Просто я отправляюсь на одно небольшое задание и подумал, ты, возможно, тоже захочешь подключиться.

– Задание? Я не давал тебе задания, – произнес я.

И тут же пожалел о своих словах. Мало того что они прозвучали довольно казенно, они еще свидетельствовали о моем невнимании к Аазу – ведь при непомерном грузе свалившихся на нас проблем я не сумел дать никакой работы моему партнеру.

Мой бывший наставник и глазом не моргнул при этой недипломатичной обмолвке.

– На самом-то деле это не задание. Скорее работа в отпускное время. Я собирался на досуге оказать услугу одному приятелю, не способному позволить себе наш обычный гонорар.

Мне следовало бы тут же насторожиться. Весь свой повышенный, если можно так сказать, интерес к деньгам я перенял у Ааза за время нашей совместной деятельности. Всякий раз, когда мой партнер говорит о бескорыстии в чем-либо, где можно бы рассчитывать на компенсацию, пусть даже это касается траты времени, это может означать только одно – тут что-то затевается.

– Думаю, Ааз, у меня ничего не получится. Я действительно страшно занят.

– Левитированием карандашей и проверкой расхищения финансов, которые все равно краденые?

Его нарочито невинная улыбка не достигла своей цели просто потому, что я ее не понял.

– Брось, Ааз, это несправедливо. Я и *впрямь* много работал. Просто мне нужен иной раз перерыв. Вот и все.

– Об этом я и толкую, – захлопнул капкан мой партнер. – Тебе самое время вырваться из кабинета и поучаствовать в настоящем деле, пока не прилип окончательно к этому креслу. Ты ведь не хочешь потерять связь со своим маленьким войском, а эта работенка как раз напомнит тебе, что это такое – быть на задании.

Чем больше он говорил, тем острее я чувствовал себя обойденным с флангов. И наконец в отчаянии поднял руку.

– Ладно-ладно. Расскажи мне о нем. Кто этот твой приятель?

– Скорее просто знакомый. Ты тоже его знаешь. Помнишь Квигли?

– Квигли? Охотника на демонов, ставшего магом? Того самого Квигли?

Ааз энергично кивнул.

– Того самого. Кажется, у него возникла проблема, с которой он не может справиться сам... что неудивительно. Я думал, ты, возможно, захочешь ему помочь, поскольку поставили его в такое положение именно мы.

Шах и мат.

– Хорошо, Ааз, – согласился я, скорбно поглядев на заваленный незаконченной работой стол. – Дай только мне кое-что поручить Банни, и я тебя тут же догоню.

Рассказ Ааза

Валлет не особенно изменился со времени нашего последнего визита, но, впрочем, эти захолустные измерения редко меняются. Мы путешествовали под личиной, как это вошло в привычку извергов, навещающих измерения, где уже когда-то побывали, а малыш перенял ее у меня. Вопреки общепринятым взглядам, изверги не любят драться *все* время, но, повторно посетив какое-то измерение, мы обычно бываем вынуждены в конечном итоге драться со всяким, кто узнает нас и считает себя подготовленным к схватке лучше, чем при первой встрече. Это только подтверждает правоту жителей Извра. По нашему мнению, все прочие измерения антиобщественны, и нам лучше всего бить первыми для получения преимущества внезапно, а кроме того, не жалеть усилий для отваживания гостей из иных измерений. Наше измерение и так не из приятных, а что до забредающих сюда посторонних подонков, нам они, понятно, ни к чему.

Конечно, моя принадлежность к извергам не единственная причина, почему многие граждане Валлета мечтают увидеть наши скальпы. Когда мы заезжали сюда в последний раз, то здорово поразвлекались здесь на Большой Игре. Я стар и циничен, но невольно улыбаюсь при мысли о том дельце.

– Как по-твоему, Ааз, сколько времени займет у нас проблема Квигли? – спросил Скив, вторгаясь в мои разбредшиеся мысли.

– Да не знаю, – пожал плечами я. – Лучше пусть он сам растолкует, в чем дело, и тогда мы решим.

Малыш встал как вкопанный и хмуро посмотрел на меня.

– Ты хочешь сказать, что согласился помочь, не зная, на что подряжаешься? Как же ты тогда узнал, что именно мы поставили его в такое положение?

Хоть Скив и показал себя способным учеником, все же бывают времена, когда он просто поражает своей тупостью.

– Чем занимался Квигли, когда мы впервые встретились с ним?

– Охотился на демонов. И что?

– А чем он занимается теперь?

– Когда мы слышали о нем в последний раз, он работал придворным магом Та-Хо.

– А теперь скажи, что, по-твоему, побудило его зарабатывать на жизнь магией вместо размахивания мечом?

– О!

Несколько секунд он выглядел удрученным, но быстренько оправился.

– Я все же думаю, тебе следовало бы выяснить, в чем проблема. Мы уже тут и до сих пор понятия не имеем, сколько она займет времени, а я не могу отрываться от дел на *слишком* долгий срок. Я и правда очень занят.

– Ну, тогда, – улыбнулся я, – нам следует связаться с ним как можно скорее, а не торчать здесь посреди улицы, мороча друг другу головы пустыми разговорами.

Малыш мелодраматически закатил глаза и снова потопал вперед.

Скив сильно изменился за те годы, что я с ним работал. Когда мы впервые встретились, он был совсем малыш. А теперь он – молодой человек... хоть я и склонен все еще думать о нем как о малыше. От старых привычек трудно избавиться. Он вырос из неуклюжего долговязого мальчугана в юношу, которому требуется бриться... хоть и не так часто, почему он и склонен об этом забывать, пока ему не напомнит Банни. Еще более поразительны его уверенность в себе и выдержка, он определенно обрел свой стиль. Было интересно наблюдать, как развивается мой подопечный в последние несколько лет, по каким направлениям.

Видите ли, наиболее симпатичной отличительной чертой Скива всегда была его забота о людях... неподдельная забота. Об этом свидетельствуют и его чувства к Гаркину, его погибшему учителю, хотя мой коллега никогда особенно не ценил малыша как ученика, и хлопоты, на которые он пошел, чтобы не ранить самолюбие Аякса, когда старый лучник усомнился в своей ценности в бою, – Скив всегда обладал безошибочной способностью увидеть в людях хорошее и действовать соответственно. Именно поэтому я и остался работать с ним... как учить, так и учиться.

Однако теперь положение, похоже, меняется. С тех пор как Скив стал президентом нашей корпорации, он начал больше беспокоиться о бизнесе и меньше о людях. Другие, возможно, и не обратили на это внимания. Банни и Тананда так заняты попытками перещеголять друг друга, что не заметят, даже если через комнату промарширует духовой оркестр, а у Корреша одна забота – развести их по разным углам. Маша и громилы сильны по части слепой верности. Они живо шагнут с утеса следом за Скивом, не задумываясь и не задавая вопросов. И опять же они знают его не так долго, как я, и не так хорошо, как я, и могут просто счесть его теперешнее поведение нормальным. Для меня же перемена очевидна.

Вся эта авантюра с покупкой казино только один пример. Тот прежний Скив настоял бы на том, чтобы Истерий изучил все обстоятельства, прежде чем подписать контракт, или по крайней мере щедро вознаградил его усилия. Вместо этого нас угощают демонстрацией такого умения хватать, что плохо лежит, какому позавидует и матерый девол-торгаш.

Всем известно, что я ничего не имею против извлечения прибыли, особенно значительной, пусть даже и с душком... но ведь это я. Скиву полагалось быть, напротив, гуманистом. Пока я учился у него взаимоотношениям с людьми, он, боюсь, усваивал у меня не те уроки... и, похоже, в этом преуспел.

Так или иначе, но именно потому я и не выбросил письмо Квигли в мусорную корзину, когда оно попало к нам на Базар. Я подумал, оно даст мне возможность побыть какое-то время со Скивом наедине и выяснить, веду ли я себя просто как нервная барышня или тут действительно есть о чем беспокоиться. Тогда я склонялся в сторону последнего.

К счастью, Квигли никуда не переехал. Малышу так не терпелось, что он, боюсь, плюнул бы на все это дело, если бы нам пришлось долго его разыскивать. На наш стук в дверь появился в щелке осторожный глаз, затем дверь слегка приоткрылась.

– О! Я надеялся... то есть я ожидал... Чем могу помочь, господа?

Мы уже видели эту личину «старика» и поэтому нисколько не сомневались, что смотрит на нас действительно Квигли.

– Это мы, Квигли, – живо сказал малыш, прежде чем я успел бросить хотя бы «Привет». – Тыпустишь нас или нам отправляться домой?

– Скив? О, слава небесам. Разумеется... заходите скорее.

Я считал, что Скив немного резок, и раболепие Квигли перед ним совсем не улучшало его манер.

– Извините за такой прием, – сказал маг, проводя нас в дом. – Но я боялся, что это один из кредиторов.

Закрыв дверь, Квигли снял заклинание личины... полагаю, поддержание ее требовало слишком больших усилий. При виде его истинной внешности я был слегка шокирован.

Годы не пощадили нашего старого союзника. На лице его глубоко отпечатались следы напряжения, которых не было, когда мы заскакивали сюда прежде. Само жилище, казалось, стало еще хуже. Стены нуждались в покраске... или по крайней мере в отмывке, а мебель, похоже, ремонтировали, а не заменяли.

– Не жилище, а дыра! – заметил Скив со своим благоприобретенным отсутствием такта. – В самом деле, Квигли, если уж не думаешь о себе, подумай о профессии. Откуда, по-твоему, у людей возьмется уважение к магам, если они увидят, в каких условиях они живут?

– Полегче, партнер, – тихо осадил я его. – Не все же могут владеть казино. Некоторым из нас приходится жить в лесных избушках... и даже спать под деревьями у дороги.

За это я заработал острый взгляд, но тут вмешался Квигли:

– Нет, Скив прав. Могу сказать только одно – я пытался. Почему и угодил в ту передрагу, где сейчас нахожусь. Я превысил свой кредит, стараясь поддерживать приличный вид, и вот теперь мне приходится за это расплачиваться.

– Если это единственная твоя проблема, Квигли, то это здорово и мы управимся с ней вообще без всякого труда. Мы можем устроить тебе быстрый твердый заем и разом покончим с твоими бедами... конечно, под небольшие проценты. Верно, Ааз?

Возможность быстрого решения проблемы улучшила настроение Скива. Я чуть не поддался искушению согласиться с этим, но у меня возникло ощущение, что данная ситуация проста только на первый взгляд.

– Не знаю, Скив, но я бы предпочел, если не возражаешь, послушать еще немного о том, в чем именно заключается проблема.

– Брось, Ааз. Давай просто оплатим его счета и разбежимся. Если поспешим, то сможем вернуться в контору уже к обеду.

Хоть я и пытался быть терпеливым, даже обещал себе быть им, но его тон просто меня достал.

– Слушай, *мальш*, – сказал я, намеренно называя его так. – Если уж ты так горячо жаждешь вернуться, ваяй! Я сам попробую разрешить здесь *настоящую* проблему, если все же выясню, в чем она заключается, и, может, попытаюсь это сделать, не выбрасывая денег. Идет?

Это был дешевый прием, но Скив сам на него напрашивался. Какую-то минуту я думал, будто он поймает меня на моем предложении и уйдет, но вместо этого он опустил на диван и надулся. Восхитительно. Я повернулся к нему спиной и переключил все внимание на Квигли.

Казалось смешным после всех этих лет брать на себя инициативу в том, что являлось, по существу, «человеческой» ситуацией. Обычно я ведал тактикой... ну, и иной раз деньгами... и предоставлял заниматься людьми Скиву. В том-то и заключалась его часть партнерства – не дать моей жесткой натуре вызвать отчуждение у многих людей, особенно у наших друзей. Однако что поделаешь, теперь такая задача выпала на мою долю, и придется заново к этому привыкать. Черт, если честно, такие дела мне никогда не бывали *привычными*. По иронии судьбы я должен был поставить себя на место Скива и попытаться угадать, что бы сказал и сделал в такую минуту он.

– Итак, Квигли, – произнес я, пытаясь тепло улыбнуться, – к чему именно сводится проблема?

Он неуютно помялся:

– Ну, это долгая история. Я... я не уверен, откуда лучше начать.

Я вдруг вспомнил, что неизверги склонны нервничать при виде зубов изверга, и сбросил улыбку.

– Почему бы не начать сначала? Как вышло, что у тебя возникли денежные проблемы? Когда мы в последний раз были здесь, ты, кажется, преуспевал.

– Вот тогда все и началось, – вздохнул он, – в последний ваш визит сюда. Помните, как здесь выбирали тогда правительство? С помощью Большой Игры?

Я много лет об этом не думал, но когда он заговорил, события стали восстанавливаться в моей памяти.

– Угу, ежегодная Большая Игра между Та-Хо и Вейгасом определяет, кто получит Приз и станет столицей в следующем году.

Квигли слегка кивнул:

– Верно. Ну а теперь все изменилось. Когда вы, ребята, выиграли и скрылись с Призом, это перевернуло вверх тормашками всю пятисотлетнюю систему. Некоторое время существо-

вала одна фракция, утверждавшая, что раз вы увезли Приз в Поссилтум, то именно там и должна быть в течение года столица. К счастью, победили более мудрые головы.

Было приятно узнать, что *некоторые* недоразумения разрешились без нашего участия. Я заметил, что, когда Квигли продолжил, Скив невольно заинтересовался.

– И решили они создать новое правительство – Общий Совет. План привели в исполнение при равном представительстве от обоих городов-государств, и впервые за пятьсот лет правительство измерения стабилизировалось.

Судя по его словам, из нашей сумасбродной аферы действительно вышло что-то хорошее. Это заставило меня почувствовать себя удовлетворенным. И все же...

– Не понимаю, Квигли. Какие же возникли осложнения?

Маг криво усмехнулся:

– Подумай, Ааз. С прекращением вражды между двумя городами-государствами не было нужды держать на службе двух магов. Решили, что отлично обойдутся и одним.

– Ого-го-го, – сказал я.

– Правильно, ого-го-го. Сперва они выбрали Машу. Она какое-то время служила магом для обоих городов-государств и, честно говоря, производила на них лучшее впечатление, чем я... особенно после того, как я упустил их демона-заложника, сбежавшего на Большую Игру. Впрочем, когда они отправились сообщить ей об этом, она исчезла. И остался только я.

Я стал размышлять, записалась ли Маша в ученицы к Скиву до или после того, как узнала об организационных переменах и полученном Квигли преимуществе.

– Она работает у нас на Деве, – заметил Скив, вступая наконец в разговор.

– В самом деле? Тогда понятно. После таких успехов вполне естественно перейти в высшую лигу.

– Я все еще не понимаю, как ты погорел в финансовом плане, – сказал я, пытаюсь вернуть разговор в прежнее русло.

Квигли скорчил гримасу:

– Дело в моем контракте. Мне пришлось при новом положении дел согласиться на существенное сокращение оплаты. Раньше мое жалованье было достаточным, хотя и не давало повода к особому веселью. А теперь...

Голос его оборвался.

– Что-то не пойму, – снова вмешался Скив. – Ты получаешь меньше денег за службу двум городам-государствам, чем получал, работая на один?

– Я же сказал, все дело в моем контракте. В нем есть пункты, о которых я даже не знал, пока Совет не обрушил их на меня.

– Какие такие пункты? – нахмурился я.

– Ну, что наниматель имеет право устанавливать пределы моей оплаты – это самый важный, какой я помню... «В интересах общины». Мне и указали, что при отсутствии вражды моя нагрузка снизилась, а значит, и оплату следует соответственно снизить. И потом есть пункт «Без уходов»...

– Какой?

– Пункт «Без уходов». Короче, он гласит, что меня могут уволить, но сам я не вправе уйти раньше срока действия контракта. Если уйду, мне придется оплачивать мою замену, то есть субподрядчика, самому... даже если ему будут платить больше, чем платят мне. Вот потому-то я здесь и застрял. Я не могу позволить себе уйти. Если на новом месте я стану вычитателем-то жалованье из любой заработанной суммы, то мне самому останется даже меньше, чем я получаю сейчас. Не могу же я надеяться, что сумею зарабатывать вдвое больше. С моим послужным списком из этого ничего не выйдет.

Сначала я думал, что Скив собирается предложить ему место в нашей фирме, но он вместо этого застонал и закрыл лицо руками.

– Кви-и-гли! Как ты мог подписать контракт на таких условиях? Черт, как ты можешь подписывать *любой* контракт, не зная точно, что в нем содержится?

– Честно говоря, я так радовался найденной работе, что и не подумал задавать много вопросов.

– Есть еще одна мелочь, – вставил я. – Когда он приступал к этой игре, он был совсем один. У него не было ни учителя, ни друзей, способных просмотреть его контракты или отговорить от неудачных сделок.

Малыша становилось все трудней удерживать от проявления нетерпимости к ошибкам других. Даже высказанное мной не слишком тонкое предостережение имело лишь частичный успех.

– Он мог бы спросить меня, – пробурчал он. – Я помог бы ему избежать крупных оплошностей.

– Насколько я помню, – снова вмешался я, внимательно изучая потолок, – в то время ты работал придворным магом в Поссилтуме... вообще без всякого письменного соглашения. Вот и давал бы *сам себе* советы по поводу контракта.

– Ладно-ладно. Я понял, Ааз. Так что ты от меня хочешь, Квигли?

Я отметил это «меня» вместо «нас», но пока оставил без последствий.

– Сейчас уже поздно, но я бы хотел поймать тебя на слове. Хорошо бы ты просмотрел контракт и нашел выход из положения. Мой срок почти истек, но я боюсь, они прибегнут к праву на возобновление контракта, и я застряну здесь еще на три года.

– Не продолжай, дай сам угадаю, – поморщился я. – Право возобновлять или не возобновлять контракт принадлежит им. Твое мнение не имеет значения. Верно?

– Верно. Как ты узнал?

– Удачная догадка. На мой взгляд, это довольно мило сочеталось с пунктом «Без уходов». А я-то думал, рабство запрещено законом...

– В чем, собственно, заключаются теперь твои обязанности, Квигли?

Скив сидел на диване, сохраняя задумчивое молчание, пока не перебил меня своим вопросом.

– Они в общем-то невелики, – признал Квигли. – Ну, что ли, развлекать народ. Мне скоро надо будет уходить. В полдень я должен присутствовать на игре.

– Игре? – переспросил я. – В нее все еще играют?

– О, разумеется. Она здесь по-прежнему главный повод для развлечения и ставок. Только теперь не играют на Приз, вот и все. С тех пор как вы, ребята, обдули местных, игра стала менее эмоциональной, но из-за нее еще сильно горячатся. Я буду развлекать публику после игры. Ничего особенного, всего лишь...

Я взглянул на него, когда он не закончил фразу, и лишь обнаружил бедного мага погруженным в крепкий сон и тихо похрапывающим в кресле. Озадаченный, я перевел взгляд на Скива.

– Сонные чары, – подмигнул он. – Я счел это вполне уместным. Я научился этим чарам при нашем последнем путешествии сюда – после того как этот вот друг применил их на Тананде.

– Разве тебе не хочется узнать побольше о его контракте, который нам предполагается разорвать, или хотя бы взглянуть на него?

– Незачем. Я уже достаточно выслушал для составления чернового плана.

– И план этот...

Его улыбка стала шире.

– Я дам тебе намек.

Черты его лица, казалось, растаяли и сместились... и я увидел перед собой предпочитаемую Квигли для работы личину «старика».

– Нам ведь ни к чему, чтобы на игре присутствовало два Квигли, не так ли? Насколько я понимаю, самый лучший способ избавить его от контракта – это занять сегодня в полдень его место.

Мне не понравилось, как это прозвучало.

– Ты хочешь добиться его увольнения? А не крутовато ли? Я имею в виду, как это отразится на его репутации?

– Слушай, Ааз, – зарычал он. – Я как раз и хотел провернуть самое легкое – помочь ему откупиться от неприятностей. Помнишь? Это как раз *ты* сказал, что должен быть другой выход. Ну, я и нашел другой выход. Ты поймешь это сейчас или растолковать тебе суть потом, когда все закончится?

Как ни смотри, стадион выглядел впечатляюще. Конечно, когда соберешь почти сто тысяч человек, дружно вопящих и требующих крови, это всегда выглядит так. Я лишь радовался, что на этот раз они требовали не *нашей* крови.

Хотя и был один неприятный момент. Квигли-Скива как должностное лицо города-государства пускали бесплатно, тогда как мне в личине «заурядного малого» пришлось для входа за ограду добывать билет. Все бы ничего, за исключением того, что мы разделились. В последний момент до меня вдруг дошло, что если Скив немного разойдется или забредет за пределы радиуса, то моя личина исчезнет, открыв мое истинное лицо. А так как меня здесь помнят как члена команды, победившей местных и слинявшей с их любимым Призом, то идея быть внезапно разоблаченным среди тысяч разгоряченных болельщиков Игры вовсе не показалась мне забавной. К счастью, мне не пришлось этого испытать. Скив подождал, пока меня пропустят, и дальше мы проталкивались вместе. Этот инцидент заставил меня призадуматься и осознать, как сильно я, лишенный своих способностей, стал зависеть от умения малыша.

Квигли-Скива явно хорошо знали, и когда мы вышли на стадион, многие болельщики его окликали. Однако приветствия эти не показались мне хвалебными.

– Квигли! Как дела, старый пень?

– Эй, Квигли! Ты снова собираешься показать тот же фокус?

– Да уж! Может, на этот раз он у тебя и получится.

Каждый из этих насмешливых выкриков сопровождался, конечно же, ослиным гоготом, какой может удаться только болельщикам, ударившимся в запой еще сутки назад, и все это ради *своей* роли в игре. Может, Квигли и привык к такому обращению, но с Великим Скивом давно уже никто не говорил в подобном тоне, и я заметил, как в глазах у него появился опасный блеск, не предвещавший ничего хорошего тому, на ком он решит наконец сфокусировать демонстрацию своей силы.

Сама игра оказалась довольно увлекательной. Куда забавней следить за ней, когда не тебе вышибают мозги на поле. Я обнаружил, что сам иной раз одобрительно ору при виде выдающейся игры и свищу при редких вмешательствах должностных лиц вместе с обезумевшей толпой.

Квигли-Скив тем временем сохранял зловещее молчание. После полудня его вид стал просто пугающим. Я знал своего партнера достаточно хорошо и догадывался, что он что-то замышляет. А вот чего я не знал, так это «что именно» и «когда». Наконец, когда стал уже вырисовываться финал игры, я не смог больше сдерживаться.

– Скажи-ка, э, Скив, – я нагнулся поближе к нему, чтобы он расслышал меня сквозь гам толпы, – ты уже разработал свой план?

Он кивнул, не отрывая глаз от поля.

– Ты не против рассказать о нем мне?

– Ну, ты помнишь, как я добился увольнения из Поссилтума? – Он огляделся посмотреть, не подслушивает ли кто.

– Да. Ты обругал короля. И?

– И не вижу никаких причин, почему бы тот же прием не сработал и здесь. Не думаю, чтобы должностные лица города-государства были менее напыщенными и самодовольными, чем монарх обанкротившегося королевства.

Это имело смысл. Приятно видеть, что малыш не полностью утратил свою способность разбираться в людях.

– Так из-за чего же ты думаешь поднять бучу? Из-за обращения с Квигли?

Он покачал головой.

– Не соответствует характеру, – возразил он. – Квигли не из тех, кто подымает шум из-за себя. Нет, драка, что я замыслил, начнется по более серьезному поводу.

– Драка? Какая драка?

– Та, что вот-вот начнется на поле, – усмехнулся Квигли-Скив. – Насколько я понимаю, эти две команды свыше пятисот лет соперничали между собой, и я не могу поверить, будто все их старые счета забылись просто из-за смены правительства.

– Не знаю, партнер. Пока игра велась весьма корректно. К тому же она и без того грубый контактный спорт. С чего тут начаться драке?

– Большинство контактов происходят вокруг мяча... куба, или как там его называют. Так никогда и не усвоил. После столь долгой игры все игроки на взводе и не слишком ясно мыслят – как-никак полдня стучались головами. А теперь смотри внимательно.

Он нагнулся вперед, пряча свои руки, и, вытянув один палец, нацелил его на поле.

Там бегали два особенно здоровенных игрока, весь день заметно пытавшихся вцепиться друг другу в глотки к восторгу толпы. В тот момент они медленно трусили бок о бок вдоль края главной схватки на поле, следя, не выпрыгнет ли из свалки мяч-куб. Внезапно рука одного из них нанесла сопернику резкий и злонамеренный удар слева по лицу, сбив с головы шлем и заставив беднягу растянуться на траве. Этот ход был настолько неожиданным и ненужным, что ошеломленная толпа замолкла и застыла. Даже ударивший игрок выглядел удивленным... что, несомненно, было правдой. Ничто не заставляет двигаться конечности так непредсказуемо, как небольшая плотно сфокусированная левитация, если только конечности эти не напряжены и не готовы к противодействию.

Не озадачен был этой выходкой только поверженный игрок. Я бы сказал, твердокаменность действительных участников игры, в отличие от их потерявших форму болельщиков – это качество, которое характеризует не только их физическое состояние, но и чувство юмора. Сбитый игрок одним прыжком вскочил на ноги и бросился на своего предполагаемого агрессора. А тот хоть и не знал, что за магия направляла его руку, но зато отлично знал, что делать, когда тебя бьют, и в самом скором времени двое соперников самозабвенно отдались мордобоем.

Это могло бы сработать, но команды относились всерьез к наконец-то заключенному перемирию. Под гневные крики трибун и свист судьи они навалились на членов своих команд и растащили их в стороны.

– Жалко, Скив, – с досадой заметил я. – Я думал, ты их достал.

Не услышав ответа, я взглянул на него. Слегка теперь наморщив лоб, он по-прежнему работал.

Товарищи по команде отпустили игрока, подвергнувшегося нападению. Тот, хоть и был еще взбешен, уже взял себя в руки, когда нагнулся поднять шлем. Однако при его прикосновении шлем понесся, рассекая воздух, словно пушечное ядро, и врезался в члена команды соперников, нанесшего первый удар. Ну, шлемы в этой игре снабжаются рогами или шипами, и этот не являлся исключением. Пораженный игрок рухнул, как марионетка с обрезанными ниточками, образовав при этом заметную лужу крови.

Это решило дело.

При виде нового нападения на своего товарища, да еще в тот момент, когда мяч не в игре, вся команда упавшего игрока взбеленилась и бросилась к оставшемуся без шлема нападавшему... чьи товарищи, в свою очередь, ринулись защищать его.

Обе скамейки запасных опустели, и в драку на поле включились остальные игроки. Прежде чем они успели набрать скорость, обе группы запасных попали за светящиеся голубые клетки магических экранов. О таком их применении я, признаться, никогда и не думал. Вместо свежих команд со скамеек запасных Квигли-Скив вышел на поле сам.

Я сразу не заметил, что он покинул место рядом со мной, пока не увидел его уже перемахнувшим через невысокий барьер, отделявший зрителей от игрового поля. Прыжок этот выглядел чересчур бойким для носимой им личины «старика», но никто, похоже, этого не заметил.

Смотреть, как работает малыш, было настоящим удовольствием... особенно учитывая, что большинству этих фокусов научил его я. Мне пришлось признать – за минувшие годы он весьма в этом поднатерел.

– ПРЕКРАТИТЬ! ХВАТИТ! – проревел он. – ПРЕКРАТИТЕ, Я СКАЗАЛ!!!

Все еще крича, он внедрился в толпу игроков на поле, сцепившихся в смертельной схватке. Тех, кто стоял, он свалил на месте одним жестом... жестом, понятным мной как простые сонные чары. Других он легко разделил, умело применяя свои способности к левитации. Двух сцепившихся друг в друга игроков он не только разделил, но и подержал футах в двадцати над землей. Драка прекратилась так же быстро, как и началась, и очень ловко к тому же.

Как и можно было предсказать, не успела еще улечься пыль, как на поле ворвался отряд чиновного вида людей и направился напрямик к Квигли-Скиву. Хотя я, может, и утратил свои способности, но со слухом у меня все в порядке, и в отличие от окружающих меня на трибунах болельщиков я без труда расслышал последовавший обмен репликами.

– Квигли, ты... Как ты смеешь так вот вмешиваться в игру?

– Игру? – холодно переспросил Квигли-Скив, складывая руки на груди. – Это не игра, а драка... Хотя я понимаю, как легко вы могли впасть в заблуждение.

– Ты не имеешь никакого права... Поставь их на землю!

Эта последняя реплика сопровождалась жестом в сторону подвешенных в воздухе игроков. Скив пальцем не шевельнул, но двое игроков внезапно упали на траву с костедробильным стуком, извлекая из толпы точно такое же «о-о-о-о-о», какое получаешь при хорошем ударе в настоящей игре.

– Что же касается моих прав, – не оглядываясь произнес нараспев Квигли-Скив, – то по контракту я обязан применять свои магические способности для поддержания спокойствия в Вейгасе и Та-Хо. Как я понимаю, это включает и прекращение всевозможных драк, коих я оказываюсь свидетелем... что я только что и сделал. И потому объявляю игру оконченной. Текущий счет становится окончательным.

И с этими словами клетки-экраны начали мигрировать к двум противоположным туннелям, загоняя в них игроков. Незачем и говорить, толпа этого не одобрила.

– Ты... ты не можешь этого сделать! – завопил какой-то крупный чин, перекрикивая нарастающий свист трибун. – Самая волнующая игра в последние несколько минут!

В ответ Квигли-Скив просто левитировал лежавших на поле игроков в туннели следом за товарищами.

– Я уже это сделал, – заявил он. – И более того, я намерен делать это при каждой очередной встрече этой варварской игры, когда положение станет неуправляемым. Мой контракт скоро подлежит возобновлению, и я понял, что немного подзапустил свои обязанности. И вот решил напомнить вам, кого именно вы держите на жалованье. Если вам это не нравится, можете меня уволить.

Я улыбнулся и оценивающе покачал головой. Надо отдать должное Малышу. Если наезд на любимое времяпрепровождение этого измерения не приведет к увольнению Кwigли, то уж и не знаю, что тут еще можно придумать.

– Ты закрыл игру?

Это Кwigли выражал свою оценку предпринятому Скивом.

Мы вернулись к нему домой, сбросив личины, и привели мага в чувство. Оказалось, на *такую* нашу помощь он явно не рассчитывал.

– Это был самый верный способ освободить тебя от контракта, – пожал плечами Скив. – Местные, похоже, сильно привязаны к этой игре.

– Привязаны к... я погиб! – со стоном воскликнул маг. – Меня не просто уволят, меня казнят!

Малыш остался невозмутим.

– Не беспокойся, – посоветовал он. – Ты всегда можешь скрыться с помощью заклинания личины, или, если тебе будет от этого легче, мы проводим тебя к...

Раздался стук в дверь.

– Так. Если я не ошибаюсь в своих догадках, это, должно быть, Совет пожаловал. Открой дверь, Кwigли.

Маг колебался, огляделся вокруг, словно ища способ сбежать. Наконец вздохнул и поплелся к двери.

– Кстати о личинах, Скив... – намекнул я.

– О, верно. Извини, Ааз.

Рассеянным взмахом руки он снова придал нам личины, на этот раз те, под какими мы прибыли сюда первоначально.

– О! Господин маг. Можно войти? Мы должны обсудить определенные... О! Я и не знал, что у вас гости.

Это и впрямь явился Совет. Точно по расписанию. Я украдкой подмигнул Скиву, и он поощрительно кивнул.

– Это... мои друзья, – запинаясь, произнес Кwigли, словно сам не совсем верил этому. – По какому поводу вы хотели меня видеть?

Несколько пар беспокойных глаз заматались от Кwigли к нам.

– Мы... гм... надеялись поговорить с вами наедине.

– Мы подождем на улице, Кwigли, – сказал, поднимаясь, Скив. – Если понадобится – только крикни.

– Ну вот и все, – вздохнул я после того, как дверь за нами закрылась. – Интересно, чем собирается заняться Кwigли после этого?

Скив небрежно прислонился к стене.

– На мой взгляд, это уже его проблема, – отозвался он. – В конце концов, он же сам просил нас освободить его от контракта. Думаю, он что-нибудь себе присмотрел.

– А если нет? Кwigли никогда не отличался предусмотрительностью. Имея в послужном списке прекращение контракта, ему будет нелегко найти работу.

– Я уже сказал, это его проблема, – пожал плечами Скив. – Он всегда может...

Дверь открылась, и Совет молча и строем вышел на улицу. Кwigли подождал, пока они удалились, а затем лихорадочно замахал нам, приглашая в дом.

– Ни за что не угадаете, что произошло, – взволнованно сказал он.

– Тебя уволили, верно? – ответил Скив. – Брось, Кwigли, встряхнись. Вспомни, это же мы все устроили.

– Нет, меня не уволили. Как только у них прошла злость, они подумали о том, какое впечатление произвела на всех устроенная мною демонстрация магии, и возобновили контракт.

Я обнаружил, что гляжу на Скива, а тот, в свою очередь, глядит на меня. Так мы и стояли в этой позе несколько секунд. Наконец Скив испустил вздох.

– Ну, – решил он, – тогда нам просто придется придумать еще что-нибудь. Не беспокойся, Квигли. Я еще не видел ни одного контракта, который нельзя было разорвать.

– Э-э-э... м-м-м... я бы предпочел, чтобы вы этого не делали.

Это слегка меня потрясло.

– Извини, Квигли. Мне подумалось, будто ты сказал...

– Совершенно верно. Понимаешь, ты произвел на Совет очень глубокое впечатление, и они повысили мне жалованье... существенно повысили. Думается, я нигде не смогу найти лучшей работы, тем более если меня попросят продемонстрировать свое умение. Однако в контракте сделаны некоторые изменения, и мне бы хотелось, чтобы вы просмотрели его и объяснили, что меня может ожидать.

– Сожалею, Скив, – сказал я, когда мы поплелись прочь. – Такая работа, и все коту под хвост.

Мы закончили наконец разбираться с контрактом Квигли и искали местечко потише, где можно незаметно отправиться обратно на Деву.

– В общем-то нет. Мы разрешили для Квигли его проблему, а этот новый контракт определенно лучше по сравнению с прежним.

Я имел в виду, что он проделал уйму работы без оплаты, но решил не вдаваться в подробности.

– Ты вообще-то удивил меня, – признался я. – Я почему-то ожидал, что ты рассчитывал завербовать Квигли в нашу команду, когда он освободится от контракта.

Малыш ответил резким лающим смехом:

– Снова выбрасывать деньги на ветер? Не беспокойся, Ааз. Я не настолько сумасшедший. Может, я и готов был одолжить ему какую-то сумму, но нанимать его? Такого бездельника-неумейку? Я управляю корпорацией М.И.Ф., это почти военный корабль, и порядок у нас соответствующий, и нет места для пустого балласта... даже для старых друзей. Кстати о фирме. Интересно, есть ли какие-нибудь известия о...

Он болтал дальше о возвращении к своей работе. Но я слушал не слишком внимательно. Вместо этого я мысленно повторял кое-что из сказанного им.

«...Бездельника-неумейку... нет места для пустого балласта... даже для старых друзей...»

Немного резковато, наверно, но определенно пища для размышлений.

Глава пятая

Какие же дураки эти смертные.
Смог

На собственном опыте мне пришлось убедиться, насколько легче прикупить себе что-нибудь, чем попытаться потом от этого избавиться. Я говорю не о мелких повседневных покупках, а о чем-то крупном... вроде, скажем, отеля-казино. Конечно, покупку его упростило то, что строитель... как там его звали? Не важно... он тогда впал в отчаяние. Однако продать его оказалось делом совсем иного свойства.

Откинувшись на спинку кресла, я уставился на море бумаг у меня на столе, пытаюсь мысленно рассортировать различные предложения, сталкивающиеся у меня в голове без всякой системы. Я заметил, что после полуночи это происходит все чаще и чаще. Пробормотав проклятие, я зарылся в свои заметки.

– Работаем сверхурочно, Скив?

– Что? – Я поднял взгляд. – Привет, Банни. Что ты здесь делаешь в такой час?

– Я могла бы сказать, что беспокоюсь о тебе, и это действительно так, но, по правде говоря, я даже не знала, что ты все еще здесь, пока не увидела в щелку свет и не сунула сюда нос. Нет, я просто зашла взять кое-что из своего стола. А теперь все же скажи, что ты здесь делаешь?

Отвечая, я чуть потянулся, благодарный за перерыв:

– Просто пытаюсь упорядочить свои мысли по продаже «Веселого дома». Мне придется определиться с собственным мнением на этот счет к ежемесячному заседанию нашего правления.

Она обошла стол и встала у меня за спиной, массируя мне узлы мускулов на плечах. Чудесное ощущение.

– Не понимаю, зачем тебе вообще выносить вопрос на правление, – сказала она. – Решил бы все сам. Ты ведь не нуждался в одобрении других, когда затеял эту продажу?

Что-то в сказанном ею звучало резковато, но я слишком сильно наслаждался массажем, чтобы сконцентрировать на этом внимание.

– Я не продажу сам затеял, а обсуждение предложений по этому поводу. Окончательное решение продавать или не продавать и какое из предложений принять, если вообще принимать какое-то, будет вынесено правлением.

– Тогда пусть оно и решает, ты-то зачем себя изводишь?

Я уже знал, что она скажет дальше. Заведет старую песню «Ты слишком много работаешь». Я слышал ее от всех довольно часто, сам бы запросто спел ее по памяти.

– Потому что я действительно хочу протолкнуть разумное предложение. – Я отстранился от нее. – Хочу выслушать все возражения и быть уверенным, что мои доводы понятны.

Банни обошла стол и, поколебавшись, плюхнулась в кресло.

– Отлично, тогда прорепетируй. Скажи *мне*, если ты, как говоришь, не против предварительного обсуждения, почему ты так жаждешь продать «Веселый дом»?

Я встал и принялся расхаживать по кабинету, теребя нижнюю губу и приводя в порядок свои мысли.

– Официально я считаю это необходимым по двум причинам. Во-первых, новизна заведения очень скоро должна спасть, и когда это произойдет, спадут и толпы... а следовательно, и доходы. Продать его станет труднее, чем сейчас, когда это место еще такое бойкое. Во-вторых, успех нашего заведения обязательно породит кучу подражателей. Судя по всему, что я слышал на одном из «деловых обедов», уже есть несколько планов построить или переделать

близлежащие отели в казино. Это, само собой, расширит рынок услуг и собьет нам цену, если мы вовремя не примем меры.

Банни внимательно слушала. Когда я закончил, она кивнула.

– А неофициально?

– Прости?

– Ты сказал, «официально, и т. д., и т. п.». Это подразумевает, что есть еще причины, тобой не упомянутые.

Вот тут-то я и понял, насколько устал. Подобная оговорка может дорого обойтись в неподходящем обществе. И все же Банни была моей доверенной секретаршей. Если уж даже ей я не могу довериться, то плохи мои дела.

– Неофициально я делаю это ради Ааза.

– Ааза?

– Совершенно верно. Помнишь его? Моего старого партнера? Ну, когда мы оказывали ту маленькую услугу Квигли, он все подкалывал меня из-за «Веселого дома» – я слышал постоянный поток подковырок по поводу то «я выбрасываю деньги на ветер», то «незачем нам лезть не в свое дело» и много чего еще в том же роде. Не знаю почему, но это казино ему как кость в горле, и если его это обрадует, я избавлюсь от данного заведения без всяких сожалений. Оно не так уж много для меня значит.

Банни выгнула бровь.

– Значит, ты продаешь казино, чтобы обрадовать твоего старого партнера?

– Это самая веская причина, какая приходит мне на ум, – пожал плечами я. – После смерти Гаркина, Банни, он был для меня в одном лице и отцом, и учителем, и тренером, и наставником. Я потерял счет тому, сколько раз он меня спасал, становясь между мной и тем, что мне угрожало. Я ему стольким обязан, что такую малость, как устранить то, что ему досажает, я проверну не моргнув глазом.

– Ты мог бы подбросить ему задание-другое, – поджала губы Банни. – Возможно, будь он чуть больше занят, у него бы не нашлось времени на мрачные раздумья и поиск изъянов в том, что ты делаешь без его участия.

Я на какую-то секунду задумался, прежде чем засмеяться.

– Ааз выше мелкой ревности, – сказал я, желая убедить в этом скорее себя самого. – Кроме того, я *пытаюсь* найти ему задание. Просто все дело в том, что извращенцы... то есть изверги... не славятся своей дипломатичностью в обращении с клиентами.

Не желая дальше углубляться в эту тему, я собрал стопку предложений.

– А теперь мне придется еще пару раз просмотреть эти предложения, чтобы как следует в них разобраться.

– Так в чем проблема? Просто выбери самое лучшее и остановись на нем.

Я с горечью поморщился:

– Это не так легко. Они настолько разные, что их сопоставлять все равно что сравнивать яблоки с апельсинами. Один предлагает постоянный процент с прибыли... другой дает высокую покупную цену, но хочет платить в рассрочку... есть целая куча заявок на включение в оплату стоимости отеля акций других предприятий... и не так-то легко решить, какое из предложений действительно самое лучшее.

– Возможно, я сумею помочь, – предложила Банни, протягивая руку к бумагам. – У меня довольно большой опыт по части анализа предложений.

Я опередил ее, положив руку на пачку документов.

– Спасибо за заботу, Банни, но я предпочел бы сделать это сам. Если я намерен оставаться президентом, мне надо больше полагаться на себя, а не на других. Единственный способ научиться справляться самому – это не попадать в зависимость от своего штата сотрудников.

Она медленно убрала руку, ее глаза всматривались в мои, словно она была не уверена, что узнаёт меня. Я сообразил, что она расстроилась, но, перебрав еще раз сказанное мною, не смог найти в своей позиции ничего неверного. Слишком устав, чтобы разбираться с этим именно теперь, я решил сменить тему.

– Раз уж ты здесь, не могла бы ты мне вкратце напомнить, что у нас завтра на повестке дня? Я бы подготовил все, что от меня зависит.

Что бы ни беспокоило ее, все мигом исчезло, едва она вновь стала образцовой секретаршей.

– Единственное срочное дело – выделение группы на сторожевую работу. У клиента ценный груз, и нам нужно стеречь его завтра ночью.

– Сторожить? – нахмурился я. – А разве это не низковато для нашей конторы?

– Я тоже так думала, – сладко улыбнулась она. – Но ты, очевидно, думал иначе, когда подрядил нас на это две недели назад. Услуга одному из твоих партнеров по «деловым обедам». Помнишь?

– Верно. Ну, я думаю, мы можем бросить на это Глипа. Отправь его туда... и вели Нунцио не спускать с него глаз.

– Ладно.

Она направилась было к выходу, но задержалась в дверях.

– Так что насчет Ааза?

Я уже снова начал погружаться в предложения, и мне пришлось с усилием вернуть свое внимание к разговору.

– А что насчет него?

– Ничего. Забудь про мой вопрос.

Да, вне всякого сомнения, с сотрудниками моими определенно происходит что-то странное. Покачив головой, я снова обратился к предложениям.

Рассказ Глипа

Когда в разговоре с коллегами из драконьего общества возникает тема домашних любимцев, неизбежно завязывается спор об относительных достоинствах и недостатках людей в качестве оных. Во время таких сборищ я традиционно сохранял почтительное молчание, так как был самым юным из присутствующих и, следовательно, обязанным учиться у старших. Из этого, однако, не следует, будто у меня нет своего мнения по данному вопросу. У меня есть на этот счет множество всяких теорий, и именно по этой причине я ухватился за шанс испытать их на молодом, но дерзком объекте, каким был Скив, когда я впервые с ним столкнулся. Дальше я расскажу... или нет, не буду забегать вперед. Все должно быть по порядку. Я – существо организованное. И между прочим, известное вам по ранее описанным приключениям. Вот, скажем...

– Глип! Поди-ка сюда, парень.

А это Нунцио. Он неорганизованный и невоспитанный. И следовательно, как это часто бывает, когда имеешь дело со Скивом и довольно сомнительной его компанией, я предпочел не обращать на него внимания. Но все же это затрагивает очень интересный вопрос, и мне, вероятно, есть смысл кое-что здесь прояснить, прежде чем продолжать рассказ.

Так вот, для этой сомнительной компании (и для читателей первых книг) я просто Глип. Собственно, так меня сейчас и окликнули. Довольно грубо, должен заметить. Ради удобства я буду продолжать называться для вас этим именем, избавив себя от тяжелой задачи объяснять вам, как произносится мое *настоящее* имя. Прежде всего вряд ли кому из вас удастся физически воспроизвести необходимые звуки, и никакого моего терпения не хватит, чтобы втолковать что-либо представителям рода людского. К тому же у драконов в обычае называться кличками для таких вот межвидовых эскапад. Это спасает от смущения, когда человеческие хроникеры искажают факты при записях происшествий... и делают это неизменно.

Пусть тех, кто знаком с моим прославленным словарем из одного слова, не удивляет мой связный слог. Причина тому как проста, так и логична. Во-первых, для дракона я все еще очень молод, а голосовые связки у нас полностью развиваются к зрелому возрасту. Разумеется, я вполне могу разговаривать и общаться с представителями моего вида, но для пространного разговора с людьми на их наречии я буду готов лет этак через двести, когда мой голос научится произносить особую комбинацию человеческих звуков и тонов.

Что же касается моего умственного развития, то надо учесть огромную разницу в продолжительности жизни. Человек, проживший сто лет, считается исключительным, в то время как даже тысячелетние драконы не считаются старыми среди друзей и родственников. Перечислять все вытекающие отсюда наши особенности слишком долго, но важно только одно – хотя для дракона я, возможно, и молод, но вполне могу считаться самым старшим среди тех, кто присоединился к Скиву. Конечно, людям далеко до моей породистости и воспитанности, и поэтому они, как правило, не склонны внимать более старым и умудренным опытом представителям своей среды, не говоря уже о том, чтобы чему-нибудь у них учиться.

– Эй, Глип! Ты слышишь меня? Сюда, парень.

Я устроил целый спектакль из покусывания своей ноги, словно та зачесалась. Люди обычно не способны воспринимать тонкости общения и не в состоянии даже определить, когда их преднамеренно игнорируют, не говоря уже о том, чтобы сделать соответствующие выводы. Я это понял и изобрел технику наглядной демонстрации своей занятости, специально для случаев особенно грубого или неуважительного к себе обращения. Это частенько действует успокаивающе и на людей, и на мою нервную систему. Пока эта техника срабатывает в двадцати процентах случаев, что значительно превышает показатели успеха любой другой моей тактики. К несчастью, данный конкретный случай не входил в эти двадцать процентов.

– Я с *тобой* говорю, Глип. Ты намерен идти, куда я тебе велю, или нет?

Я-то скорее всего когда-нибудь научусь говорить на языках иных видов, а вот в том, что Нунцио или Гвидо овладеют своей *родной* речью хоть через сколько времени, я сильно сомневаюсь. Это почему-то напоминает мне давний рассказ одной из моих теток о том, как она встретила в далекой стране человека и спросила его, не уроженец ли он данной местности. «Я не уроженец! – ответил он. – Я здешний!» И тетке в ответ на такой пассаж ничего не оставалось, как только съесть его. Я бы поступил точно так же.

Нунцио все еще разорвался своим писклявым, мальчишеским голосом, который так удивляет, когда впервые его слышишь. Только теперь он обошел меня кругом и пытался подтолкнуть в указанном им направлении. Хотя для человека он впечатляюще силен, я значительно превосхожу его в весе, чтобы быть уверенным в том, что он не сможет меня сдвинуть, пока я сам не решу откликнуться на его обращение. И все же его ужимки раздражали, и я размышлял, не поучить ли его манерам, хлестнув по нему легонечко хвостом. Но решил, конечно, этого не делать. Даже самые сильные люди опасно хрупки и уязвимы, а я не желал расстроить Скива, лишив его одного из товарищей по играм. Подобная травма может отбросить воспитание моего домашнего любимца на много лет назад.

Тут я вдруг заметил, что дыхание Нунцио становится затрудненным. Поскольку он уже продемонстрировал свою эмоциональную нестойкость, я забеспокоился, что у него может случиться сердечный приступ, прежде чем он от меня отвяжется. Мне его кончина, понятно, была ни к чему, и я решил ему подыграть.

Задержавшись на столько, сколько требовалось для ленивого зевка, я поднялся и легко проследовал в указанном направлении... сперва чуть скользнув вбок так, чтобы он упал ничком, когда наляжет на меня в следующий раз всем своим весом. Я рассудил, что если он недостаточно крепок даже для того, чтобы пережить простое падение, то мой домашний любимец прекрасно обойдется без его общества.

К счастью или к несчастью, но он быстро поднялся на ноги и зашагал в ногу со мной, когда я наконец пошел.

– Я хочу, чтобы ты ознакомился с грузом, который мы должны защищать, – сказал он, все еще тяжело дыша, – а потом немного побродил вокруг и изучил обстановку.

Это его задание показалось мне невероятно глупым. Груз и обстановку я оценил в первые же минуты нашего прибытия и полагал, что Нунцио сделал то же самое. Изучать-то было, в общем, нечего.

Склад представлял собой обычную большую комнату... четыре стены и потолок с балками, откуда несколько ламп освещали помещение неровным светом, оставляя повсюду крупные пятна теней. В одной стене находилась маленькая дверь, а в другой – большая, ведущая, надо полагать, к грузовому причалу. За исключением сваленного в центре помещения груза склад пустовал.

Сам груз состоял из пары дюжин ящиков, поставленных на деревянный поддон. Судя по тому, что смог разобрать мой нос, ящики были заполнены бумагой и чернилами. Почему какую-то бумагу и чернила требовалось охранять, я не знал и знать не хотел. Драконам бумага ни к чему... особенно бумажные деньги. Воспламенимая валюта – не подарок нормальному обществу. И все же кто-то видел в грузе какую-то ценность. Во всяком случае, тот, кто заказал наши услуги, да и определенно тот субъект, одетый с головы до ног в черное и ползающий по балкам.

Все это стало для меня очевидным, как только мы вошли в склад. Поэтому незачем было заниматься надуманной работой по дополнительной проверке. Однако Нунцио непреклонно и твердо решил заставить меня снова выяснять и так уже мне известное. Даже делая скидку на несовершенство человеческих чувств зрения, слуха, вкуса, осязания и обоняния по сравнению с драконьими, я тем не менее поразился тому, как мало он сам мог заметить. Наверно, если

б он поменьше фокусировал свое внимание на мне и побольше на происходящем вокруг, у него получилось бы лучше. А так он был просто безнадежен. Если Скив надеялся, что Нунцио чему-то у меня научится – а это представлялось мне единственной причиной для подключения его к этому заданию, – то мой любимец будет сильно разочарован. Не представляю, почему я проявлял к нему такую терпимость? Может, потому, что он упорнее большинства людей старался, пусть грубо и невежественно, положительно взаимодействовать с драконами?

Кто бы там ни полз по балкам, он теперь приближался. Для человека он, может, и крался, но мое ухо прослеживало его передвижения с такой же легкостью, как если бы он бухал на ходу кастрюлями. Я ощущал его присутствие еще за два шага до двери, но был не уверен в его намерениях и потому решил быть терпеливым и разобраться, кто он – просто невинный зевака или злоумышленник. Его попытки подкрасться к цели склоняли меня к последнему предположению, несмотря на очевидную его некомпетентность в затеянном.

Пытаясь помочь Нунцио разобраться в ситуации, я повернул голову и показал носом на подкрадывающегося.

– Повнимательней, Глип! – крикнул мой идиот-подопечный, поворачивая мою морду обратно к ящикам. – Нам положено охранять именно это. Понятно?

Понял я только то, что люди либо усваивают все еще медленней, чем считают наиболее критически настроенные в этом отношении драконы, либо у этого конкретного их представителя повреждение мозга, что тоже возможно. Повращав глазами, я снова проверил подкрадывающегося.

Он находился теперь почти над нами, широко расставив ноги на двух балках для устойчивости. С тщательной неторопливостью он вынул из рукава какой-то предмет, поднес его ко рту и нацелил на нас.

Всякий дракон еще в раннем возрасте проходит через серию уроков по изучению человеческого оружия. Это может показаться странным для в общем-то миролюбивого народа, но мы считаем это делом выживания... таким же, как простейшие человеческие наставления детям вроде «пчелы жалят» или «огонь жжет». Как бы там ни было, но я столь же сведущ в человеческом оружии, как и любой человек, и куда более, чем любой, не связанный с военным делом или иным беспокойным промыслом. Поэтому без всякого труда я узнал в направленном на нас инструменте духовое ружье.

Вдобавок к прекрасному чутью драконы обладают броней, дающей куда большую защиту, чем человеческая кожа. Поэтому я особенно не волновался за свое благополучие, чего бы там ни вылетело из дула духового ружья. Однако, пришло мне в голову, того же нельзя сказать о Нунцио, а ведь я еще не решил, стоит ли душевный покой моего домашнего любимца и его товарищей таких хлопот.

Вырвав голову из рук Нунцио, я быстро прицелился и выпустил вспышку пламени шестой степени. О да. В распоряжении у драконов есть разные степени пламени от «слегка поджарь» до «сделай дырку в камне». Помните об этом, когда вздумаете спорить с драконом.

Через несколько секунд после угасания моей пиротехники на нас посыпался короткий дождь из черного порошка.

– Черт побери, Глип! – выругался Нунцио, стряхивая с одежды порошок. – Не делай больше этого, слышишь? Ты мог бы натворить кучу бед... и посмотри на мою одежду! Нехороший дракон!

Я достаточно долго пробыл с людьми, чтобы рассчитывать на благодарность, но все же обидно было слышать, как меня бранит тот, кого я только что спас. Со всем достоинством, какое я мог собрать, а значит немалым, я отвернулся и сел к нему спиной.

– ГЛИП! ВСТАНЬ, ПАРЕНЬ! ХОРОШИЙ ДРАКОН! ХОРОШИЙ!

Вот так-то лучше. Я снова повернулся к нему и увидел его скачущим на одной ноге и державшимся за другую. Не испытывая дефицита интеллекта, я сумел сообразить, что пере-

усердствовал с демонстрацией своей обиды, сев на его нижние конечности. Заверяю вас, сделал я это ненамеренно, просто человеческие ступни довольно малы, а мое превосходное чувство осязания не простирается на мою заднюю часть, но задним числом (каламбур ненамеренный) мне пришло в голову, что это пошло ему на пользу.

– Слушай, ты просто сиди там, а я буду сидеть здесь, и мы отлично поладим. Идет?

Он прохромал к одному из ящиков и сел, попеременно потирая ступню и стряхивая с одежды порошок.

Порошок этот был, конечно же, останками покойного ползуна-злоумышленника. У пламени шестой степени есть тенденция производить на людей именно такой эффект, вот потому-то я им и воспользовался. Должен здесь заметить, что погребальные правила людей всегда вызывали у меня любопытство и даже озадачивали – я, например, не знал, что они допускают стряхивание останков кремированного на пол или удаление их в прачечной. И все же, учитывая, как трудно мне передать Нунцио простое «смотри», я решил даже не пытаться объяснить ему, что он в данный момент делает.

Если мое отношение к убийству человека кажется немного циничным, то вспомните, что люди для драконов – вид неполноценный. Вы не вздрагиваете, убивая блоху на вашей собаке или кошке, и вам безразлично, что подумают о вашей жестокости уцелевшие блохи, а я без всяких колебаний устраиваю досаждающего человека, способного расстроить своими действиями моего подопечного. По крайней мере мы, драконы, убивая, ограничиваемся в основном отдельными индивидами в противовес массовому истреблению видов, которое воспринимается людьми как часть их повседневной жизни.

– Знаешь, Глип, – сказал Нунцио, осторожно глядя на меня, – после того как побудешь немного в твоём обществе, даже хвастовство Гвидо покажется ласкающим слух... но не говори ему, что я это сказал.

– Глип?

Это последнее вырвалось невольно. Как вы, возможно, заметили, я несколько стесняюсь своего скромного словаря в одно человеческое слово и стараюсь поменьше на него полагаться. Однако мысль, будто я скажу что бы то ни было Гвидо, поразила меня до предела.

– Ну, не надо так переживать, – нахмурился Нунцио, как всегда, неправильно истолковав мое слово. – Я не хотел тебя обидеть. Просто мне немного больно, вот и все.

Я счел, что он подразумевает свою ногу. Но этот человек разболтался, и вскоре я узнал иное.

– Я просто не знаю, что такое в последнее время творится, Глип. Знаешь, что я имею в виду? По бумагам дела идут как нельзя лучше, да только в последнее время все словно спятили. Сперва босс покупает казино, построенное нами для кого-то другого, потом вдруг с бухты-барахты хочет его продать. Банни и Тананда все время косятся друг на друга, а то вдруг Банни внезапно делается такой тихой и подавленной, а Тананда... Ты знаешь, что она однажды хотела занять у меня денег? Сразу после того, как закончила взыскивать тот должок? Не знаю, что она сделала со своими комиссионными, почему не попросила у босса аванс, да и для чего ей вообще понадобились деньги. Она просто подошла ко мне и спросила: «Не мог бы мне подкинуть немного наличных, Нунцио? Не задавая никаких вопросов?» А когда я попытался предложить свои услуги в качестве поверенного, она сказала: «В таком случае забудь об этом. Я попрошу у кого-нибудь другого!» – и ушла раздраженная. Точно тебе говорю, Глип, что-то там происходит, и я не уверен, что мне это нравится.

Он затронул кое-какие интересные моменты, честно признаюсь, ускользнувшие от моего внимания. Хотя я и любил на досуге поднапрячь свой интеллект, занимаясь дешифровкой сложностей человеческого поведения, но все же в их внутривидовых отношениях оставалось много непонятных мне тонкостей... особенно когда речь шла не о Скиве. Размышляя над словами Нунцио, я вспомнил, что мой домашний любимец в последнее время нечасто со мной

виделся, что уже само по себе было нарушением заведенного порядка. Обычно он выкраивал время навестить меня, поделиться со мной своими проблемами и сомнениями. Я гадал, не проистекают ли все эти странности из описанного Нунцио явления. Это давало пищу для размышлений, и я обещал себе позже тщательно все это обдумать. Но в данный момент моего внимания требовали более срочные проблемы... вроде людей, делающих подкоп.

Как оказалось, Нунцио был столь же не способен к сторожевой службе, как и большинство людей. Заступая на пост, они устраивают настоящий спектакль, демонстрируя свою бдительность и осторожность, но через какие-то несколько часов скорее борются со скукой, чем следят за тем, что им положено охранять. Честно говоря, именно долгожительством драконов можно частично объяснить наше умение лучше справляться со скукой. На фоне нескольких столетий дни и даже недели настолько мельчают, что порой утрачивают всякую ценность. Даже у самых молодых из нас внимания достойны лишь месяцы... если не годы.

Как бы там ни было, Нунцио продолжал трепаться о своей озабоченности нынешним положением дел, явно не замечая звуков скрежета и копания, подбиравшихся к нам все ближе и ближе. На этот раз дело было не в моем особом слухе, потому как такой шум вполне мог дойти и до человека, хотя, признаться, не так отчетливо. Я же, прислушавшись, мог расслышать разговор копателей.

– Сколько еще?

– Ш-ш-ш! Примерно десять футов.

– Не шикай мне! Нас никто не может услышать.

– Я же слышу! Этот туннель, знаешь ли, не так уж велик.

– Что ты сделаешь со своей долей денег после того, как мы добудем товар?

– Сперва надо добыть его. Вот тогда я и буду беспокоиться о том, что делать со своей долей.

Вот эта-то часть разговора меня и интересовала. А то можно было бы подумать, что они просто прокладывают канализацию, бегут из заключения или занимаются еще чем-нибудь, не имеющим к нам никакого отношения. А так все ясно.

Поднявшись с того места, где сидел, я тихо двинулся туда, где они копали.

– ...Если Дон Брюс не хочет... Эй! Ты куда? Вернись сейчас же!

Я проигнорировал крики Нунцио и снова прислушался. Здесь.

По моим прикидкам, они четырем футам ниже. Мысленно усмехнувшись, я начал подпрыгивать на месте, приземляясь как можно тяжелее.

– Что ты делаешь? Прекрати это! Эй, Глип!

Производимый Нунцио шум не шел ни в какое сравнение с тем, что творилось четырем футам ниже. Когда я упомянул ранее, что слишком тяжел для того, чтобы Нунцио сдвинул меня без посторонней помощи, я не хотел этим сказать, будто он слаб. Просто с драконьим весом приходится считаться, даже когда он мертвый груз, а если он живой и мыслящий, то у вас настоящие проблемы. Я почувствовал, как пол поддается подо мной, и отпрыгнул в сторону, упиваясь доносившимися снизу звуками приглушенных воплей.

– Вот это да. Ну посмотри, что ты наделал! Ты сломал пол!

На благодарность я, естественно, не рассчитывал. Да это меня и не волновало, так как в данную минуту я думал о повреждениях, причиненных мною этим последним налетчиком.

Пол, по крайней мере частично, опустился футом ниже, из чего я заключил, что либо туннель внизу был не очень высок, либо обвалился не весь. В любом случае оттуда больше не доносилось никаких звуков, и, значит, воры либо погибли, либо убрались ни с чем. Устранив очередную угрозу, я снова сосредоточил свои мысли на более важных вещах. Не слушая бесвязный бред Нунцио, я хлопнулся на пол и притворился спящим, углубившись на самом деле в неспешный анализ.

Наверное, Нунцио прав. Возможно, мой любимец реагирует таким образом на то, что он теперь уже не вольный художник, а глава корпорации, подобно тому, как тропические рыбы тяжело переносят внезапное изменение температуры воды в их аквариуме. Я отлично сознавал, что все мы в своей жизни вынуждены считаться не только с физическим окружением... К примеру, на человеческое благополучие часто влияет общественная атмосфера. А если так, то мне, видимо, что-то придется предпринять.

Оставалось только решить, как именно мне произвести необходимую переналадку. Я всегда старался по возможности не сковывать свободу воли своего любимца. То есть мне нравилось создавать ему иллюзию, будто это он сам, без всякого моего вмешательства, выбирает свой путь и путь своих товарищей. Иной раз я отходил от этой позиции, как в случае, когда они привели в наш дом ту ужасную тварь Клади, но по большей части придерживался именно ее. А значит, если я и в самом деле решу, что настало время отсеять или устранить кого-либо или даже всех нынешних товарищей Скива для его же блага, то мне придется это сделать незаметно. Это не только сохранит иллюзию моего невмешательства в его жизнь, но и убережет его от чувства страха, которое обязательно появится, если он поймет, что я ответствен за ликвидацию одного или нескольких его друзей. Да, тут есть о чем поразмышлять.

– На, парень. Угощайся!

Это сказал неряшливый на вид девол, протягивая мне на ладони кусок какой-то непонятной субстанции.

Виновато вздрогнув, я сообразил, что слишком увлекся, чересчур глубоко погружившись в размышления, и потерял ориентировку. Это было с моей стороны непростительной ошибкой. Игнорируя предложенное угощение, я поднял голову и отчаянно огляделся, заново оценивая ситуацию.

Их было трое: тот, что теперь обращался ко мне, и двое других, говоривших с Нунцио.

– Не знаю, – отвечал мой подопечный. – Я не получал никаких инструкций о ком-то, забирающем груз в такую рань.

Что-то определенно неладно. Судя по словам и манере Нунцио, даже у него возникли подозрения... и значит, замысел этой троицы, похоже, весьма прозрачен.

– Брось, парень, возьми угощенье.

Стоящий передо мной девол явно начинал нервничать, но я продолжал игнорировать и его, и его подношение. Отравленное, конечно. Люди почему-то полагают, будто все, как и они, тоже не способны различать весь диапазон запахов химических веществ. Этот девол не представлял для меня проблемы. Меня больше заботило, потребуется ли Нунцио помощь или нет.

– Я не виноват, если у вас возникла путаница с документами, – зарычал на Нунцио девол ростом поменьше, неплохо имитируя нетерпение. – У меня график. Смотрите. Вот копия моего разрешения.

Когда Нунцио нагнулся посмотреть протянутую деволом бумагу, девол, стоящий позади него, извлек дубинку и с размаху ударил ею его по голове. Раздался громкий треск... Но от сломавшейся дубинки, а не от головы Нунцио. Эта последняя, отметил я, просто дубовая.

– Сожалею, но не могу позволить вам забрать груз. – Нунцио отдал бумагу невысокому деволу, который принял ее, не меняя выражения лица. – Это ваше разрешение – всего лишь чистый лист бумаги.

Девол оглянулся через плечо на более рослого, стоявшего уставясь на сломанную дубинку.

– Сейчас я тобой займусь, парень. Как только разберемся с этим разрешением.

Я подумал, что Нунцио сумеет со всем справиться на свой собственный оригинальный лад, и вернул свое внимание к деволу с отравленным угощением.

Тот глядел на говорящих, разинув рот от изумления. Я, однако, заметил, что он так и не удосужился убрать руку.

Некоторые думают, будто у драконов нет чувства юмора. В доказательство обратного я предлагаю вам следующий эпизод.

Слегка раздвинув челюсти, я вытянул шею и взял угощение в рот. На самом-то деле я взял в рот его руку... до самого плеча. Это не так опасно, как кажется. Просто я не собирался ничего заглатывать и, собственно, ничем не рисковал.

Услышав, как щелкнули мои челюсти, девол обернулся, и мы взглянули друг другу в глаза с куда более близкого расстояния, чем ему бы хотелось. Для пущего эффекта я помахал ему бровями. Брови произвели нужное впечатление – глаза его закатились, и он плюхнулся на пол в глубоком обмороке.

Забавно, а? Это что касается чувства юмора.

Расслабив челюсти, я убрал голову, оставив угощение и руку целыми, и снова проверил, как дела у Нунцио.

Рослый девол вытянулся на полу без сознания, в то время как мой подопечный держал другого одной рукой за лацканы и что-то внушал ему, лениво отведывая оплеухи то ладонью, то тыльной ее стороной.

– Мне следовало бы сдать вас властям! Подобный неуклюжий налет не делает чести нашей профессии. Понятно, что я имею в виду? Ты меня слушаешь? А теперь забирай своих дружков и катись отсюда, пока я не передумал! И не возвращайся, пока не найдешь приличной подмоги!

Мне пришлось признать, что у Нунцио все же есть определенный стиль, и даже неплохой... для человека. Если бы ему повезло родиться с мозгами, он мог бы сойти за дракона.

Пока он выставлял за дверь последнего нападающего, я решил произвести небольшое расследование. После трех попыток освободить нас от груза, хотя Нунцио знал только об одной из них, у меня начали появляться легкие подозрения. Даже для заядлых уголовников, какие нередки среди людей, подряд три попытки налета – дело необычное, и я хотел побольше узнать о том, что же мы охраняем.

Ящики по-прежнему пахли бумагой и чернилами, но это вряд ли могло привлечь чье-то внимание. Я как можно небрежней хлопнул хвостом по одному из ящиков и продолбил его. Очевидно, удар оказался неслабый, так как на звук ко мне мигом прибежал Нунцио.

– А теперь-то что ты делаешь? Посмотри! Ты поломал... Эй! Минуточку!

Он нагнулся за одним из вывалившихся из ящика предметов и внимательно его изучил. Я выгнул шею, чтобы глянуть ему через плечо.

– Ты знаешь, что это такое, Глип?

Вообще-то я не знал. Судя по тому, что я видел, это была всего-навсего какая-то книжка с картинками... да притом скверно сделанная. Как бы там ни было, она наверняка представляла какую-то ценность. Хотя, на мой взгляд, и не оправдывала того внимания, какое ей уделяли.

Нунцио бросил книжку обратно на пол и нервно огляделся кругом.

– Это не для моего ума, – пробормотал он. – Я не могу... Глип, ты не спускай глаз с этого товара. Я тотчас же вернусь. Мне надо найти босса... и Гвидо! Да. Он в этом добре разбирается.

Сбитый с толку, я смотрел, как он уходит, а затем снова изучил взглядом книжку.

Очень странно. В этой ситуации имелось что-то ускользавшее от моей проницательности.

Я несколько раз потер нос в тщетном усилии очистить его от запаха чернил, а затем сел ждать прибытия моего любимца.

– Комиксы?

Скив был так же сбит с толку, как и я.

– Охраняемый нами «ценный груз» – комиксы?

– Именно так я и подумал, босс, – сказал Нунцио. – Бред какой-то. А ты что думаешь, Гвидо?

Гвидо возился с другим ящиком. Он проглядел книги наверху, затем выкопал несколько штук со дна, убеждаясь, что все они одинаковые. Внимательно изучив две из них, он тихо присвистнул.

– Вам известна их стоимость, босс?

Скив пожал плечами:

– Не знаю, сколько их здесь, но на Базаре за серебряную монету таких можно прикупить штуки три-четыре, так что дорого стоять они не могут.

– Погодите, босс, – сказал Гвидо, – но я говорю не о каких-то заурядных комиксах. Эти, по-моему, – темная лошадка совсем из другой конюшни.

– Да? – нахмурился мой любимец. – Я думал... неужели? На мой взгляд, они самые обыкновенные. Что в них такого особенного?

– Это нелегко объяснить, но если вы наберетесь терпения, я попытаюсь пополнить ваше образование, босс. И твое тоже, Нунцио.

Гвидо сгреб стопку книжек и сел на один из ящиков.

– Если вы внимательно рассмотрите эти книги, то заметите, что они не только одинаковы, то есть одного выпуска, но и у всех в рамочке на обложке стоит номер «один». Это указывает, что перед нами первый выпуск этой конкретной серии.

Я воздержался от разглядывания обложек. Если Гвидо говорил, что там стоял такой указатель, то он, вероятно, там и стоял, смотри не смотри.

– Эта единица сразу же делает комикс более ценным и для того, кто пытается приобрести их полную серию, и особенно для коллекционера. Так вот, определенные серии популярней, чем другие, и, стало быть, дороже, но особенно ценны те серии, которые на самом деле приобрели популярность уже после своего первого выпуска. После же возросло и число читателей серии. И в результате рынок взвинчивает цену экземпляра первого выпуска до небес.

Он сделал драматический жест одной из книжек.

– Эта серия впервые появилась несколько лет назад, и теперь ее ищут усерднее, чем парня, свистнувшего королевские бриллианты. И еще одно очень важное обстоятельство. Тираж первого выпуска был очень мал, и, значит, экземпляр его стал исключительно ценным... вот именно – исключительно. Я собственными глазами видел потрепанный экземпляр комикса, что сейчас в ваших руках, на столе торговца с ценой в сто пятьдесят золотых. Заметьте, я не говорю, будто он получил их, но он столько запрашивал.

Теперь настала очередь Скива присвистнуть. Я мог бы и сам поддаться такому искушению, но с раздвоенным языком свистеть трудно.

– Если это правда, то такой груз стоит целое состояние. Книг здесь достаточно.

– Вот это-то и в самом деле озадачивает, босс, – сказал, глядя на ящики, Гвидо. – Если меня не подводит память, то тираж этой книги насчитывал всего две тысячи экземпляров... но если все эти ящики заполнены одним и тем же товаром, то количество экземпляров куда больше. Я не понимаю, как такое могло случиться, но, похоже, любое объяснение не свидетельствует в пользу владельца.

– Подделки! – пискнул Нунцио. – Этот парень – жулик!

– Жу... Не важно! – отмахнулся Скив. – Какой прок от поддельных комиксов?

– Такой же, как и от любой другой подделки, – пожал плечами Гвидо. – Ты сплавляешь их как оригиналы и смываешься с деньгами, пока никто не догадался. В некоторых отношениях повернуть такое дельце с ними лучше, чем с фальшивыми деньгами, поскольку изготовить дубликаты комиксов не так трудно. Да и бумага подешевле.

Мой любимец осмотрел груз.

– Значит, мы сделались невольными соучастниками операции по подделке комиксов, да?

– И даже не получим своей доли, – прорычал Нунцио.

– Я-то думал не об этом, – покачал головой Скив. – Я думал о тех коллекционерах, которые наскребут деньги для приобретения коллекционного товара, а вскоре увидят, как цена на него стремительно скатится вниз, потому что рынок наводнен подделками.

Он задумчиво потер нижнюю губу.

– Интересно, на какую сумму мой сотрапезник застраховал этот груз?

– Вероятно, не на большую, если вообще застраховал, – высказал свое мнение Гвидо. – Для страхования надо заполнять всякие документы, декларирующие содержимое ценного груза, а опытный страховой агент при оценке, разумеется, увидит несоответствие между числом экземпляров в грузе и первоначальным тиражом. Видите ли, босс, трудности со сбытом подделок в том и состоят, что для прикрытия аферы требуются новые махинации, и в конце концов кто-то обязательно уловит, в чем дело.

К тому времени, когда Гвидо закончил свою речь, Скив даже не слушал его. Он почесывал у меня между ушами и странно улыбался.

– Ну, полагаю, никто не выигрывает все время.

– Что-что, босс?

Мой любимец повернулся лицом к ним.

– Я сказал, что на этот раз корпорация М.И.Ф. упустила мяч. Извини, Нунцио, но это дело войдет в анналы как плохо выполненное задание. Я могу только заверить тебя, что это никак не отразится на твоей дальнейшей работе.

– Чего-то не пойму, – нахмурился Нунцио. – Что вышло не так?

– Как что? Конечно же, пожар. Ну, знаешь, пожар, уничтоживший весь груз из-за нашей невнимательности и небрежности. Ужасная халатность с нашей стороны, не правда ли?

– Пожар? Какой пожар?

Скив шагнул в сторону и кивнул мне, махнув одной рукой в сторону ящиков.

– Глип? По-моему, это по твоей части?

Я немного колебался между четвертой и шестой степенью пламени, а потом чертыхнулся про себя и полыхнул девятой. Признаюсь, вышло немного ярковато, но когда смотрят Гвидо и Нунцио, не говоря уж о моем любимце, нет смысла беречь огневую мощь.

Она произвела на них впечатление, что неудивительно, поскольку девятая степень крайне эффективна. Не требовалось даже гасить что-то догорающее, поскольку к тому времени, когда я отключил свой огнемет, гореть уже было нечему.

Несколько мгновений мы все стояли, уставясь в обугленное пятно на полу склада.

– Здорово! – выдохнул наконец Гвидо.

– Можешь сказать это еще раз за меня, – кивнул Нунцио, обнимая меня рукой за шею. – Хороший дракон, Глип. Хороший дракон.

– Итак, господа, – потер руки Скив, – теперь, когда с этим покончено, полагаю, мы можем направиться... Что это?

Он показал на просевший участок пола, в первый раз его заметив.

– Это? – пискнул Нунцио. – Понятия не имею, босс. Все так и было, когда мы пришли.

Я не стал с ним перемигиваться, так как уже погрузился в глубокие размышления по поводу влияния Гвидо и Нунцио на моего любимца. Пожалуй, не стоит его считать таким уж отрицательным. Но время покажет.

Глава шестая

Не все в жизни смешно.

Р. Л. Асприн

Команда, кажется, пребывала в отличном настроении, когда все собрались в моем кабинете на ежемесячное заседание правления. Как полагается, обменялись в равной мере поздравлениями и колкостями и начали готовиться к тому, что обещало быть марафонской дистанцией.

Меня радовало их хорошее настроение. Это могло немного облегчить мне оглашение того, что я должен был сказать. Я еще не отошел от только что полученных нескольких ударов и теперь намеревался отпасовать их в направлении компаньонов.

Сам я смотрел на предстоящее совещание со смесью страха и нетерпения. Нетерпение наконец возобладало, и я открыл заседание.

– Я знаю, вы все приготовились обсуждать продажу «Веселого дома», – начал я, оглядывая развалившихся в креслах членов команды, – но произошло нечто, на мой взгляд, отодвигающее этот вопрос на второй план. Если никто не возражает, я временно отложу обсуждение продажи казино в пользу нового дела.

Это вызвало легкое шевеление, обмен недоуменными взглядами и пожатия плечами. Не желая отвлекаться на град вопросов и комментариев, я поспешил продолжить:

– Есть одно задание... нет, я не могу так его назвать. Там нет никакой оплаты и никакого клиента. Просто это нечто такое, чем, по-моему, следует заняться корпорации М.И.Ф. Я не чувствую себя вправе приказывать кому-либо в этом участвовать... и даже не вижу возможности поставить это на голосование. Речь может идти о добровольцах.

Тананда подняла руку. Я кивнул ей.

– Мы услышим, в чем, собственно, дело? Или нам нужно записываться добровольцами вслепую?

Я было попытался подыскать нужные слова, но тут же бросил эту затею. Молча я толкнул к ней по столу маленькую продолговатую коробочку. Она хмуро посмотрела на нее, потом на меня – и подняла крышку.

Ей хватило всего одного взгляда внутрь, чтобы разобраться в ситуации. Опустившись в кресло, она сцепилась взглядом со мной, а затем покачала головой и тихо присвистнула.

– Слушай, это задание для одного или нескольких участников? – ворчливо спросил с противоположной стороны кабинета Корреш.

В ответ Тананда подняла коробочку, наклонив ее так, что все могли видеть содержимое. Внутри находился отрезанный палец, женский палец. На нем красовалось безвкусно-крикливое кольцо.

Последовало долгое молчание, пока собравшиеся смотрели на это официальное послание. Затем Маша прочистила горло.

– И почему такое? – насмешливо спросила она, но, судя по ее тону, не ожидала от кого-нибудь смеха.

Никто и не засмеялся.

– Чего-то я не пойму, босс? – нахмурился Гвидо. – Это, что ли, шутка?

– Вы с Нунцио не присутствовали на грандиозном финале, Гвидо, – сказал я. – Помнишь королеву Цикуту? Там, в моем родном измерении Пент?

– Разумеется, – кивнул он. – Неплохая была деваха... хотя и гадина.

– Ну, это зависит от того, в фаворе ты у нее или нет, – скривила рот Тананда, бросая коробочку обратно на стол.

Я проигнорировал ее реплику:

– Банни, тебя там не было, так что...

– Я кое-что узнала об этом из разговора с Коррешем, – возразила она.

– Королева Цикута хотела после свадьбы с Родриком провернуть один любопытный план: соединить военную силу Поссилтума с богатством ее собственного королевства Тупик и осуществить давнюю свою мечту о завоевании мира. Правда, она собиралась убить Родрика, если он будет против этой идеи.

Я взял коробочку и повернул ее в руках.

– Я думал, что остановил ее, навсегда связав с Родриком неснимающимися обручальными кольцами. Лежащее здесь в коробочке кольцо – ее... чтобы от него избавиться, ей пришлось отрубить себе палец. Этого я не предвидел.

– Я подозреваю, что она любила свою мечту больше, чем палец, – поморщился Корреш.

– Похоже, так, – кивнул я. – Теперь она на свободе с армией, предоставленной ей нами еще тогда, когда я был придворным магом Поссилтума. Я не самый выдающийся военный аналитик из всех здесь присутствующих, но, по-моему, ничто на Пенте не сможет остановить ее... если в игре не примет участия корпорация М.И.Ф.

– Не могу понять, – сказал Корреш, – зачем она уведомила нас обо всем этом официальным посланием. Зачем ей лишние проблемы?

– Неужели ты не понимаешь, что это вызов, братец? – вздохнула Тананда. – Перчатки вышли из моды, потому она швыряет нам палец.

– Вы все, кажется, придерживаетесь более высокого мнения о королеве, чем я, – вступила в разговор Маша. – Для меня это больше похоже на приглашение в западню. Насколько я помню, когда мы разбежались, старушка Цикута была не слишком к нам милостива. Не исключено, что ее план, возможно, уже выполнен... В таком случае мы станем гвоздем развлекательной программы на праздновании победы.

Мне это не пришло в голову. В последнее время я что-то часто упускаю из виду важные вещи.

– Может, ты и права, Маша, – согласился я. – Даже при самых благоприятных обстоятельствах я не уверен в успехе. Поэтому и ставлю этот вопрос на обсуждение. Это мое родное измерение, и я сам заварил эту кашу, так что мое суждение будет пристрастным. Во многих отношениях это личная проблема. Я не имею права надеяться, что другие...

– Ты заговоришь всех до смерти, шеф, – перебила меня Маша. – Ты наш вождь и предводитель, к добру или к лиху. Просто давай действуй, а мы от тебя не отстанем.

Я покачал головой и успокаивающе поднял руку.

– Дело обстоит не так просто. Прежде всего я не хочу связывать участников этой операции групповым обязательством, где несогласный либо подлежит исключению, либо обязан будет подчиниться группе. Вот потому я и призываю только добровольцев... не стану осуждать тех, кто не запишется. Во-вторых...

Тут подошла трудная часть. Набрав побольше воздуха, я нырнул в нее как в омут.

– Во-вторых, я сам в этом участвовать не буду. Случилось еще нечто такое, что отодвигает на второй план и королеву Цикуту. Так вот, не будь это так важно для меня...

– Тпру. Не так быстро! – воскликнула Тананда. – Я хочу услышать, каким еще горячим делом ты займешься на стороне. Что для тебя важнее защиты родного измерения?

Я избегал встречаться с ней взглядом.

– Это не работа и не задание. Это... это личное дело. Нечто такое, чего я не могу никому передоверить. Я должен справиться с этим сам.

– Но нам все же скажи, – заявила она, скрестив руки на груди. – Мы же свои. Даже не будь особой причины, разве тебе не кажется, что мы имеем право знать, что собирается делать наш босс, пока мы ведем за него войну?

Я с самого начала подозревал, что мне от них не отделаться. И, тяжело вздохнув, сдался.
– Оглянитесь вокруг, – сказал я. – Посмотрите, все ли здесь как всегда?!

Возникла долгая пауза, пока команда прощупывала глазами кабинет.

– Ааз! – догадался наконец Корреш. – Здесь нет Ааза.

– Слушай, а ведь верно, – моргнула Маша. – То-то мне это заседание показалось немного тихим. Где же старина зеленый и чешуйчатый?

– Пропал.

Какую-то секунду все переваривали информацию. Затем в потрясенном молчании установились друг на друга.

– Утром я обнаружил на своем столе записку, – продолжал я. – Это было его письмо с уведомлением об уходе из корпорации М.И.Ф. Он, мол, чувствует себя без своих способностей пустым балластом... просто дармоедом, занимающим чужое место. Упаковал вещички и отправился обратно на Извр.

Я бросил бумагу на стол.

– Вот потому я и не пойду в поход на королеву Цикуту. Я отправляюсь на Извр... за Аазом.

– На Извр?

– Ты, должно быть, шутишь, шеф?

– Но, босс...

– Скив, ты не можешь...

– Слушай, Скив. А что, если он все равно не вернется?

Я уцепился за это последнее замечание. Корреш, как обычно, попал в точку и уловил суть дела.

– Если он не вернется... Тогда я должен по крайней мере поговорить с ним. Мы слишком долго были вместе, чтобы вот так, не сказав друг другу ни слова, расстаться. Я отправляюсь на Извр поговорить с ним с глазу на глаз... и отправляюсь один.

На меня снова посыпался град возражений, но я был непреклонен.

– Когда вы отправитесь в поход на королеву Цикуту... извините... *если* вы отправитесь в поход на королеву Цикуту, вам понадобится вся ваша ударная сила. Очень плохо, что я не смогу там быть. Не дробите эту силу больше, чем она уже раздроблена. Кроме того...

Здесь мой голос немного дрогнул.

– Это моя проблема... *действительно* моя. Я многое обдумал с тех пор, как прочел эту записку, и дело здесь не только в Аазе.

Я медленно обвел глазами собравшихся.

– В последнее время я был увлечен исключительно президентскими обязанностями. Было трудно... Я пытался оправдать вашу веру в меня, сделать наш бизнес процветающим. И как-то само собой получилось, что я стал забывать о чувстве благодарности, перестал говорить вам добрые слова, да и вообще за деловыми контактами забыл о дружбе. Ааз много лет был моим лучшим другом, и если он... Короче, я отправляюсь на поиски не только Ааза, но и самого себя.

Когда моя речь подошла к концу, наступила мертвая тишина. Если я и надеялся услышать какие-то протесты по поводу своего заявления, то явно напрасно. Мне вдруг захотелось поскорее закрыть это совещание.

Я прочистил горло.

– Итак, я ухожу в увольнение для поисков Ааза. Никакого обсуждения не требуется и не допускается. А теперь главное – стоит ли корпорации М.И.Ф. воспрепятствовать намерению королевы Цикуты захватить власть над Пентом. Есть добровольцы?

Корпорация М.И.Ф. МИФонаименования и извержения

Глава первая

*Никто не видел всего.
Марко Поло*

Те из вас, кто следил за моими злоключениями, знают, что меня зовут Скив (иногда Великий Скив) и что я вырос в измерении Пент, которое, как бы снисходительно на него ни смотреть, не является центром культуры и прогресса. И вам, конечно, известно, что я с тех пор, как начал вести хронику своих приключений, немного пошатался по белу свету и повидал уйму измерений, и поэтому теперь на меня не столь легко произвести впечатление, как на того деревенщину, каким я был, когда впервые занялся магическим бизнесом. Но позвольте вас уверить, каким бы искушенным и маститым я себя ни считал, ничто испытанное мной ранее не подготовило меня к зрелищу, представшему передо мной, когда я свалился в измерение Извр.

Местечко это казалось необъятным. Не то чтобы оно простиралось дальше других, где я побывал. То есть, я хочу сказать, горизонт есть горизонт. Верно? Просто оно больше, чем какое-либо другое мне известное, уходило ввысь!

Здесь не было ни ларьков, ни палаток, какими славится Базар-на-Деве. Вместо этого тянулись вверх, почти уходя из зоны видимости, массивные здания. Причем сами-то здания были видны четко. А вот небо, казалось, пропадало! Если не задирать голову вверх, его вообще было не увидеть. И даже разглядев маленькую яркую полоску высоко над головой, трудно было поверить, что это и в самом деле небо. Наверно, все могло бы выглядеть даже эффектно, будь сами здания поприятней на вид. К несчастью, почти все они отличались шиком и изяществом огромного сортира... и примерно такой же степенью чистоты. Никогда бы не поверил, что высоченные здания могут произвести впечатление приземистых, но эти производили. Поразмыслив несколько мгновений, я решил, что все дело в грязи.

Строения выглядели так, будто сажа и копоть нарастали слоями на всех доступных им поверхностях много поколений в течение не одного века. У меня даже сложилось впечатление, что если поднатужиться и смыть со зданий грязь, то они просто рухнут из-за потери опоры. Этот образ показался мне увлекательным, и я несколько мгновений им забавлялся, прежде чем переключить внимание на другую достойную пристального взгляда черту этого измерения – его *людей*.

Разумеется, вопрос о том, попадают ли жители Извра под понятие «люди» или нет, довольно спорный, но я как постоянно проживающий на Базаре взял в привычку называть людьми всех разумных существ, как бы они ни выглядели и как бы ни использовали свой разум. Так или иначе, признавать их за людей или нет, называть их извергами или извращенцами, – несомненно было только их несметное количество!

Повсюду, куда ни глянь, попадались толпы граждан, толкающихся, носящихся туда-сюда и рычащих друг на друга. Я видел толпы на Большой Игре, показавшиеся мне буйными и грубыми, но свирепость изврской многолюдной толчеи не шла с этим ни в какое сравнение.

Комплексное воздействие на мою психику местных зданий и толп создавало у меня смешанное впечатление об этом измерении. Не могу сказать, привлекало оно меня или отталкивало, но в целом я ощущал почти гипнотическую, ужасающую завороченность. Я не мог припомнить ничего похожего из всего увиденного или испытанного мной прежде.

– Похоже на Манхэттен... Только еще больше!

Это Машины слова. Она считается моей ученицей... хотя с виду об этом никак не догадешься. Она и старше меня, и измерений посетила побольше моего. Я хоть никогда и не притизал на всеведение, но все же раздражаюсь, когда моя ученица выказывает больше знаний, чем я.

– Понимаю, что ты имеешь в виду, – чуть поблефовал я. – По крайней мере насколько это представляется отсюда.

Такое утверждение ни к чему не обязывало. Мы стояли в переулке, который резко ограничивал обзор. В основном же это была попытка что-то сказать, не сказав на самом деле ничего.

– Но вроде разница все же есть, шеф? – нахмурилась Маша, вытягивая шею и оглядывая улицу.

Вот и весь блеф. Теперь, когда я признался, что заметил сходство между Извром и Манхэттимом... где бы ни находилось *это* местечко, от меня ожидали замечаний о различиях. Ну, если я и усвоил чего за время своей недолгой карьеры игрока в драконий покер, так это что нельзя отказываться от блефа, погрузившись в него наполовину.

– Минутку, – произнес я, с большим усердием глядя в ту же сторону, что и Маша. – Сейчас найду.

Я рассчитывал попросту на нетерпение моей ученицы. Мне думалось, что она проболтается раньше, чем мне придется признаться в невежестве. Я оказался прав.

– Длинное такое слово... для заклинания личины?

Она прервала изучение улицы, бросив задумчивый взгляд на меня.

– О! Да. Верно.

Житье на Базаре, торгово-коммерческом центре измерений, меня избаловало, приучило не реагировать на необычность облика существ из многочисленных измерений, запросто шаствующих рядом в поисках товара. Но надо бы помнить, что в других измерениях иномирцы не только странные создания, но иной раз и просто нежелательные элементы.

Извр, конечно же, относился к таким измерениям. Пока я глазел, разинув рот на лэндшафт, Маша не преминула заметить, что мы привлекли несколько враждебных взглядов прохожих у входа в переулок. Я приписал это двум обстоятельствам: хорошо известному нраву извергов (отъявленно скверному) и Маше.

Конечно, моя ученица чудесный человек, но внешность у нее почти тянет на красотку из календаря... если только вы купили этот календарь в местном зоопарке. Было бы несправедливо сказать, что Маша выглядела неестественно... она никогда и не *пробовала* выглядеть иначе. Дело тут не только в ее закрученных оранжевых волосах и более чем крупной фигуре. Просто ни одна особа с зеленой помадой и бирюзовым лаком на ногтях, не говоря уже о паре татуировок сомнительного вкуса, не может претендовать на естественность.

Было время, когда я расстраивался из-за того, что люди пялятся на Машу. Она действительно чудесный человек, пусть даже ее вкус по части одежды и косметики бросит в дрожь кого угодно. В конце концов я примирился с этим, когда увидел, что она намеренно привлекает окружающих и одевается соответственно.

Все это объясняет, почему мне не показалось необычным то, что на нас пялятся. К тому же граждане Извра известны своей неприязнью ко всем вообще и иномирцам в особенности, поэтому отсутствие теплоты в направленных на нас взглядах не стоило внимания.

Но Маша имела в виду то, о чем я мог догадаться и без подсказки. Она напомнила, что мы сейчас на Извре, в родном измерении извергов, и будем вынуждены *постоянно* иметь дело именно с ними. Мне следовало бы это понимать, но после долгих лет знакомства с Извром лишь понаслышке до меня не сразу дошло, что я действительно там.

Нас, конечно же, никак не могли принять за своих. У местных зеленая чешуя, желтые глаза и острые зубы, в то время как мы с Машей выглядели... ну, нормальными. Если такое

можно было сказать даже о Маше, то представляете себе, до какой степени впечатляюще выглядит население Извра.

Однако Маша правильно дала мне понять, что если я надеюсь добиться от местных хоть какого-то содействия, то мне придется прибегнуть к чарам личины. Закрыв глаза, я принялся за работу.

Чары личины – одно из самых первых усвоенных мной заклинаний, и я всегда полностью полагался на него... то есть с тех пор, как достаточно его усвоил. Для тех, кого интересует сам процесс, поясню: это своего рода смесь иллюзии и контроля над мыслями. Попросту говоря, если сумеешь убедить самого себя, что ты выглядишь иным, то другие тоже это увидят. Это может показаться сложным, но на самом деле тут все просто, и научиться этому легко. Актеры используют этот прием не один век. Так или иначе, чары эти до смешного легкие. Без малейшей задержки моя личина оказалась на месте, и я стал готов встретиться с Извром в качестве его обитателя.

– Неплохая работа, чародей, – протянула с обманчивой небрежностью Маша. – Но ты проглядел одну мелкую деталь.

На этот раз я точно знал, о чем она говорит, но решил прикинуться дурачком. На случай, если вас интересует, да, это мой обычный фокус... притворяться дурачком, когда знаю, что происходит, и наоборот, умником, когда пребываю в полном неведении.

– Какую именно, Маша? – невинно спросил я.

– А моя-то личина где?

Эта реплика вмещала большой заряд, от угроз до мольбы. На сей раз, однако, я не собирався поддаваться ни на то, ни на другое. Я много думал об этом деле и твердо решил придерживаться своего плана.

– Тебе, Маша, личина не понадобится. Ты здесь не останешься.

– Но, Скив...

– Нет!

– Но...

– Послушай, Маша, – сказал я, глядя ей прямо в лицо. – Я ценю твое желание помочь, но проблема эта моя. Ааз *мой* партнер, не говоря уже о том, что он мне наставник и лучший друг. И что еще важнее, именно моя невнимательность довела его до того, что он сбежал из фирмы. Как ни крути, это моя задача – найти его и вернуть обратно.

Моя ученица глядела на меня, сложив руки и плотно сжав губы.

– Согласна, – сказала она.

– ...Поэтому тебе нет смысла пытаться... что ты сказала?

– Я сказала, согласна, – повторила она. – В том смысле, что вернуть Ааза – твоя задача!

Это захватило меня врасплох. Я почему-то ожидал спора. Теперь-то я понимаю, как все это было не похоже на то, что она действительно смирилась.

– Ну, тогда...

– А моя задача в качестве твоей ученицы – следовать за тобой и поддерживать твои действия. По твоей же собственной логике, шеф, у меня перед тобой такие же обязательства, как и у тебя перед Аазом.

Довод был неплох, и у меня на миг возникло искушение разрешить ей остаться.

– Извини, Маша, – сказал я наконец с искренним сожалением. – Я не могу позволить тебе это сделать.

– Но...

– Потому что ты меня заменишь, когда остальная команда нападет на королеву Цикуту.

Это, как я и рассчитывал, заставило ее умолкнуть, и она, закусив губу, уставилась в пространство, а я продолжал:

– И так плохо, что остальным предстоит вести за меня мою войну, но отсиживаться здесь нам обоим просто невыносимо. Им понадобится вся помощь, какая только возможна. Кроме того, ученица нужна для того, чтобы я мог как бы быть одновременно в двух местах... не так ли?

Я полагал, что на этом дискуссия и закончится, но недооценил Машиной решимости.

– Ладно, тогда иди возглавь битву против Цикуты, а я займусь чешуйчатым чудом.

Я покачал головой:

– Брось, Маша. Ты же знаешь, что не права. Именно мое невнимание и заставило его нас покинуть. Если кто и сможет заставить его вернуться, то только я.

Она пробурчала что-то себе под нос, чего я (наверное, к лучшему) не расслышал, но искреннего смирения в этом не чувствовалось. С меня хватало и одной проблемы, вызванной моей невнимательностью к сотрудникам, потому я считал себя обязанным привести в норму душевный покой моей ученицы.

– Слушай, давай потратим несколько минут и обсудим, что на самом деле тебя беспокоит? – обратился я к ней. – Я предпочел бы не расставаться с тобой на фальшивой ноте.

Маша на миг поджала губы, а затем тяжело вздохнула.

– Мне просто не нравится мысль о том, что ты в одиночку берешься за такое, Скив. Знаю, ты больше меня разбираешься в магии, но это измерение на редкость недружелюбное. Я бы чувствовала себя лучше, будь у тебя поддержка, вот и все... Даже если эта поддержка всего лишь механика вроде меня. В прошлом эти мои игрушки не раз помогали выкрутиться.

Она говорила, конечно же, о своих драгоценностях. Почти вся применяемая Машей магия относилась к фокуснической разновидности... магические кольца, магические кулоны, магические булавы в носу... отсюда и бытующее среди профессионалов прозвище «механик». У нее, однако, хватило такта не подчеркивать чересчур сильно то обстоятельство, что ее игрушки зачастую бывали надежнее и эффективнее, чем моя личная «естественная» форма магии.

– Ты права, Маша, и мне очень хотелось бы видеть тебя рядом... но ты будешь еще нужнее в войне против Цикуты. Но погоди расстраиваться, вспомни лучше, как в прошлом я справлялся с кое-какими весьма тяжелыми ситуациями.

– Они бывали не на Извре, и самое тяжелое доставалось твоему партнеру, – заявила она напрямик. – У тебя даже нет с собой И-Скакуна.

– Я получу его при встрече у Ааза. Если преуспею, мы вернемся вместе. А если нет, то, думаю, он даст мне И-Скакуна и установит его на Пент, просто чтобы от меня избавиться.

– А если ты вообще не сможешь его найти? – Маша многозначительно показала на уличные толпы. – На случай, если ты не заметил, тут не самое легкое место для розыска кого-либо.

Для разнообразия я кивнул:

– Об этом не беспокойся. Я его найду. Для такого дела у меня есть в запасе несколько фокусов. И главный фокус мне понадобится, чтобы заставить его передумать.

– Ладно, но прошу, сделай для меня одну вещь. Ради бедной старушки Маши, твоей ученицы.

Она сняла с левого мизинца кольцо и вручила его мне.

– Надень его, – велела она. – Если не появишься к концу недели, я прибуду тебя искать. Кольцо мне поможет в этом, если ты здесь застрянешь... но ты ведь не собираешься так рисковать?

Кольцо свободно налезло мне на правый большой палец. Будь оно чуть побольше, мне пришлось бы носить его как браслет. Когда я уставился на него, в голове у меня внезапно промелькнуло подозрение.

– А что еще оно делает?

– Прости? – откликнулась Маша с такой невинностью, что я уверился в своих подозрениях.

– Ты меня слышала, *ученица*. Что еще оно делает помимо того, что служит маяком?

– Ну-у-у... оно следит за твоим сердцебиением и предупредит меня, если твое физическое состояние внезапно изменится, скажем, если, например, тебя ранят. Если такое случится, я, может, заскочу чуть пораньше посмотреть, в чем дело.

Я не был уверен, что мне это нравится.

– А что, если мое сердцебиение изменится по нормальным причинам... например, я встречу наедине с прекрасной девушкой?

За это мне пришлось выдержать Машино подмигивание.

– В таком случае, Девятый Вал, мне бы хотелось быть здесь и познакомиться с ней. Не можем же мы допустить, чтобы ты гулял *с кем попало*, не так ли?

И прежде чем я сумел придумать подходящий ответ, она сгребла меня в сокрушительные объятия.

– Побереги себя, Скив, – прошептала она с неожиданным неистовством. – Без тебя все будет не то.

В воздухе раздался тихий хлопок, и она пропала. Я остался один на Извре, самом скверном из всех известных мне измерений.

Глава вторая

Их больше не делают такими, как раньше!
Г. Форд

На самом-то деле беспокоился я вовсе не так сильно, как бы следовало, судя по моему положению. Как я сказал Маше, у меня было кое-что в запасе... вот в этом-то и заключался мой шанс на успех!

Некоторое время назад я принимал участие... точнее, я спровоцировал вытеснение Синдиката с Базара-на-Деве. И с полным на то основанием, поскольку сам в свое время и дал ему доступ на Базар, к тому же Ассоциация Купцов Девы хорошо заплатила мне за избавление их от Синдиката. Конечно, это произошло до того, как Синдикат нанял меня блюсти его интересы на Базаре, а Базар согласился предоставить мне дом и платить процент с прибылей за гарантию невмешательства Синдиката в его дела. Что, одно противоречит другому? Так оно и было... поначалу. К счастью, Ааз показал мне, каким образом совместить эти задания и без зазрения совести брать деньги у обеих сторон... ну, во всяком случае, жить это мне не мешает. Разве удивительно, что я столь высоко ценю его советы? Однако я отвлекся.

В ходе одного из наших первых столкновений с Синдикатом я приобрел небольшой сувенир, о котором почти забыл и вспомнил только тогда, когда готовился к теперешнему поиску Ааза. С виду он не представлял собой ничего особенного, всего лишь пузырек с пробкой, закрепленной восковой печатью, но я почему-то подумал, что именно в нем ключ к моему успеху или поражению.

Я мог бы упомянуть о нем Маше, но, откровенно говоря, мне ни с кем не хотелось делить лавры за удачное проведение этого трудного дела. Самонадеянно усмехаясь, я огляделся кругом, дабы удостовериться, что за мной не наблюдают, а затем сломал печать и вытащил пробку.

Чтобы представить все за этим последующее, попробуйте понять, чего ожидал я. Живя на Базаре, я привык к некоторым броским эффектам... молниям там или огненным шарам... ну, знаете, эти штуки очень впечатляют. Конкуренция на рынке жесткая, и эффекты окупаются. Так или иначе, я подобрался, приготовившись к чему угодно, только не к тому, что произошло на самом деле. Ожидал-то я вздымающегося облака дыма и, возможно, удара грома или гонга для особой значительности.

А получил вместо этого тихий хлопок, как при вытаскивании пробки из бутылки с содовой водой, и небольшое облачко испарения, которого бы не хватило даже на приличное колечко дыма. Конец спектакля. Все. *Das ist alles*⁴.

Сказать, что я был немного разочарован, все равно что сказать, будто деволы немного разбираются в торговле. Предельное преуменьшение. Я всерьез размышлял, не выбросить ли мне эту бутылочку или, может, попробовать получить назад деньги с продавшего ее девола, но тут заметил, что в воздухе передо мной что-то плавало.

На самом-то деле правильнее будет сказать, что в воздухе *кто-то* плавал, поскольку там явно парила фигура... или, точнее, полфигуры. Этот кто-то был голым по пояс, а возможно, и ниже. Определить я не мог, потому что ниже пупка изображение таяло, делалось невидимым. Парил он низко, надвинув на лоб феску, так что та скрывала его глаза, и сложив руки на груди. Руки и торс у него выглядели весьма мускулистыми, и он мог бы показаться впечатляющим... если б не был таким маленьким! Я бы предпочел, чтобы он ростом был хотя бы как я, а еще лучше с трехэтажное здание. Но он, даже будь виден весь, не превышал шести – восьми дюймов. Голова и торс тянули только дюйма на три. Незачем и говорить, как я был разочарован.

⁴ Это все (нем.).

И все же, кроме него, у меня ничего не имелось, а если я чему и научился в ходе различных испытаний и приключений, так это пускать в дело все, что имелось в наличии.

– Кальвин? – обратился я к нему, не уверенный, так ли полагается это делать.

– Точно, приятель, так меня и зовут, но это еще ничего не значит, – ответила фигура, сверкнув глазами из-под фески.

Конечно, я понятия не имел, какие между нами должны быть отношения, но то, что не такие, знал наверняка и поэтому попробовал опять.

– М-гм-м... мне надо сказать, что я твой господин и, следовательно, повелитель?

– Да ну?

Фигура вытянула один длинный палец и приподняла им феску, чтобы посмотреть прямо на меня. Глаза у нее светились кроваво-красным.

– Ты знаешь, кто я такой?

Вопрос меня удивил, но я охотно подхватил шутку.

– О, по-моему, ты джинн. Точнее, джинн по имени Кальвин. Девол, у которого я тебя купил, сказал, что ты последняя новинка среди джинов.

Человечек покачал головой:

– Неверно.

– Но...

– Я пьян как сапожник!

Последнее сопровождалось заговорщицким подмигиванием.

– Пьян? – словно эхо повторил я.

Кальвин пожал плечами:

– А чему здесь удивляться? В бутылку-то меня загнали много лет назад. И теперь я настоящий джинн-пьяница.

Не уверен, почему я разинул рот – от удивления или собираясь что-то сказать, но уловил наконец огонек у него в глазах.

– Джинн-пьяница. Мило. Это шутка, верно?

– Абсолютно верно! – засиял обезоруживающей улыбкой джинн. – Запутал тебя на минутку, а?

Я начал было кивать, но он еще тараторил всюду:

– Думаю, мы поладим. Всякий, кто мной владеет, должен обладать чувством юмора. Это можно выяснить сразу же, понимаешь? Слушай, а тебя как зовут?

Он говорил так быстро, что я чуть не упустил возможность вступить в разговор. И упустил бы, если б он не умолк, выжидающе глядя на меня.

– Что? О! Я Скив. Я...

– Скив, да? Странное имя для извращенца.

Я машинально его поправил:

– Надо говорить из-верг. И я не он. То есть я не изверг.

Джинн чуть склонил голову набок и, прищурясь, посмотрел на меня.

– В самом деле? Выглядишь ты точь-в-точь как они. К тому же я никогда не встречал ни одного неизвращ... извиняюсь, неизверга, который стал бы указывать на это различие.

Это было своего рода комплиментом. Во всяком случае, я это воспринял именно так. Всегда приятно знать, как действуют твои чары.

– Это личина, – пояснил я. – Я счел это единственным способом работать на Извре, не подвергаясь наскокам со стороны местных.

– На Извре!

Кальвин, казалось, искренне расстроился.

– О боги, о повелитель, что же мы здесь делаем?

– Все-таки повелитель?

– Разумеется. Ты повелитель, хозяин, а я – слуга. Такова уж традиция у джиннов. Но это не важно. Ты не ответил на мой вопрос. Каким ветром такого умного паренька, как ты, занесло в это захолустное измерение?

– Ты знаешь Извр? Ты бывал здесь раньше? – Впервые с тех пор, как я открыл бутылочку, мои надежды воспарили.

– Нет, но слышал о нем. Большинство знакомых джиннов сторонятся его как чумы.

Вот и все воспарение надежд. Но я хотя бы заставил Кальвина говорить серьезно.

– Ты спрашиваешь, что я здесь делаю? Так вот, я ищу одного моего друга. Он... ну, можно сказать, он сбежал из дому, а я хочу найти его и привести обратно. Беда в том, что он теперь... немного расстроен.

– Немного расстроен? – скривился джинн. – Похоже, он самоубийца. Никто в здравом уме не сунется по доброй воле на Извр... о присутствующих, конечно, не говорят. У тебя есть какое-то представление о том, почему он направился в эти края?

Я беззаботно пожал плечами:

– Понять это не так уж трудно. Он – изверг и поэтому, естественно, когда дела пошли наперекося, направился...

– Изверг?

Кальвин смотрел на меня так, словно у меня выросла вторая голова.

– Один из этих громил твой друг? И ты это признаешь? И когда он уходит, пытаешься его вернуть?

Не знаю, как насчет других граждан Извра, но про Ааза я знал, что он не громила. Это факт, а не мои фантазии. Я понимаю разницу, потому что у меня работают двое громил, Гвидо и Нунцио. И уже собирался указать ему на это, но вдруг подумал, что мне вовсе не требуется давать Кальвину какие-либо объяснения. Я ведь его хозяин, а он – мой слуга.

– Это касается лишь меня и моего друга, – натянуто произнес я. – Твоя забота, как я понимаю, – помогать мне чем можешь.

– Верно, – кивнул джинн, ничуть не обижаясь на мою резкость. – Таков порядок. И какая же работенка ждет твоего джинна?

– Достаточно простая. Я бы хотел, чтобы ты отвел меня к моему другу.

– Неплохо. А я бы предпочел пони и красный фургон.

Джинн сказал это так запросто, что лишь секунду спустя до меня дошел смысл сказанного.

– Прости?

Кальвин пожал плечами:

– Я сказал насчет пони и красного фургона.

– Знаю. Я слышал, – перебил я его. – Просто мне непонятно. Ты хочешь сказать, что не будешь мне помогать?

– Не то что не буду... не могу. Во-первых, ты так и не удосужился сообщить мне, кто твой друг.

– О, это просто. Его зовут Ааз, и он...

– ...А во-вторых, это не в моих силах. Сожалею.

Это остановило меня. Я никогда не задумывался о пределах могущества джинна.

– Разве? Но когда я тебя вызвал, то думал, ты обязан помочь мне.

– Чем могу, – закончил за меня Кальвин. – К несчастью для тебя, это охватывает не такую уж большую область. Сколько ты заплатил за меня?

– Серебряную монету... но это было довольно давно.

– Одну серебряную монету? Неплохо. Должно быть, ты здорово торгуешься, раз заставил девола расстаться с зарегистрированным джинном за такую цену.

Я склонил голову, благодаря за комплимент, но все же решил здесь кое-что уточнить.

– Он в то время был в состоянии шока. Остальной его товар весь побили.

– Особенно-то не гордись, – продолжал джинн. – Ты все равно платил. Я бы и гроша ломаного не дал за услуги вроде моих.

Дело выглядело все менее обнадеживающим. Мое легкое разрешение проблемы таяло быстрее, чем снежок на Деве.

– Что-то я не пойму, – сказал я. – Я всегда считал джиннов большими мастаками по части магии.

Кальвин печально покачал головой.

– Это в основном торговая реклама, – с сожалением признался он. – О, некоторые из тех, кто покруче, могут горы своротить... буквально. Но такие джинны редкость, и обычно бывает дешевле сделать то же самое без всякой магии. Мелкая сошка вроде меня доступнее, но мы многого и не можем.

– Извини, Кальвин. Все это не имеет ни малейшего смысла. Если джинны и в самом деле менее способны, чем, скажем, средний маг, работающий по найму, то зачем их вообще кто-то покупает?

Джинн сделал величественный жест.

– Из-за ореола таинственности... Ты знаешь что-нибудь про Джиннджер?

– Про имбирь⁵? В смысле имбирный лимонад?

– Нет, Джинн-джер... через Д... То есть измерение, откуда происходят все джинны.

– Думаю, нет.

– В стародавние времена, как гласит предание, Джиннджер пережил внезапное катастрофическое падение денежных знаков.

Это показалось немного знакомым.

– Экономический коллапс? Как на Деве?

Джинн покачал головой.

– Хищение, – уточнил он. – Исчезло все казначейство измерения, а когда мы нашли наконец кого-то разбирающегося в отчетности, то оказалось, что бесследно исчезла и большая часть казны.

Что тут началось! Шум, гам! Было сделано несколько попыток выследить преступников, но главная проблема упиралась в деньги. Выпуск новых просто бы обесценил оставшиеся у нас средства. Нам требовалось быстрое финансовое вливание извне, из других измерений.

Вот тогда какой-то гений маркетинга и наткнулся на идею «джинн в бутылке». На службу завербовали почти всех жителей измерения, обладавших малейшим умением или потенциальными способностями в области магии. Не обошлось без сопротивления, но вербовщики уверяли, что контракты временные, и поэтому план вступил в действие. Ссылка на ограничение контракта стала гвоздем рекламной кампании... упомянутый мной ореол таинственности всего лишь сказка для немногих. Вот почему от всех джиннов можно требовать исполнения, например, только трех желаний или чего-то в этом роде, впрочем, некоторые из нас, особенно творческие личности, способны на большее.

Мне вдруг пришла в голову мысль.

– М-гм, Кальвин? А сколько желаний исполнишь мне ты? Я же сказал, девол был немного ошарашен и ничего не сказал мне об ограниченном контракте.

– Желаний *или* услуг? – подмигнул джинн. – Неудивительно. Ошарашены или нет, деволы все равно знают, как продавать. На свой лад они просто бесподобны.

– Сколько?

– Чего? А. Боюсь, мой контракт, Скив, предусматривает только одно желание. Но не беспокойся, я буду играть честно. Без всяких там хитростей и словесных ловушек. Если ты

⁵ Англ. «ginger» (имбирь) звучит похоже на «Djinger» (Джиннджер).

получаешь за свои деньги только одно, то будет справедливым, чтобы уж с этим-то одним все обстояло честно по чести.

– Так, – сказал я. – И что же ты *можешь* для меня сделать?

– В общем-то немного. Лучше всего мне даются скверные шутки.

– Скверные шутки?

– Ну, знаешь вроде какого-нибудь дурацкого коктейля.

– Я, по-моему...

– Подлей джина в кислоту. Как только...

– Теперь понял. И это все? Значит, говоришь, скверные шутки?

– Ну, я еще даю очень неплохие советы.

– Вот и хорошо. Думаю, такие мне понадобятся.

– Первый мой совет тебе – забыть обо всем и отправляться домой, пока не поздно.

Такая мысль на мгновение показалась мне заманчивой, но я ее отбросил.

– Ни за что, – твердо сказал я. – Давай вернемся к моей первоначальной просьбе. Ты можешь мне посоветовать, как найти Ааза?

– У меня есть несколько идей на этот счет, – признался джинн.

– Хорошо.

– Ты пробовал заглянуть в телефонный справочник?

К этому времени подозрение переросло в полную уверенность. Мой скрытый, как я полагал, туз оказался двойкой... нет, джокером. Расчет на Кальвина, к великому моему сожалению, не оправдался.

До этой минуты я не сомневался, что найду Ааза, и беспокоился лишь о том, что мне ему сказать, когда мы окажемся лицом к лицу. И теперь, глядя на улицы и небоскребы Извра, я с болью в душе осознал, что даже *найти* Ааза будет трудней, чем я думал... намного трудней.

Глава третья

*Тут даже побывать неприятно!
Фодоровский путеводитель по Извру*

Даже меня, привыкшего к безумной сутолоке Базара-на-Деве, потрясли улицы Извра, так как те представляли собой нечто невиданное. Базар устроен в первую очередь для пешеходного движения. Тамошним купцам удалось протолкнуть постановления, благоприятствующие тем видам и скорости передвижения, какие вынудили бы людей обращать внимание на каждую минуемую ими лавку или выставку товаров. Мое родное измерение Пент – местечко весьма отсталое, там вообще редко увидишь средство передвижения более прогрессивное, чем запряженная волами телега.

На Извре же уличные артерии четко делились на движение пешеходов и повозок, и неискушенного парня вроде меня особенно потрясло движение последних. Сотни повозок многих разновидностей толкались и теснили друг друга на всех перекрестках в попытке занять лучшее положение в бессмысленной на вид путанице улиц, по которым несся этот поток. Почти столь же невероятным, как разнообразие повозок, был и набор зверей, обеспечивавших их движущей силой, толкавших или тянувших свое бремя, объединяя свои голоса в общую какофонию, заглушающую все другие звуки. Конечно, они тоже вносили свой вклад в грязь и вонь на улицах. Может, Извр и дорог миллионам родившихся в нем существ, но его аромат и очарование были очарованием и ароматом болота.

Однако пока наибольшую озабоченность вызывало у меня уличное движение. Пешеходная прогулка по улице Извра походила на попытку плыть вверх по реке сквозь затор сплавляемого леса.

Мне постоянно приходилось уклоняться и огибать граждан, которые перли напролом, не обращая на меня никакого внимания, словно я был не я, а пустое место. Разумеется, они не нарочно пытались в меня врезаться. Дело в том, что никто, кроме меня, казалось, не смотрел, куда идет. Им даже редко доводилось встречаться взглядами.

– Этот твой друг должен кое-что значить для тебя, раз ты готов терпеть такое, – сухо заметил Кальвин.

Он парил поблизости от моего плеча, так что я без труда слышал его сквозь уличный гомон. Меня тревожило, как я выгляжу с джином на буксире, но, видимо, пока джинны слухат, их может видеть и слышать только владелец. Мне пришло в голову, что свойство это магическое и, следовательно, противоречит болтовне Кальвина о том, какой он бессильный. Он заверил меня, что все это пустяки, просто часть рабочего оснащения джинна, которое мне не поможет. До конца я ему не поверил. У меня возникло подозрение, что он не все мне говорит о своих возможностях, но не мог придумать, как выжать из него дополнительные сведения. И потому великодушно оставил пока это без внимания.

– Он мне больше, чем друг, – ответил я, не сознавая, что пускаюсь в объяснения, которых ранее решил избегать. – Он был моим учителем, а потом деловым партнером. Я перед ним в большем долгу, чем перед кем бы то ни было в моей жизни.

– ...Но не настолько, чтобы уважать его желания, – беззаботно добавил джинн.

Это заставило меня резко остановиться, игнорируя тычки и толчки других пешеходов.

– Что бы это значило?

– Это ведь правда, не так ли? Твой Ааз хочет, чтобы его оставили в покое, иначе он не ушел бы от тебя, но ты твердо решил приволочь его обратно. На мой взгляд, это мало похоже на то, что тебя действительно сильно волнует важное для *него*.

Попадание почти в точку. Насколько я мог судить, Ааз отбыл потому, что я был невнимателен в обращении с ним. И теперь я не намерен был отступать. Мне хотелось как минимум поговорить с ним откровенно, прежде чем позволить ему исчезнуть из моей жизни.

– Он был тогда немного расстроен, раздражен, – пробормотал я, уклоняясь от комментариев своих мотивов. – Я просто дам ему знать – если он захочет вернуться, его примут с радостью.

С этими словами я возобновил продвижение по улице. Однако вскоре заметил, что джинн мой печально улыбается.

– А теперь что?

– Сбив, ты действительно нечто, тебе это известно? – покачал головой Кальвин. – Извращенцев... то есть извергов, конечно, по всем измерениям боятся из-за их ужасного, буйного нрава. Но ты говоришь о нем как об обиженном и готов появиться на самом Извре, лишь бы доказать свое. Ты либо очень хороший человек, либо представитель вида, которому грозит исчезновение.

Мне пришло в голову, что я использую джинна не так усиленно, как мог бы. Он ведь *сказал*, что умеет давать хорошие советы, разве нет?

– Не знаю, Кальвин. У меня никогда с ним не было больших неприятностей. Ааз даже рассказывал мне про то, что изверги сами фабрикуют и распространяют о себе множество дурных слухов с целью отпугнуть нежеланных гостей.

– Да ну?

Джинна это, похоже, не убедило.

– Ну, давай посмотрим. Ты не мог бы поделиться со мной кое-чем из слышанного об этом измерении?

Кальвин пожал плечами:

– Пожалуйста. Помнится, я слышал, как один из сограждан твоего приятеля схватил за голову какого-то парня и разорвал ему глотку... буквально.

Я увернулся от несущейся на меня грузной пары.

– Угу. Такой слух дошел и до меня, но разорвал глотку тролль, а не изверг. Да и этого-то никто не видел. Но меня сейчас интересуют сведения об измерении, а не рассказы о подвигах отдельных лиц.

На мгновение мне показалось, что я потерял Кальвина, когда распластался у стены, избегая столкновения с мускулистым индивидом, а джинна рядом со мной не заметил. Но когда я отошел от стены, он вернулся на свое, теперь уже привычное место.

– Так чего ты там хотел услышать? – произнес он так, словно наш разговор не прерывался. – Ну да, о самом Извре. Дай-ка подумать. Сведений имеется не так много, но кое-что есть... А! Ну вот, к примеру.

Он выудил откуда-то из воздуха толстую книгу и принялся ее листать. Мне так не терпелось услышать, о чем он сообщит, что я пока оставил этот маленький фокус без комментариев, но поклялся, когда представится удобный случай, расспросить Кальвина о его «скромных способностях».

– Давай посмотрим... Изваяние... Известь. Извр! Хочешь послушать статистические данные, или мне сразу пересказывать к интересному?

– Пока дай мне только суть.

– Ладно. Здесь сказано так, цитирую: «Извр: одно из немногих измерений, где магия и технология веками развивались в равной мере. Такая смесь создала уникальные для всех известных измерений культуру и образ жизни. Изверги славятся своей надменностью, поскольку твердо убеждены, что их измерение является самым лучшим во всех отношениях, и решительно отстаивают это везде, где бывают. Несмотря на убедительные доказательства, что другие измерения, специализирующиеся исключительно на магии или технологии, явно

превзошли в этом Извр. К несчастью, изверги сильны и *обладают дурным нравом и жестокостью*, поэтому не многие решаются спорить с ними на эту тему».

Будучи уроженцем Пента, измерения, не блещущего ни магией, ни технологией, я счел эту запись весьма впечатляющей.

Кальвин же нашел ее очень забавной.

– «Несмотря на убедительные доказательства...» Мне это нравится! – усмехнулся он. – Каков хвастун.

Почему-то я счел его замечания слегка обидными.

– Скажи-ка, Кальвин, – обратился я к нему, – а что говорит твоя книга о Джиннджере?

– Какая книга?

Я оторвал глаза от пешеходного движения и взглянул на него. Он невинно отряхивал руки. Книги нигде не было видно.

Я открыл было рот, чтобы пригласить его высказаться об этом маленьком фокусе с исчезновением, но тут что-то врезалось в меня и отшвырнуло к стене с такой силой, что искры посыпались из глаз.

– Куда ты прешь, коротышка?

Последняя фраза исходила от маленького, кругленького индивида, с которым я столкнулся. Он остановился передо мной и стоял, стиснув кулаки и слегка нагнувшись вперед, словно удерживаемый невидимыми спутниками. Особенно мощным он, может, и не был, но выглядел достаточно крепким, чтобы прошибить стену.

– Извините... я сожалею, – промямлил я, слегка тряся головой в старании избавиться от плавающих у меня перед глазами пятен.

– Ну... в следующий раз гляди, – пробурчал он. Крепыш явно не хотел прерывать нашу стычку, но все же круто повернулся и замаршировал по тротуару.

– Не следовало позволять этому толстому зазнайке брать тебя на понт, – назидательно заметил Кальвин. – Будь на высоте.

– А почему ты думаешь, что он брал меня на понт? – поинтересовался я, на сей раз стараясь обогнуть теснившихся посреди дороги извергов. – Между прочим, он достаточно здоровенный, чтобы раздавить меня, как клопа.

– Однако он поднял неплохой вопрос, – продолжал джинн так, словно я ничего не говорил. – Куда все-таки мы идем?

– Вперед по улице.

– Я имею в виду, к какой цели? По-моему, ты сказал, что телефонный справочник ничем не помог.

Несмотря на миллионы жителей, в найденном нами изврском телефонном справочнике оказалось менее дюжины страниц. Очевидно, число невнесенных номеров было в этом измерении *очень* велико – еще одно доказательство общительного характера здешних граждан. Пока я листал справочник, мне пришло в голову, что Ааз так долго пребывал со мной в иных измерениях, что едва ли был бы занесен в справочник, даже если б тот содержал полный список жителей.

– Повторяю, мы идем вперед по улице, – изрек я. – Но куда именно мы идем, я не знаю. Ты это хотел услышать?

– Тогда зачем мы это делаем? – не отставал джинн. – Разве не лучше будет сначала определить план действий, прежде чем начать передвигаться?

Я обогнул медленно идущую пару.

– На ходу мне лучше думается. К тому же, если мы забьемся в переулок для обдумывания плана, это будет подозрительно и привлечет к нам ненужное внимание.

– Эй, вы! Задержитесь на минутку!

Эти последние слова грянули так громко, что на мгновение перекрыли уличный шум. Оглянувшись, я увидел идущего ко мне целеустремленным шагом изверга в мундире, похожего на гигантского бульдога с чешуей.

– Что это? – спросил я сам себя.

– По-моему, это то, что ты назвал «ненужным вниманием»... в некоторых измерениях их величают копами.

– Вижу. Просто не могу понять, что ему от меня надо.

– Что вы сказали? – заинтересовался коп, останавливаясь передо мной.

– Я? Ничего, – ответил я, едва успев вспомнить, что он не мог видеть и слышать Кальвина. – А в чем дело, сержант?

– Возможно, в вас. Посмотрим. Как вас зовут?

– Не говори ему! – прошептал мне на ухо Кальвин.

– Почему? – непроизвольно вырвалось у меня.

– Потому что в мои задачи входит следить за подозрительными личностями, – пробурчал коп, сочтя мой вопрос адресованным ему.

– За мной? Чего это я сделал такого подозрительного?

– Я слежусь за вами уже пару кварталов и наблюдал, как вы все время обходили пешеходов. Я даже видел, как вы перед кем-то извинились и... слушайте, вопросы здесь буду задавать я. Итак, как вас зовут?

– Пошли его подальше! – посоветовал Кальвин. – У него нет ордера или чего-нибудь в этом роде.

– Сбив, сэр, – ответил я, отчаянно пытаюсь игнорировать джинна. Только мне и не хватало сейчас нажить неприятностей с местными властями. – Сожалею, если веду себя странно, но я нездешний и немного дезориентирован.

В последнюю минуту я решил сохранить в тайне свое иноизмеренческое происхождение. Мои чары личины, кажется, одурачили полицейского, и я не видел никакого смысла просвещать его на этот счет по собственной инициативе.

– Ты слишком вежлив! – настойчиво прошептал джинн. – Именно это и вызвало у него подозрение, помнишь?

– Нездешний, да? – прорычал коп. – Так скажите мне, господин Не-Умею-Ходить-Как-Нормальные-Люди-Сбив, откуда вы... *конкретно?*

Вот вам и сохранение в тайне моего происхождения.

– Родился я на Пенте, но в последнее время жил на Деве, где у меня...

– Из другого измерения! Можно было догадаться. Полагаю, раз вы прибыли с Девы, то станете убеждать меня, будто находитесь здесь по делу.

– В некотором роде. Я ищу здесь своего делового партнера.

– Еще одного из другого измерения! Боюсь, нам скоро придется делать здесь дезинфекцию.

Речь копа начала действовать мне на нервы, но я счел благоразумным обуздать свой гнев, несмотря на предупреждение Кальвина.

– Он здешний. То есть изверг.

– Изверг? Теперь я услышал все. Парень из другого измерения утверждает, будто его деловой партнер – изверг!

Это послужило последней каплей.

– Совершенно верно! – рявкнул я. – И что еще важнее, он, между прочим, мой лучший друг. Мы поругались, и я пытаюсь теперь его найти и убедить вернуться на фирму. А вам-то, собственно, что до этого?

Коп немного отступил, а потом, нахмуясь, посмотрел на меня.

– Думаю, вы говорите правду. Даже иномирец мог бы придумать ложь получше. Просто будь осмотрительней, парень. Мы здесь на Извре не очень любим посторонних.

Он бросил на меня последний тяжелый взгляд, а затем ушел своей дорогой, время от времени оглядываясь на меня. Еще разгоряченный перепалкой, я ответил ему таким же горящим взглядом.

– Вот так-то лучше, – тихо рассмеялся Кальвин, напоминая мне о своем присутствии. – Пентюх, да? Это кое-что объясняет.

– Что, к примеру?

Я все еще никак не мог прийти в себя.

– Почему мы бродим без всякого плана. Ты не привык к крупным городам, не так ли?

При всей моей разозленности с этим я спорить не мог.

– Ну...

– Если не возражаешь, послушай небольшой совет, хоть ты о нем и не просил.

Я неопределенно пожал плечами.

– Для меня очевидно, что твой поиск может затянуться. Неплохо подыскать отель и использовать его как стратегическую базу. Если б этот коп спросил, где ты остановился на Извре, то положение могло бы серьезно осложниться.

Это имело смысл. И навело на размышления, до какой степени я был чужим в этой стране. Во время моих прежних приключений я спал либо прямо под звездами, либо в пристанищах, обеспеченных стараниями моих друзей и деловых партнеров. Поэтому у меня мало было опыта по части отелей... точнее, никакого.

– Спасибо, Кальвин, – поблагодарил я джинна, восстанавливая самообладание. – И как же, по-твоему, мы найдем отель?

– Можно кликнуть такси и спросить у водителя.

Восхитительно. Джинн снова стал самим собой, очень полезным. Похоже, некоторые вещи никогда не меняются.

Глава четвертая

*Такси – вещь универсальная.
Дж. Келли*

Местечко тут, скажу я вам, было бы приятным, если бы досталось не этим извращенцам.

Таксист, беззаботно ведя свою повозку на полной скорости сквозь сутолоку уличного движения, время от времени отпускал через плечо свои замечания по всякому поводу.

Большую часть его болтовни я игнорировал, что его, похоже, не волновало. Он и не ждал ответа, но последнее его замечание вызвало у меня интерес.

– Извините, но разве вы не извращенец... я имею в виду, не изверг?

Водитель резко обернулся лицом ко мне:

– Вот. Видите теперь?

Честно говоря, я ничего такого не увидел. Если в его откровении и присутствовал какой-то смысл, то он ускользнул от моего понимания. Однако увидел я другое – что мы по-прежнему несемся на всех парах. Впереди маячил затор из остановившихся повозок, которого водитель, похоже, не заметил, донося до меня свой довод.

– Смотри! – заорал я, лихорадочно показывая на препятствие.

Не отводя взгляда от моих глаз, водитель резко стукнул по приклеенному перед ним клейкой лентой игрушечному гусенку. Гусенок издал душераздирающее «га-га», способное обеспечить ему титул короля гусей, если б у последних случились выборы.

– О чем я и говорю, – заключил водитель, снова устремляя свой взгляд на лежащую впереди улицу.

Пробка каким-то чудом рассосалась прежде, чем он закончил говорить, и мы проплыли через перекресток целыми и невредимыми.

– Успокойся, Сквив, – рассмеялся Кальвин. – Этот парень профессионал.

– В чем профессионал? – пробурчал я.

– Как в чем? – не понял водитель, начиная снова оборачиваться.

– НЕТ! Я... ничего.

Такси сначала, как только подобрало нас, не произвело на меня особого впечатления. На самом деле «подбрало нас» – чересчур мягко сказано и не передает того, что случилось в действительности.

Следуя инструкциям Кальвина, я подошел к бровке тротуара и поднял руку.

– Так? – спросил я джинна и сделал ошибку, повернув при этом голову прямо к нему.

Стоя спиной к улице, я не увидел того, что случилось потом, и, вероятно, к лучшему. Обычный гул уличного движения внезапно взорвался от криков и треска. Пораженный, я отдернул руку и боком отпрыгнул на более безопасное расстояние от улицы. К тому времени, когда я сосредоточился на открывшейся сцене, шум и суматоха почти прекратились.

Уличное движение за приткнувшейся к тротуару рядом с нами повозкой застопорилось, и рассерженные водители повысовывались, крича и угрожающе размахивая кулаками. Возможно, некоторые и столкнулись, но большинство ехавших по улице повозок находились в таком состоянии, что я не мог сказать точно, какие из повреждений новые, а какие – следы от прежних стычек.

– Совершенно верно, – подтвердил Кальвин, ничуть не взволнованный случившейся свалкой.

– Издеваешься?

Остановившаяся забрать нас повозка была не из тех, что вселяют уверенность. Она представляла собой своего рода ящик, висевший между двумя взнузданными бесхвостыми яще-

рами. Головы рептилий были обмотаны повязкой, скрывавшей глаза, но они не переставали тыкаться из стороны в сторону, выбрасывая и убирая языки, пытаясь сориентироваться в пространстве. Короче, выглядели они достаточно внушительно и к тому же казались голодными, так что я бы предпочел держаться от них подальше.

– Может, нам лучше подождать другого, – с надеждой предложил я.

– Садись, – приказал джинн. – Если долго будем препятствовать движению, вернется коп.

Это оказалось для меня достаточно убедительным мотивом, и я храбро забрался в ящик, устроившись на сиденье позади водителя, а Кальвин не покидал района моего плеча. Внутри ящик показался безопасным. Сзади сидений было два, и еще одно находилось рядом с водителем, но было завалено бумагами и коробками, сыпавшимися на пол всякий раз, когда мы слишком быстро сворачивали за угол. Вокруг водителя к стенам и к потолку были прикреплены клейкой лентой или булавками заметки и картинки, контрастировавшие с набором циферблатов и кнопок на приборной доске перед ним. Возникало впечатление, что водитель не только работал, но и жил в своей повозке, и это в какой-то мере успокаивало. Не станет же человек подвергать опасности свой собственный дом?

– Куда? – осведомился водитель, небрежно втискивая повозку обратно в поток уличного движения.

– М-гм, отвезите меня в отель.

– Дорогой... дешевый... какой?

– Что-нибудь умеренное, скорее недорогой.

– Хорошо.

С финансами у меня дела обстояли весьма неплохо. Стягивавший мне талию пояс с деньгами содержал две тысячи золотом, прихваченные на текущие расходы. Но не было никакого смысла разбрасывать их без особой нужды. Раз я не собирался проводить много времени в номере, мне и не понадобится ничего особо грандиозного.

Проехав первые несколько кварталов, я снова подумал, мудро ли я выбрал повозку. Насколько я мог судить, ящерам завязали глаза для того, чтобы звериный инстинкт выживания не мешал им выполнять приказы водителя. Мне не удалось разобраться, как водитель управлял ими, но он, похоже, твердо решил сохранять головокружительную скорость, наплевав на такие мелочи, как безопасность и здравый смысл.

– Так вы двое что, долго пробыли на Извре?

Голос водителя вернул меня в настоящее, которое мой мозг отчаянно пытался игнорировать.

– Попали сюда только сегодня.

Я вдруг уцепился за сказанное им.

– Извините, вы сказали «вы двое»?

Водитель подтверждающе закивал:

– Совершенно верно. Не часто получаешь в пассажиры пентюха или джинна, не говоря уже про обоих вместе.

Он не только знал, сколько нас, но и определил, кем мы были!

Такая новость отнюдь не радовала.

– Что за... – начал было Кальвин, но я жестом велел ему помолчать.

– Прежде чем вам ответить, не возражаете, если я спрошу, как вы об этом узнали? – поинтересовался я, незаметно оглядываясь кругом и высматривая, нет ли какого способа выбраться отсюда, если понадобится.

– Просканировал вас, когда вы сели. – Водитель показал на экранчик среди скопления других приборов. – Таксист должен быть очень осторожен... при теперешнем разгуле преступности. Мы довольно часто страдали от налетчиков-любителей или угонщиков, которым нужно

побыстрей загрести пачку банкнот. Я установил эту малютку и поэтому заранее знаю, кто сидит позади меня.

Он подмигнул мне через плечо.

– Но не беспокойтесь. За джинна я дополнительной платы не возьму. Он занимает не так уж много места. Как я понимаю, вы двое не опасны.

Это успокоило меня, и я больше не прикидывал, как выпрыгнуть на ходу из повозки.

– Вы, похоже, не разделяете общего низкого мнения о жителях иных измерений?

– Мне все едино, лишь бы оплачивали проезд, – махнул рукой водитель. – Насколько могу судить, у вас при себе достаточно денег, чтобы я не беспокоился о том, что вы сбежите, не оплатив проезд. Но не советую вам убирать личину. Некоторые из здешних коммерсантов мигом повысят цены при виде кого-то из иного измерения. Они любят заставить вас почувствовать себя незванным гостем... а цены и так взвинчены до небес.

– Спасибо за предупреждение.

– И не мешает быть поосторожней с таким количеством наличных. Все, что вы слышали об уличной преступности в этом местечке, – правда. Вам лучше всего нанять себе телохранителя, пока вы здесь. Если хотите, могу порекомендовать пару хороших.

– Неплохая мысль, – поддержал его Кальвин. – Не помню, говорил ли я тебе, но Джиннджер – измерение весьма мирное, и в драке от меня не будет большой пользы.

Я проигнорировал его, так как таксист продолжал, явно не слыша джинна, несмотря на свои приборы.

Вспоминая об опасностях, с какими приходится иметь дело во время моих приключений, я подумал, что нанять охрану просто для прогулок по улицам было бы немного нелепо.

– Ценю вашу заботу, но я и сам неплохо умею заботиться о себе.

– Как угодно, мое дело предложить. Слушайте, а не хотите чего-нибудь перекусить? Я продаю завтраки.

Он взял одной рукой коробку с соседнего сиденья и сунул мне. Ее наполняли мешочки с просачивающимся сквозь стенки содержимым.

– Э... спасибо, только не сейчас, – поблагодарил я, пытаясь побороть внезапно возникшую тошноту.

Водитель ничуть не смутился. Бросив коробку обратно на сиденье, он вытащил буклет.

– Тогда как насчет путеводителя? Я сам пишу и печатаю их. Мой путеводитель лучше любого, что вы найдете в киосках... и к тому же дешевле.

Путеводитель мог бы пригодиться, но, взглянув на него, я увидел, что текст представляет собой серию загогулин и иероглифов, не имеющих для меня ни малейшего смысла. Для преодоления языкового барьера я всегда путешествую с кулоном-переводчиком, но, к несчастью, на письменное слово его сила не распространяется.

– У вас ведь нет такого в переводе на пентийский?

– Сожалею, – извинился он, бросая буклет туда, куда и коробку. – Я занимаюсь на нескольких курсах, пытаюсь изучить некоторые языки, но пентийского среди них нет. Спрос недостаточный, понимаете?

Несмотря на мою постоянную озабоченность из-за его вождения, этот таксист начинал меня интересовать.

– Должен сказать, вы очень предприимчивы. Таксист, издатель, повар, переводчик... вы и еще чем-нибудь занимаетесь?

– О, я делаю многое. Фотографирую, работаю экскурсоводом... даже немного рисую. Некоторые из этих рисунков – мои. Я готов расстаться с ними за сходную цену.

Он жестом показал на украшающие салон повозки листы, и такси опасно отклонилось вправо.

– Э... меня интересует нечто иное из перечисленного вами.

– Да? Что именно?

– Экскурсовод.

– Ах это. Разумеется. Я люблю поработать гидом, когда выпадает случай. Приносит приличные деньги. Куда интересней, чем с утра до ночи отвоевывать свой заработок в конкурентной борьбе с другими водителями.

Я взглянул на Кальвина и вопросительно поднял брови.

– Действуй, – одобрил он. – Гид нам не мешает, и ты неплохо ладишь с этим парнем. Как говорится, лучше уж знакомый девол.

Знания джинна не простирались на деволов, но было не время и не место втолковывать ему это. Я снова переключил внимание на водителя.

– Я бы нанял вас просто гидом-проводником, экскурсии мне ни к чему. Сколько вы зарабатываете за день на этом такси?

– В хороший день могу зашибить больше сотни.

– Угу, – произнес я. – А в средний?

За это я получил еще один взгляд через плечо.

– Должен сказать, приятель, ты говоришь не как пентюх.

– Я живу на Базаре-на-Деве, – улыбнулся я. – Это чудесно совершенствует умение заключать сделки. Сколько?

Мы поторговались несколько минут, но в итоге сошлись на одной цифре. Она оказалась справедливой, а мое положение не позволяло мне быть разборчивым. Если применяемый таксистом прибор широко распространен среди его коллег, то моя личина будет разоблачена в ту же секунду, как я сяду в такси, и нет никакой гарантии, что следующий таксист окажется таким же благосклонным к иномирцам, как наш новообретенный гид.

– Ладно, договорились, – сказал наконец водитель. – Итак, на кого я работаю?

– Меня зовут Скив, а джинна со мной – Кальвин.

– Не знаю насчет джинна, – пожал плечами таксист. – Либо он мало говорит, либо я его не слышу. Но рад с вами познакомиться, господин Скив. Мое имя Эдвик.

Он, обернувшись к заднему сиденью, протянул руку, и я осторожно ее пожал. Я уже сталкивался с изврскими рукопожатиями и до сих пор чувствую боль в суставах при сырой погоде.

– Итак, куда вы хотите поехать в первую очередь?

Мне этот вопрос показался странным, но тем не менее я ответил:

– В отель.

– Угу.

– Простите? – озадаченно переспросил я.

– Вы ж наняли гида, вот и получаете его. Вам нужен номер в отеле, верно?

– Верно.

– Если вы попытаете снять номер в изврском отеле в своем теперешнем виде, без багажа, то с вами обойдутся там довольно круто, независимо от того, догадаются про ваше иноизмеренческое происхождение или нет. Подумают, что вы хотите, например, украсть из номера мебель или попробовать проникнуть в другие номера на том же этаже.

Такая мысль была для меня новой. Хотя дома у меня довольно обширный гардероб, путешествую я обычно налегке... в одежде, что на мне, и с деньгами. Мне не приходило в голову, что отсутствие багажа может вызвать подозрения насчет моих намерений.

– Что ты думаешь, Кальвин?

– Не знаю, – пожал плечами джинн. – Я с такой проблемой никогда не сталкивался. Путешествую в бутылке, и люди все равно меня не видят.

– Что же вы порекомендуете, Эдвик?

– Давайте я отвезу вас в универмаг. Там вы сможете выбрать себе чемоданчик и набить его каким-нибудь барахлом. Поверьте, это облегчит вам положение с проживанием в отеле.

Я поразмыслил над этим доводом, а затем решил, что нет смысла нанимать гида, а потом не слушать его советов.

– Ладно, – согласился я. – Далеко ли до универмага, о котором вы говорили?

– О, совсем недалеко. Держись!

Последнее предупреждение немного запоздало, так как он сделал крутой поворот, вызвавший свалку в уличном движении и подбросивший меня на сиденье. Прежде чем я смог прийти в себя, мы уже устремились в том направлении, откуда приехали.

Как ни привык я к сумасбродным экскурсиям, мне подумалось, что эта вылазка может оказаться посложней любой из прежних. И еще я надеялся, что она обогатит меня, в смысле повышения квалификации, особенно полезным и, значит, необходимым опытом.

Глава пятая

Мне нужно выбрать всего лишь несколько вещей.
И. Маркос

Я многократно ссылался на Базар-на-Деве, где устроился на жительство. Для тех, кто не путешествует и не читал моих книг, поясню: это самый крупный торговый центр всех известных мне измерений. Там продается все, что вы только можете, а иногда даже и не можете себе вообразить. Конкуренция там жесткая, и купцы-деволы скорее вывернут наизнанку и себя, и клиентов, чем упустят возможность продать свой товар.

Я упоминаю об этом для того, чтобы все читающие об этом моем приключении поняли, каким потрясением стало для меня хождение за покупками на Извре. Это было так не похоже на Деву, что трудно было даже рассматривать этот процесс как аналогичный.

Главные различия бросались в глаза сразу. Базар представляет собой множество линий палаток и лавок, уходящих по всем направлениям за горизонт. Разумеется, кое-какая специализация в лавках заметна, но никакой настоящей системы нет, и что любопытно – нет никакой возможности найти что-нибудь, не просмотрев много чего другого. В прямом контрасте с этим на Извре преобладали торговые точки, названные Эдвином «универмагами». Один такой универмаг с шестью этажами, наполненными товарами, мог занимать целый городской микрорайон. Товары распределялись по секциям, или отделам, достаточно изолированным друг от друга во избежание всякой конкуренции. Многочисленные указатели сообщали покупателям, где что находится, хотя в этом лабиринте проходов и прилавков все равно легко было заблудиться. Конечно, четкий порядок и указатели помогают, если умеешь читать по-изврски.

Но больше всего меня потрясло отношение к клиентам. Причем обнаружил я эту особенность изврской торговли сразу, как только завернул в отдел сумок.

Там имелся хороший выбор сумок и чемоданов, и товар был разложен так наглядно, что я мог отличить магические чемоданы от немагических без всяких инструкций. Выбрать нужный было совсем не трудно. Мое внимание привлек зачехленный чемоданчик размером с толстый дипломат, мне понравилась в нем как простота дизайна, так и приданные ему магические возможности. То есть на нем лежали постоянные чары, делавшие его в три раза вместимей, чем представлялось с виду. Я подумал, что такой товар может пригодиться, и если мне все равно предстояло что-то купить для въезда в отель, то это вполне подходящая покупка, которой я смогу воспользоваться и потом. Трудности начались, когда я приготовился осуществить свое намерение. Сначала я был приятно удивлен тем, что продавцы меня не беспокоили. На Деве, подойди я к прилавку, ко мне тут же устремился бы владелец магазина или товара. И сейчас было приятно попасться не спеша, без давления и навязывания не нужного мне или лежалого товара. Однако когда я сделал свой выбор, то обнаружил, что привлечь внимание продавцов очень трудно.

Стоя у витрины, где демонстрировался нужный мне чемодан, я посмотрел в сторону кассы, где разговаривали двое продавцов. На Деве большего не понадобилось бы – владелец немедленно бросился бы ко мне, если допустить, что он не сделал этого с самого начала, предоставив мне кое-какую свободу выбора. А здесь они меня, казалось, и не замечали. Слегка озадаченный, я подождал несколько секунд, а потом шумно откашлялся. И не получил в ответ даже беглого взгляда.

– Ты что-то подхватил, Скив? – встревожился Кальвин. – Я имею в виду, что-то заразное.

– Нет, я пытаюсь посигналить одному из продавцов.

– О...

Джинн воспарил на несколько футов выше и глянул в сторону кассы.

– Кажется, это не действует.

– Сам вижу, Кальвин. Вопрос в том, что подействует?

Мы подождали еще несколько мгновений, наблюдая за беседой продавцов.

– Может, тебе следует пройти туда? – предложил наконец джинн.

Мне показалось странным гоняться за продавцом с просьбой взять у меня деньги, но за неимением другого выхода все же побрел к стойке.

И остановился там.

Продавцы закончили обсуждать спортивные события и принялись травить пошлые анекдоты.

Я стоял.

Затем они перешли к теме относительно достоинств знакомых им женщин. Это могло бы быть интересным, не говоря уже о поучительности, если бы я постепенно не терял терпения.

– У тебя не возникает ощущения, что я тут не единственный невидимка? – саркастически заметил Кальвин.

Если даже джинн, привыкший годами сидеть в бутылке, начинает проявлять нетерпение, то я счел себя вправе предпринять некоторые действия.

– Извините, – твердо сказал я, вставая в разговор. – Мне бы хотелось посмотреть вон тот чемодан. Маленький, магический, в зеленом чехле.

– Смотрите, – равнодушно пожал плечами один из продавцов и вернулся к разговору.

Я постоял еще несколько мгновений в недоумении, а затем повернулся и прошел к чемодану.

– Вот теперь ты начинаешь двигаться, как изверг, – заметил джинн.

– Наплевать, – прорычал я. – И надо говорить – *извращенец!* Я пытался быть любезным... не хотел устраивать беспорядок у них в торговом зале... но если меня вынуждают...

Следующие несколько минут я вымещал свой гнев на чемоданчике, который, вероятно, был самым безобидным объектом для выплескивания на него раздражения. Я поднял его, раскрутил над головой, потом грохнул им пару раз об пол и продолжал в том же духе, используя всю свою фантазию, разве что не залезал в него собственной персоной. Мне пришлось признать, что товар изготовлен на совесть. Впрочем, я начинал понимать, почему товары на Извре должны быть крепкими. За все это время продавцы не уделили мне даже мимолетного взгляда.

– Проверь ценник, Кальвин, – пропыхтел я, когда эти упражнения начали наконец убавлять мою выносливость. – Чемодан *действительно* стоит сто двадцать пять золотых?

Я, может, и не умею читать на многих языках, но цифры и цены никогда не доставляли мне никаких затруднений. Думаю, это произошло от долгого общения с Аазом... не говоря уже о Тананде и Банни.

– Тут написано именно так.

– Я хочу сказать, это ведь не очень дешево. Я видел, как даже с грошовым товаром приказчики обращаются бережно и заботливо. Неужели этим парням все равно?

– Очевидно, что ты прав, – согласился джинн.

– Как думаешь, заметят они, если я засуну чемодан под мышку и уйду не заплатив? Было бы приятно узнать, что хоть что-то может подействовать на этих парней.

Джинн нервно огляделся кругом:

– Не знаю, но, думаю, пробовать не стоит.

Это чуточку меня охладило. Я все же находился с заданием на чужой территории, и не было времени начинать испытывать системы безопасности.

– Ладно, – проворчал я. – Давай попробуем опять.

На этот раз, подойдя к стойке, я считал, что усвоил урок. Никакого вежливого покупателя больше не будет. И никакого ожидания, когда они закончат свою беседу.

– Я бы хотел купить тот зеленый магический чемоданчик в чехле, – ворвался я в их разговор, не дав закончить фразы.

– Ладно.

Продавец, с которым я говорил в первый раз, преодолел половину пути до витрины, прежде чем я сообразил, что он делает. Теперь, когда я наконец добился его внимания, включились мои покупательские инстинкты.

– Извините. Я бы хотел другой чемодан, а не тот, с витрины... и, может, вы поищите черный?

Продавец бросил на меня долгий взгляд мученика.

– Минутку. Мне придется проверить.

Он ссутулясь ушел, в то время как его напарник принялся бродить по секции, поправляя товары на полках.

– Извини за назойливость, Скив, но, по-моему, ты злоупотребляешь своим везением, – заметил Кальвин.

– Об этом стоило спросить, – пожал плечами я. – Кроме того, как бы невнимательно тут ни обслуживали, это все же магазин. И значит, должна быть какая-то заинтересованность в продаже покупателю того, чего он хочет.

Прошло пятнадцать минут, продавец все еще не появлялся, и я почувствовал, что во мне снова закипает раздражение.

– М-гм... уже время сказать «я ж тебе говорил»? – ухмыльнулся джинн.

Игнорируя его, я перехватил второго продавца.

– Извините, а далеко ли до склада?

– А почему вы спрашиваете? – моргнул тот.

– Ваш напарник пошел узнать кое-что для меня, и его давно нет.

Продавец поморщился:

– Кто? Он? У него перерыв, и он ушел на обед. Вернется через часок-другой, подождите, если есть охота.

– Что?

– Думаю, я смог бы его заменить. А что вам требовалось?

Я, может, и тугодум, но все-таки способен соображать. Это был последний продавец в секции, и я не собирался дать ему скрыться из виду.

– Забудьте об этом. Я возьму вон тот зеленый чемоданчик. Тот, в парусиновом чехле.

– Ладно. Это будет сто двадцать пять золотых. Вам его завернуть?

Базарные рефлексы вмешались прежде, чем я успел подумать.

– Секундочку. Сто двадцать пять – это за новый чемодан. А за тот, что использовался для демонстрации?

Кальвин застонал и прикрыл глаза ладонью.

– Я не устанавливаю цены, – бросил, отворачиваясь, продавец. – Если он вам не нравится, поищите другой где-нибудь еще.

Мысль начать все заново окончательно меня добила.

– Ладно, – вздохнул я, роясь в поясе с деньгами. – Беру этот. Но могу я по крайней мере получить чек?

Покупка одежды оказалась испытанием иного рода. В универмаге действовали магические лифты, вознесшие меня двумя этажами выше в секцию одежды, что, к счастью, дало мне время хорошенько обдумать свое положение.

Беда заключалась в том, что я изображал изверга. И поэтому выглядел более коренастым, чем был на самом деле. Если бы я купил одежду, подходящую для моей личинной фигуры, то она висела бы на мне мешком. А выбор моего собственного размера тут же бы, на примерке, меня и выдал.

В конце концов я решил купить одежду в детской секции, где мог подобрать ее по себе, сказав, что покупаю для сына. Я неплохо определяю размер одежды на глазок, так что сидеть она на мне будет, вероятно, не слишком скверно.

Но прежде всего спокойствие.

Одежду покупают намного больше людей, чем чемоданы. *Намного* больше.

Будучи не в состоянии прочесть указатели, я не мог определить, шла ли там распродажа или это было обычное число клиентов секции. Как бы там ни было, секция эта представляла собой сумасшедший дом. Толпы покупателей мужского и женского пола толкались и цапались друг с другом через столы, заваленные разными предметами одежды. Сказать, что голоса звучали на повышенных тонах, значит, никак не передать криков и проклятий, которые вторглись мне в уши, едва я приблизился к своей цели, к тому же сквозь этот гул иногда отчетливо различался треск рвущейся ткани. А вот исходил ли он от терзаемых товаров или от разрываемой в ключья одежды самих соперничающих покупателей, я не мог сказать наверняка. Это было все равно что смотреть на свалку в Большой Игре, но без команд и без перерывов между периодами.

– Не говори мне, что ты намерен туда сунуться! – ахнул Кальвин. – Без брони и артиллерии?

Такая шутка показалась мне странной для уроженца предположительно мирного измерения, но нужно было сосредоточиться на предстоящей задаче.

– Это хождение за покупками и так уже занимает слишком много времени, – мрачно проворчал я. – Не стоит его терять еще больше на поиски с помощью Эдвика другого универмага... нет никаких гарантий, что он будет лучше этого. Я намерен нырнуть туда, схватить пару костюмчиков и покончить с этим раз и навсегда.

Хороший вкус и бунтующий желудок не позволяют мне вдаваться в подробности того, как прошли следующие полчаса. Достаточно сказать, что Кальвин бросил меня и парил под потолком в ожидании, пока я закончу. Я немного потолкался, и меня потолкали – чаще, чем мне хочется вспоминать, – но любое испытанное мной ранее острое ощущение меркнет перед отчаянной схваткой с изврскими покупателями за овладение товаром. Я пускал в ход локти и пихался, применял даже магию, когда никто не смотрел, и воспользовался большинством нечестных приемов, каким научился на Большой Игре. В конечном итоге я получил два костюма, не вызвавших у меня особого восторга, но готовности заново лезть в эту сечу за чем-нибудь получше я в себе не ощущал. Еще я приобрел стойкую привязанность к толстой изврской даме, за которой время от времени прятался, чтобы перевести дух.

Не участвовавший в битве Кальвин был бодр и готов сопровождать меня обратно к выходу. Оно и к счастью, поскольку спад адреналина в крови после выхода из этой драки был столь существен, что я едва ли что видел перед собой, не говоря уже о том, чтобы идти не шатаясь.

Не знаю, где нас ждал Эдвик, но, как только мы вышли из универмага, такси материализовалось из потока уличного движения, и мы поспешили забраться на свои места. Позже я подумал, что по сравнению с универмагом такси и в самом деле показалось мне вполне безопасным.

– Можем мы теперь ехать в отель? – осведомился я, погружаясь в сиденье и закрывая глаза.

– В таком виде? Разве вы не хотите переодеться?

– Переодеться? – Мне почему-то не понравилось, как это прозвучало.

– Ну, знаете, в классический костюм. Деловые люди всегда получают в отелях наилучшее обслуживание.

Кальвин застонал, но ему не требовалось беспокоиться. Если я чего и знал наверняка, так это то, что не отправлюсь обратно в тот универмаг.

– Вот что я тебе скажу, Эдвик. Опиши-ка мне этот костюм.

Таксист потер подбородок, рассчитывая свой путь в потоке машин.

– Ну, так. Они обычно бывают темно-серые или черные... в белую узкую полосочку, с жилетом... и, само собой, белая рубашка и полосатый галстук.

Так я и думал. То же самое носили на Деве... и, вероятно, во всех других измерениях, где я встречал бизнесменов. Я снова закрыл глаза и сделал несколько добавлений к чарам личины.

– Примерно так?

Таксист глянул через плечо, а затем полностью повернулся, откровенно разинув рот.

– Слушай! Вот здорово! – воскликнул он.

– Спасибо, – самодовольно кивнул я. – Тут нет ничего особенного. Просто чары личины.

– Так зачем же тогда нужно было толкаться в универмаге? Липовый новый наряд, липовый багаж...

– Я собирался спросить о том же, – пробормотал Кальвин.

А я хоть убей не мог найти подходящего ответа.

Глава шестая

Никакое место не сравнится с родным домом!
Х. Джонсон

Когда мы наконец прибыли к порекомендованному Эдвигом отелю, вид его меня оттолкнул. Вывеска провозглашала его «Новой гостиницей», но выглядел он, как и большинство других извских зданий, старым, ветхим и закопченным. Да будь он даже и привлекательней, район, в котором он находился, заставил бы меня призадуматься. Мусор на улицах и металлические щиты на витринах магазинов никак не вызывали у меня желания вылезти из такси, не говоря уже о том, чтобы снять номер. Я хотел было сообщить об этом своему водителю-гиду, но заметил швейцара в мундире и решил задать вопрос помягче:

– Э... это и есть недорогой отель, о котором ты говорил?

– Цены в нем даже ниже, чем в настоящей дыре, – пожал плечами таксист. – Этот отель немного приятней, чем большинство того же класса. Его владельцу пришлось снизить цены из-за случившихся тут неприятностей.

– Неприятностей?

– Да. Здесь разгуливает убийца с топором, которого так и не сумела поймать полиция. Он убивал примерно по одному в неделю... на прошлой неделе зарубил какого-то несчастного прямо в фойе.

– Убийца с топором?!

– Совершенно верно. Вам, однако, незачем из-за него тревожиться.

– И почему же ты так считаешь?

– Эти убийства продолжаются уже целый месяц, и поскольку вы только-только въезжаете и никогда раньше здесь не бывали, то будете вне подозрений.

Но меня тревожило вовсе не *это*. Я опасался возможности оказаться следующей жертвой. Прежде чем я смог разъяснить это Эдвику, швейцар рывком распахнул дверцу такси и выдернул мой чемодан.

– Вам лучше последовать за своим чемоданом и не спускать с него глаз, – посоветовал водитель. – Утром я приеду за вами. Ах да, не забудьте дать носильщику на чай. Иначе можете не узнать собственного багажа.

Ящеры уже начинали двигаться, когда он выдавал этот последний образец мудрости. Повозка еще не набрала большой скорости, а я уже нырнул к двери, опасаясь расстаться со своим багажом навсегда. Нужен он мне был или нет – это еще вопрос. Я слишком многое пережил, добывая этот чемодан, чтобы потерять его сейчас. Прежде чем я подумал, что зря отпустил моего гида и советчика по этому измерению, такси свернуло за угол и исчезло.

– По-моему, этот парень хочет получить на чай, – высказал мнение Кальвин, показывая на швейцара. Что ж, со мной по крайней мере все еще оставался джинн.

Мне пришлось признать его правоту. Изверг в мундире стоял с надутым видом, протянутой рукой и неопределенной гримасой на лице, сходящей, вероятно, здесь за улыбку. Я секунду поколебался, прежде чем сунуть ему немного мелочи, ожидая, что работник сервиса повременит намекать на чаевые до завершения обслуживания. Но, очевидно, в разных измерениях отношения строятся по-разному. Вероятно, именно об этом предупреждал меня Эдвик... что швейцар захочет сначала получить деньги, а уж потом отнесет чемодан, и что, если чаевые будут недостаточно велики, с багажом придется распрощаться. Похоже, это имело смысл.

Мои размышления резко оборвались, когда я заметил, как другой субъект, на этот раз коридорный, поднял мой чемодан и направился с ним в отель, оставив швейцара снаружи взвешивать только что отсыпанные ему в руку чаевые. Я почуял неладное.

- Куда он идет? – спросил я как можно небрежней у довольного швейцара.
- К регистрационному столу, сэр.
- Но у него же мой чемодан.
- Да. Я советую вам неотступно следовать за ним. Ему, знаете ли, нельзя доверять.
- Но... О-о-о-о!..

Я все понял. Швейцару полагалось только открыть двери такси и выгрузить багаж... носить чемоданы в отель он был не обязан. Конечно, я сам был виноват в том, что дал ему на чай, полагая, будто он окажет такую услугу. Разбитый в пух и прах, я потащился за коридорным, поджидавшим меня у двери с вытянутой рукой в уже знакомом мне жесте. На сей раз я был рад расплатиться с ним. Что бы ни сказал на это Эдвик, я решил, что дальше лучше тащить свой багаж самому.

Кальвин что-то бормотал мне на ухо о ненужности платить за помощь, пока они не закончат свою работу, но коридорный понял, что на этом все, и исчез, как только я ему заплатил. Игнорируя ворчание Кальвина, я переключил внимание на интерьер отеля.

Приемная отеля была ненамного больше пространства, используемого нами для похожих целей в корпорации М.И.Ф., только здесь в мебелировке господствовала огромная стойка, которую, как я предположил, швейцар и назвал регистрационным столом. Конечно, такая махина ограничивала площадь фойе, а ведь это отель, и ему полагалось пропускать через себя больше народу, чем нам в нашем офисе на Деве. Я почувствовал, что это не сулит ничего хорошего, в смысле просторности номеров. Впрочем, я же велел Эдвику отвезти нас в какое-нибудь недорogie место. Так что вряд ли мог ожидать шикарных апартаментов, а дай мне выбор...

- Не могу ли я чем-нибудь вам помочь?

Это последнее предложение исходило от изверга за регистрационным столом. Его можно было счесть даже вежливым, если бы не интонация в голосе. Таким тоном, думаю, естественно обратиться к прошедшему через переднюю дверь с ящиком мусора.

– Да. – Я решил предпринять последнюю попытку быть любезным. – Я хотел бы снять номер, если вы не против. Одноместный.

Портье смотрел на меня так, словно я только что плюнул на пол.

- Вы его *забронировали*?

Вопрос этот меня немного удивил, но я решил не отступать от честности.

– Вообще-то не мешало бы, в таком-то районе... и потом ходит слух об этом убийце с топором...

– Скив... СКИВ! – отчаянно прошипел Кальвин. – Он спрашивает, заказывал ли ты номер заранее?

Ну вот. Я метнул взгляд на портье, смотревшего на меня так, словно я попросил продать в рабство его первенца.

– ...Но, м-гм, если вы спрашиваете, заказывал ли я номер заранее, то ответ будет, разумеется, отрицательный, – неловко закончил я.

Портье попялился на меня еще несколько мгновений, а затем провел тренированным пальцем по списку на столе перед собой.

– Боюсь, что в данное время у нас есть только один из наших самых скромных номеров. О лучшем вам бы следовало позаботиться заранее.

– Скромный номер вполне подойдет, – заверил я его. – Он понадобится мне примерно на неделю.

– Отлично, – кивнул портье, толкая ко мне через стол бланк. – Когда заполните его, заплатите мне сто золотых.

Я порадовался, что меня предупредили насчет цен на Извре. Сто золотых показалось мне многовато, но я сумел скрыть свое удивление, когда протянул руку за бланком.

- ...В день. И деньги, конечно, вперед.

Моя рука остановилась, чуть-чуть не дойдя до бланка.

– Сто золотых в день? – переспросил я как можно осторожней.

– Скив! – завизжал мне в ухо Кальвин. – Вспомни, тебя предупреждали, что здесь все дорого! Это отель с низкими ценами, помнишь?

– И деньги вперед, – подтвердил портье.

Я убрал руки от стола.

– Сколько времени ты собираешься искать другой номер, Скив? – отчаянно продолжал джинн. – Такси до утра не вернется, а уже темнеет. Ты действительно хочешь гулять ночью по этим улицам?

Я достал из пояса сотню золотых и бросил деньги на стол, а затем принялся заполнять бланк.

– Полагаю, *каждый день* оплачивается авансом с учетом процентных ставок, – спокойно произнес я. – Ах да, я хотел бы получить квитанцию.

Портье выхватил бланк у меня из-под пера и уткнулся в него взглядом чуть ли не раньше, чем я закончил расписываться.

– Совершенно верно, господин... Скив. Я сию минуту дам вам квитанцию.

Приятно узнать, что от некоторых извергов все же можно чего-то добиться, хоть и за хорошие деньги. Сотня золотых уже исчезла.

Портье кинул квитанцию через стол, изящно держа в другой руке ключ. Я забрал квитанцию и потянулся было за ключом, но он небрежно убрал его за пределы моей досягаемости и хлопнул ладонью по стоявшему на столе колокольчику.

– Сюда!

Прежде чем я успел спросить, что сие означало, около меня материализовался коридорный... не тот, что раньше.

– Номер 242-й, – объявил портье, вручая коридорному мой ключ.

– Да, сэр. Это ваш багаж?

– Ну да. Это...

Не дожидаясь, когда я закончу, коридорный схватил мой чемодан и направился к лестнице, сделав мне знак следовать за ним. Я потащился, ощущая, что по горло сыт этими извергами, отелями и чаевыми. Если этот шут думал, что я...

– Собираешься дать ему на чай? – спросил Кальвин, подплывая и зависая в воздухе передо мной. К счастью, он был полупрозрачным, и я видел сквозь него.

Я подарил ему самую зубастую свою улыбку.

– Если это означает «нет», то тебе лучше передумать.

Я не хотел слушать его советов и намеренно дал своему взгляду забрести на потолок – и тут же споткнулся о ступеньку.

– Вспомни, что сказал Эдвик, – настойчиво продолжал джинн. – Тебе нужно побольше союзников. Ты не можешь позволить себе быть нелюбезным с этим парнем.

Постепенно раздражение во мне начало уступать здравому смыслу. Кальвин был прав. Хотя бы потому, что коридорные являлись главными источниками местной информации. Если любезность с этим типом ускорит розыск Ааза и, следовательно, сократит мое пребывание на Извре, то это стоило приличных чаевых. Сделав глубокий вдох, я поймал взгляд джинна, коротко кивнул, и тот успокоился. Мне пришло в голову, что приятно иметь дело с тем, кто, выигрывая, не злорадствует.

Коридорный открыл дверь и с шиком препроводил меня в номер. Первый же взгляд на мой временный штаб чуть было не заставил меня снова все перерешить.

Даже дырой этот номер можно было назвать только из вежливости... а я пребывал не в том настроении. Прежде всего комната была маленькой... меньше чулана в моем доме на Базаре. Места там едва хватало, чтобы обойти постель. Небольшое остававшееся пространство

было еще к тому же стеснено бюро без ручки на одном из двух ящиков и стулом, на который не всякий решился бы присесть. Абажур у торшера сбил набекрень, а обои были порваны, и один большой их кусок болтался свободно, за исключением тех мест, где его держала паутина. Я не мог определить, из чего состоит ковер – из пыли или из плесени, хотя, судя по запаху, подозревал последнее. На потолке виднелись большие подтеки, но это только при внимательном разглядывании, потому что свет в номере был тусклым и вызвал бы чувство клаустрофобии даже у вампира. И все это за какие-то сто золотых в сутки.

– Великолепный вид, не правда ли? – сказал коридорный, отдергивая шторы и открывая окно, которое не мыли с тех пор, как научились разводить огонь. Сперва я подумал, что карниз у занавески прогнулся, но более пристальное изучение показало, что он просто криво прибит.

– И это вы называете великолепным видом?

Замечание вырвалось у меня случайно, несмотря на всю мою сдержанность. Но тут же я, правда, сообразил, что не видел ничего из окна отнюдь не потому, что оно было грязным. Весь фокус в том, что вид этот состоял из глухой каменной стены, расположенной на расстоянии вытянутой руки от окна.

Мой риторический вопрос ничуть не смутил коридорного.

– Видели б вы, куда выходят окна первого этажа, – пожал он плечами. – Там все номера с видом во двор, на свалку мусора. Тут хоть личинок не видно.

Мой желудок накренился влево и провалился. С трудом сглотнув, я твердо решил не задавать больше никаких вопросов о номере.

– Хватит про вид, а? – в отчаянии простонал Кальвин.

– Как скажешь, – ответил я.

– Как-как? – обернулся ко мне коридорный.

– Я сказал, что вид меня устраивает, – поспешно поправился я.

– Так я и думал. Нет, сэр, за такую цену не очень много хороших номеров, и вам повезло. Я сообразил, что он смотрит на меня, ожидая подтверждения.

– Я... я никогда не видел ничего подобного.

Он продолжал глядеть на меня. Я перебрал в памяти подходящие к случаю комплименты.

– Чаевые, Скив! Он ждет чаевых!

– О! Да, конечно.

Я выудил из пояса еще несколько монет.

– Благодарю вас, сэр, – кивнул коридорный, принимая подношение. – Если есть еще вопросы, то меня зовут Бургт.

Он уже шел к двери, когда я решил, что надо бы воспользоваться его знаниями.

– Скажите-ка... э, Бургт.

– Да, сэр.

– Есть здесь местечко, где можно перекусить? А еще лучше – попробовать что-нибудь из кухни других измерений?

– Разумеется. Примерно в полуквартале налево, если выйти через главный вход, есть небольшое заведение. Оно называется «Банди». Пропустить его невозможно.

Это стоило мне еще нескольких монет. Но подало идею.

– Скажите, Бургт, я слышал, у вас, коридорных, есть своя информационная сеть. Это правда?

Коридорный глядел на монеты, которые я пересыпал с ладони на ладонь.

– В некотором роде, – признался он. – Все зависит от того, какую информацию вы ищете.

– Я ищу одного парня по имени Ааз. Здесь в городе он уже два дня. Если вы или кто-нибудь из ваших друзей выясните, где он, и дадите мне знать, я бы *по-настоящему* это оценил. Улавливаете?

Я дал монетам высыпаться в карман его униформы.

– Да, *сэр*. Ааз, не так ли? Я наведу справки, и посмотрим, что можно сделать.

Он поспешно отбыл, тихо прикрыв за собой дверь.

– Это ты проделал очень хорошо, Скив, – заметил Кальвин.

– Что? А, спасибо, Кальвин.

– Действительно. Ты выглядел как гангстер, платящий осведомителю.

Полагаю, работа с Синдикатом повлияла на меня больше, чем я осознавал. Но мне не хотелось, чтобы разговор слишком далеко заходил в этом направлении.

– Да просто поднабрался кое-чего, – небрежно бросил я, опустив в карман ключ от номера. – Пошли. Попробуем найти в этом измерении что-нибудь съедобное.

Глава седьмая

*...На улице, где живете.
Из записки анонимного вымогателя*

Я уже знал, что по улицам Извра страшно вато ходить или ездить днем. Ночью же они делались совершенно иным миром. Я не знал, следует ли мне чувствовать испуг или подавленность, но точно знал, что уютно себя не чувствую.

Дело не в том, что я шел один. На улице было полно извергов, и, конечно, меня по-прежнему сопровождал Кальвин. Просто бывает, что иному обществу предпочитаешь полное одиночество. Против общества Кальвина я, естественно, не возражал... так что кто угодно бы определил, в чем именно заключался источник моего неудобства.

Изверги! (Превосходно! Выходим в отличники.) Так вот, может показаться излишним говорить, что рядом с извергами чувствуешь себя неуютно. Как уже отмечалось, их измерение не славится общительностью, не говоря уже о гостеприимстве. Однако той ночью на улицах я узнал нечто новое: изверги бывают разные.

Большинство тех, с которыми я сталкивался до этого, были просто обыкновенными людьми... только скверными. Они имели работу и интересовались в основном тем, как зарабатывать на жизнь и уберечь свою шкуру. Однако после заката ту же территорию населяли личности совершенно иного сорта.

Чаще всего бросались в глаза те, что спали в подъездах и водостоках. Сперва я видел в этом способ избежать уплаты по сотне за ночлег в номере – я так и сказал Кальвину. Тот предложил мне взглянуть на растянувшихся извергов чуть поближе. Я взглянул и понял, что и *пятьсот* золотых за ночлег будет не слишком большой тратой, лишь бы избежать вступления в их ряды.

Они были грязными... что неудивительно, если спишь в водостоке. Хотя я никогда не отличался способностью различать цветовые нюансы, но даже мне и при плохом освещении ночных улиц удалось разглядеть, что зелень их чешуи какого-то нездорового оттенка. Честно говоря, они выглядели просто покойниками... Но таковыми не были. Позже, когда я упомянул о них Эддику, то выяснил, что это были изверги, чьи доходы упали ниже уровня жизни в этом измерении. Они оказались позади всех и уже не могли позволить себе ни жилья, ни гардероба для восстановления своего положения.

С какими бы финансовыми затруднениями ни сталкивались спящие, они не имели ничего общего с извергами, разделявшими с ними ночные улицы, но занимавшимися в основном торговлей, – я буду называть эту вторую группу толкачами... хотя слово это может вызвать и отрицательные ассоциации.

Разодеты они были столь же ярко, как любой бес, но имели склонность держаться в тени и высывались оттуда, чтобы шепотом предложить прохожим товар. Я так и не узнал, что именно они продавали, поскольку ни один из них ко мне не обратился. Нельзя сказать, что они не замечали, как я прохожу, поскольку следили за мной неподвижными глазами рептилий, но что-то увиденное явно побуждало их оставить меня в покое. Не могу сказать, что именно оказывало столь сильное воздействие.

Я так внимательно смотрел на наблюдателей, что чуть не прозевал нужный нам ресторан. Но Кальвин его заметил и привлек мое внимание. После чего мы в него вошли.

Еще во времена, когда я впервые встретился с Аазом, мне довелось соприкоснуться с изврским рестораном. Конечно, произошло это на Базаре, где были созданы определенные условия для деятельности подобных точек, но это все-таки в какой-то степени подготовило меня к тому, что можно было ожидать.

Кальвин же до этого не обладал опытом знакомства с изврской кухней. Через два шага в заведении я едва не потерял его, лишившегося сознания из-за одного лишь запаха. Честно говоря, мне и самому чуть не стало дурно, потому как я, имея небольшое представление об изврском ресторане, никогда раньше туда по-настоящему не заходил. Если некоторые думают, будто могут себе это представить просто потому, что как-то проходили мимо подобного заведения, то, боюсь, они ошибаются: ближе к выходу этот запах значительно слабеет.

– Что-то сдохло?!

Зажав нос, джинн брезгливо оглядел обстановку ресторана.

– Да брось ты, Кальвин, – упрекнул я его, пытаясь представить дело пустячным. – Неужели ты никогда раньше не нюхал запаха доброй домашней стряпни? Ну, знаешь, когда у матери что-нибудь подгорало?

Из вышеизложенного, по-моему, понятно, что изврская кухня не только не благоухает... от нее вонь идет до небес. Надеюсь, я точно передал читателю свое ощущение. Я и в самом деле сказал то, что испытывал. Однако, к счастью для прочих измерений, одни лишь слова не могут донести почти осязаемую текстуру воню.

– Если бы моя мать так стряпала, мы б от нее избавились... даже раньше, чем нам довелось все же это сделать, – напрямик заявил Кальвин.

Любопытное, между прочим, замечание.

– Не поверю, будто тебе *нравится* это, – сказал он. – Хоть ты и немного странное, но все-таки разумное существо.

– Так же как и изверги.

– На этот счет я готов поспорить... особенно теперь, когда понюхал что они едят. Но ты уходишь от вопроса. Ты и в самом деле собираешься отведать этого добра?

Я решил, что шутка зашла слишком далеко.

– Ни под каким видом! – шепотом признался я. – Если ты последуешь повнимательней, то увидишь, что иная еда тут выползает из тарелки.

– Предпочитаю не следить! – отвел глаза Кальвин. – Серьезно, Скив, если ты не собираешься ничего есть, то зачем же мы сюда пришли?

– О, я собираюсь раздобыть чего-нибудь съедобное. Только не то, что тут готовят для местных. Я потому и искал заведение, где подают пищу других измерений – и, будем надеяться, удобоваримую.

Мои слова не произвели на джинна никакого впечатления.

– Мне все равно, *откуда* рецепт приготовления. Ты что, собираешься съесть что-то приготовленное на этой кухне и вблизи этих вонючих блюд? Может, нам следует обсудить, достоин ли *ты* звания разумного существа?

Если смотреть с такой точки зрения, то резон в его словах был. Я вдруг почувствовал себя далеко не таким умным, каким считал несколько мгновений назад.

– Чем могу служить, *сэр*?

Материализовавшийся рядом со мной изверг держался столь чопорно-официально, что я почему-то подумал о фигурах, восседающих на свадебном торте. Он каким-то образом сочетал технику раболепства с привычкой глядеть на тебя сверху вниз. А еще говорят, будто официанты не поддаются обучению!

– Ну, мы... то есть я...

– А! Стой-лик на *однофо*!

Я вообще-то готовился сыграть отступление, но этот парень не собирался предоставлять мне такой возможности.

Столы и стулья, казалось, раздвигались на пути перед ним, когда он следовал по залу, как парусный корабль сквозь водоросли, таща меня за собой в кильватере. Когда мы проходили,

головы посетителей поворачивались в нашу сторону, и начинались шепотки. Если они пытались вычислить, где видели меня раньше, то разговор наш здесь мог затянуться.

– Жаль, что я не подумал приодеться, – шепнул я Кальвину. – Заведение это весьма классное. Удивляюсь, как меня впустили без галстука.

Джинн выстрелил в меня взглядом.

– Не знаю, что тебе сказать, Скив, но ты вроде одет и даже в галстуке.

– О! Верно.

Я и забыл, что изменил в такси свои чары личины. Одна из трудностей с ними в том и состоит, что сам я не вижу результата своей работы. Я хоть и достиг такого уровня, что могу без особого напряжения поддерживать иллюзию, но тем не менее иногда забываю, в каком облике нахожусь.

Я плюхнулся на отодвинутый для меня стул, но отмахнулся от предложенного меню.

– Как я понимаю, вы подаете блюда из других измерений?

Изверг отвесил легкий полупоклон.

– Да. У нас есть широкий фыбор на самый распорчифый фкус.

Я понимающе кивнул:

– Тогда скажите официанту, пусть принесет мне что-нибудь пентийское... и подходящее вино.

– Отлично, сэр.

Он осторожно удалился, предоставив мне изучать наших сотрапезников. Было слишком оптимистичным надеяться, что случайное совпадение приведет Ааза в тот же обеденный зал, но посмотреть не мешало.

– Ты управился с этим довольно гладко.

– С чем именно, Кальвин? А, с заказом? Спасибо.

– Ты действительно настолько уверен в себе?

Прежде чем ответить, я взглянул на ближайшие столики, не подслушивает ли кто.

– Я уверен, что не смог бы даже прочесть это меню, – тихо сказал я. – А попытка прикинуться читающим заставила бы меня выглядеть еще большим дураком. Я просто следовал общему правилу: «Если сомневаешься – доверься официанту». Обычно оно действует.

– Может быть, – заметил Кальвин. – Однако не всякий официант – изверг. Думаю, это слишком смело с твоей стороны.

Джинн определенно обладал талантом заставлять меня тревожиться из-за уже принятых решений.

К счастью, как раз принесли вино. Я нервно проделал ритуал с опробованием, а затем просто присосался к стакану. Соединение нервозности и жажды заставило меня выдуть первые три бокала подряд не останавливаясь.

– Ты не особо налегай на эту микстуру, пока не вложишь в себя немного еды, – с нажимом посоветовал Кальвин.

– Не беспокойся, – отмахнулся я. – Ааз мне всегда повторял одну премудрость: «Если не уверен насчет пищи в измерении, то питайся выпивкой».

– Он тебе это говорил, да? Ничего себе дружок. Скажи, пожалуйста, это когда-нибудь срабатывало?

– М-м?

– Питание выпивкой. Оно приносило тебе какую-то пользу или кучу неприятностей?

– О, куча неприятностей случалась с нами не раз. Как-нибудь напомни мне рассказать тебе о том, как мы однажды решили похитить Приз Большой Игры.

– Вы с Аазом?

– Нет. Я и... э... это была...

По какой-то причине мне стало трудно вспомнить, кто именно участвовал со мной в той операции. Я решил, что самым мудрым будет перевести разговор на иную тему, пока не принесут остальной заказ.

– Кто бы там ни был. Но уж коли речь зашла о бутылках, долго ли ты ждал, пока я вынул пробку из твоей?

– О, недолго для джинна. Я бы сказал, что ожидание длилось не больше...

– Тананда!

– Прости?

– Со мной была Тананда, когда мы пытались стащить тот Приз... во всяком случае, на первых порах.

– О...

– Рад, что скинул эту ношу. Итак, что ты говорил, Кальвин?

– Ничего важного, – пожал плечами джинн.

Он казался немного расстроенным, но мне думалось, я знал почему.

– Кальвин, я хотел бы извиниться.

Он немного расслабился.

– Да ничего, Скив. Просто дело в том...

– Нет, я настаиваю. С моей стороны было хамством не заказать чего-нибудь и тебе. Я ведь даже не поинтересовался, голоден ли ты. Просто как-то неловко было заказывать блюда для того, кого никто не видит. Понимаешь, что я пытаюсь сказать?

– Конечно.

Кажется, я снова сбил его с толку.

– Дело не в том, что я забыл о тебе, – продолжал я. – Просто подумал, что раз ты такой маленький, то много не съешь, и мы, вероятно, сможем разделить мой заказ. Теперь я вижу, что это обидно для тебя, и поэтому, если бы ты хотел заказать что-нибудь особенное...

– Разделить заказ с тобой будет вполне достаточно. Хорошо? А теперь давай оставим эту тему.

Что-то волновало джинна, и мои усилия изменить его настроение оказались, к сожалению, напрасными. Я подумал, а не махнуть ли на это рукой, но решил, что нельзя. Именно из-за такого равнодушия и черствости и возникла ситуация с Аазом.

– Скажи-ка... м-гм... Кальвин?

– А теперь что?

– Я явно расстроил тебя, а мои попытки исправить положение только ухудшают дело. Мне не хотелось быть к тебе невнимательным, но это, похоже, произошло. Если я теперь не в силах что-либо изменить, то, может, скажешь по крайней мере, как избежать повторения ошибки?

– Вино не помогает.

Услышав короткий ответ Кальвина, я кивнул. Он был прав. Вино подействовало на меня сильнее, чем я ожидал. Мне стало трудно понимать, о чем он говорил.

– Оно не помогает... но беда не только в этом, – сказал я. – Спиртное всего лишь усиливает положительные и отрицательные качества, но может сделать мои неприятные привычки еще более неприятными, но не оно им причина.

– Верно, – неохотно признал он.

– Поэтому выкладывай, – распорядился я. – Что во мне такого неприятного, раздражающего? Я стараюсь быть милым парнем, но в последнее время это не всегда получается. Сперва с Аазом, а теперь и с тобой.

Джинн колебался, прежде чем ответить.

– Я знаю тебя не так давно, Скив. И могу высказать только первое впечатление.

– Так давай первое впечатление. Я действительно хочу...

– Ваш обед, сэр!

Проводивший меня к столику изверг снова объявился, на этот раз с официантом на буксире. Этот молодец едва ли не шатался под тяжестью огромного блюда под крышкой, от которого подымался соблазнительный пар.

Мне отчаянно хотелось услышать, что хотел сказать Кальвин, но вид блюда напомнил мне, как отчаянно я проголодался. Очевидно, джинн почувствовал мое затруднительное положение.

– Давай, Скив, поешь, – сказал он. – Я подожду, пока ты закончишь.

Благодарно кивнув, я переключил внимание на изверга.

– Запах вкусный, – сумел произнести я с искренним удивлением. – Что это?

– Одно из фирменных блюд! – просиял он, протягивая руку к крышке. – С Пента!

Крышка театрально исчезла, и я оказался лицом к лицу с кем-то другим из моего родного измерения. К несчастью, не он подавал фирменное блюдо... он сам им и был! Поджаренный, с мертвой крысой в зубах для украшения.

Я совершил единственное, на что был способен.

Я бухнулся в обморок.

Глава восьмая

Никогда нет поблизости фараона, когда он тебе нужен!
А. Капоне

– СКИВ!

Голос донесся, казалось, издалека.

– Брось, Скив! Кончай с этим! Мы в беде!

Это дошло до моего сознания. Я сперва не мог сориентироваться, но если мне было чего и не нужно, так это новых бед. *Новых* бед? Что за... потом! Надо разобраться с тем, что происходит сейчас!

Я заставил себя открыть глаза.

Представшая передо мной сцена воскресила у меня в памяти основные моменты происшедшего. Я был в ресторане... а если точнее, на полу... надо мной навис изверский официант... и еще полицейский!

Сперва я подумал, что это тот, с которым мы сталкивались ранее, но ошибся. Сходство, конечно, было потрясающее, они казались просто родными братьями. Оба обладали одинаковыми квадратными челюстями, широкими плечами и большим пузом, не говоря уже о жестком блеске в скучающих глазах.

Я с трудом сел, но покачнулся, когда на меня нахлынула волна головокружения.

– Держись, Скив! Для разговора с этим тебе придется пораскинуть мозгами!

Кальвин парил с озабоченным лицом.

– Ч... что случилось? – произнес я.

И слишком поздно вспомнил, что вижу и слышу джинна только я. А вот как насчет других, готов ли я к разговору с ними или нет, – этого я и сам не знал.

– Похоже, ты упал в обморок, приятель, – уведомил меня полицейский.

– Я думаю, он просто не хочет платить са какасанное блюдо.

Сказал это проводивший меня к столику изверг, и его слова заставили меня вспомнить все. Фирменное блюдо с Пента!

– Он подал мне на блюде зажаренного пентюха! – навел я дрожащий, но обвиняющий перст на изверга.

– Это так?

Полицейский покосился одним глазом на этого изверга, и тот сильно разволновался.

– Чушь! Подават расумный сусщества бес лицензии протифосаконно. Сами фидить, сершант, это фсефо лишь подолие.

А ведь верно, он был прав! Лежавшая на блюде фигура была на самом деле сложена из кусков мясной вырезки, а промежутки между ними заполняло нечто похожее на обычную выпечку. Крыса казалась настоящей, но я, признаться, не очень приглядывался. Зрелище, скажу я вам, получилось ужасающе реальным.

Полицейский пристально изучил блюдо, прежде чем снова переключить внимание на официанта.

– А вам не кажется чуточку рискованным подавать пареньку то, что напоминает его собратьев?

– Но он не походил на них, когда фошел! Я фсефо лишь подал ему, чефо он просил... чефо-нипуть с Пента!

Вот тут-то я и осознал, что моих чар личины больше нет. Должно быть, упав в обморок, я утратил контроль над ними. Впрочем, когда именно они исчезли, теперь было не столь важно

– важно, что они пропали. Теперь все без исключения увидели меня таким, каким я был на самом деле... пентюхом!

Полицейский обратил взгляд ко мне и изучал меня с нездоровым интересом.

– Ах вот как, – протянул он. – Потрудитесь-ка мне объяснить, как получилось, что вы пришли в личине в такое приличное заведение? Ведь не собирались же вы скрыться, не заплатив по счету, не так ли?

– Просто дело в том... – Я замолк, пока не прошла волна головокружения. – Я слышал, что на Извре можно рассчитывать на лучшее обслуживание и более низкие цены, если ты местный житель.

– Плохой ответ, Скив, – прошипел Кальвин, но я уже и сам понял это.

Полицейский сделался на несколько оттенков темнее, и голова у него почти исчезла в шее. Хотя говорил он по-прежнему приветливым тоном, но слова явно подбирал с трудом.

– Вы хотите сказать, что в нашем измерении полно обираловок и воров? Именно это вы говорите?

Я слишком поздно понял свою ошибку. Ааз всегда гордился тем, что изверги отличаются особым умением извлекать прибыль. Мне не приходило в голову, что некоторые могут счесть это оскорблением.

– Вовсе нет, – поспешно заверил я полицейского. – Я полагал, что тут, как и в любом другом месте... что наилучшие услуги и низкие цены достаются прежде всего местным, а гости получают что остается. Просто я пытался воспользоваться небольшим преимуществом, вот и все.

Такое оправдание показалось мне весьма удачным. Однако на полицейского оно не произвело впечатления. Он не улыбаясь извлек откуда-то блокнот и карандаш.

– Имя?

Голос у него был ровным и негромким, но в нем слышались нотки раздражения.

– Послушайте. Я оплачу заказ, если все дело в этом.

– Я не спрашиваю, оплатите ли вы заказ. Я спрашивал, как вас зовут. Так вот, вы намерены назвать ваше имя здесь или нам придется пройти в участок?

Кальвин вдруг снова воспарил передо мной.

– Лучше скажи ему, Скив. – Тон у него соответствовал обеспокоенному выражению лица. – Этому копу, похоже, жожа под хвост попала.

Этот его перл привел меня в полное замешательство.

– Чего ему куда?

Полицейский оторвал взгляд от блокнота.

– А как это имя пишется?

– М-гм-м... забудьте об этом. Запишите просто Скив. Меня зовут именно так.

Его карандаш быстро забегал, и мне подумалось, что ошибка сошла мне с рук. Увы, не повезло.

– ...А то, что вы называли раньше?

– Так, ничего. Просто кличка.

Даже мне такое объяснение показалось слабым. Кальвин застонал, когда полицейский одарил меня суровым взглядом, прежде чем нацарапать еще несколько замечаний в свой блокнот.

– Прозвище, да? – пробормотал он себе под нос.

С каждой минутой дело, казалось, шло все хуже и хуже.

– Но...

– Место проживания?

– «Новая гостиница».

Мои протесты только ухудшали положение, и я решил отвечать на любые вопросы, какие он вздумает задать, честней и проще.

– В отеле, да? – Карандаш забегал еще быстрее. – А ваше постоянное место жительства? – Базар-на-Деве.

Полицейский перестал писать. Подняв голову, он внимательно посмотрел на меня.

– А я думал, что вопрос с личинами решен, – проговорил он заметно небрежно. – Так скажите все же, господин Скив, вы пентюх... или маскирующийся под пентюха девол?

– Я пентюх... на самом деле!

– ...Живущий на Деве, – мрачно закончил полицейский. – Это весьма дорогое местечко, приятель. Чем вы, собственно, зарабатываете на жизнь, раз можете позволить себе такой экстравагантный адрес... или вот оплачивать дорогие блюда, которые не собираетесь к тому же есть, если уж на то пошло?

– Я... э... работаю на корпорацию... М.И.Ф. Это кооператив консультантов по магии.

– В самом деле? – Полицейский не скрывал своего скептицизма. – И что же вы делаете для них такого, приятель, что им пришлось нанять пентюха вместо одного из местных ребят?

Возможно, я оправился от обморока, а возможно, его сарказм уже достал меня, но эти вопросы стали действовать мне на нервы.

– Я сам и президент, и основатель фирмы, – отрезал я, – и сам лично подбирал сотрудников, так что не им судить о моих качествах.

В действительности у них нашлось бы много чего сказать. Именно они и вознесли меня на мой нынешний высокий пост. Однако время было не самое подходящее для объяснений.

– Неужели? – Полицейский все еще давил, но сделался намного почтительней. – В вас, вероятно, есть нечто большее, чем видно с первого взгляда, *господин Скив*.

– Спокойно, Скив, – тихо предостерег меня Кальвин. – Давай не будем слишком агрессивны с представителями местного правопорядка.

Совет был хороший, и я попытался обуздать свой гнев.

– Если хотите, можете все это проверить, – бросил я официальным тоном.

– Я так и сделаю. Вы не против объяснить мне, что именно делает в нашем прекрасном измерении президент корпорации с Девы? Вы здесь по делу?

– Можно сказать и так.

– Хорошо. Тогда потрудитесь назвать мне наших граждан, с которыми ведете дела.

Я слишком поздно увидел ловушку. Если я бизнесмен, то у меня должны быть тут связи. Вам это может показаться глупым промахом, но вспомните мое недавнее прошлое. Большинство моих вылазок в различные измерения можно было отнести или к налетам, или к спасательным операциям. Поэтому мне не приходило в голову, что есть и иной способ заниматься бизнесом. Конечно, такое признание не улучшило бы впечатления обо мне у этого блюстителя порядка.

Я обдумал альтернативы. Может, наврать им с три короба и скрыться? Но все же наконец решил не отступать от правды.

– Я не имею дел с кем-то конкретно, – осторожно ответил я. – Суть в том, что я кое-кого разыскиваю.

– О? Значит, вы нанимаете служащих в свою корпорацию? Ищете, так сказать, наши местные таланты?

Это тоже звучало не слишком хорошо.

– Заверяю вас, вербовка не входит в мою задачу. Я пытаюсь найти своего... одного из моих сотрудников.

Полицейский чуть выпрямился и снова оторвал взгляд от блокнота.

– Это совсем другое дело, – протянул он. – Вы заполнили в участке запрос о пропавшем без вести?

Я попытался вообразить себе реакцию Ааза, если его заберет с моей подачи полиция. К счастью, мой мозг милосердно заблокировал такой образ.

– Шутите? Нет, конечно.

– Надеетесь разыскать его быстрее полиции?

Я приходил в отчаяние. Что бы я ни сказал, все оборачивалось против меня.

– Вообще-то он на самом деле не пропадал без вести. Послушайте, сержант, у меня вышла размолвка с моим старым партнером – между прочим, одним из основателей корпорации и извергом. Он в гневе отбыл и, надо думать, вернулся сюда, на Извр. Я хочу разыскать его и убедить возвратиться обратно в фирму или хотя бы извинюсь перед ним, чтобы мы могли расстаться друзьями. Поиск мой хоть и связан с бизнесом, но все же это дело личное.

Полицейский внимательно выслушал меня до конца.

– Так чего ж ты сразу не сказал, парень? – нахмурился он, захлопнув блокнот. – Да будет тебе известно, мое время слишком ценно, чтобы терять его на болтовню со всяким, кто хочет рассказать мне историю своей жизни.

– Неплохо сработано, Скив! – одобрительно подмигнул мне Кальвин. – Думаю, мы сняты с крючка.

Я не обратил на него внимания. Замечание полицейского о напрасной потере времени снова всколыхнуло во мне раздражение. В конце концов, ведь именно он и затеял этот допрос.

– Минуточку, – остановил я его, когда он уже намеревался отбыть. – Значит, вы не будете проверять мои слова?

– Скив! – взмолился джинн, но было уже слишком поздно.

– Есть какая-то причина этого не делать? – снова обернулся ко мне полицейский.

– Просто вы потратили столько своего драгоценного времени, задавая вопросы по поводу простого обморока, что мне было бы очень неприятно, если б вы потеряли его еще больше.

– Не пытайтесь меня учить, как мне выполнять мою работу, *господин* Скив, – прорычал он, приблизив свое лицо вплотную к моему. – К вашему сведению, я не уверен, что все обстоит так просто, как вы тут расписывали.

– Неужели?

Этот едкий вопрос сорвался у меня с языка, и я вдруг осознал, что выбрался из трясины полностью.

– Именно так. Перед нами вроде бы мелкое происшествие в ресторане, вот только центральная фигура этого происшествия оказывается путешественником в личине. И что еще важнее, он из другого измерения и привык пользоваться кличками, хотя утверждает, будто честный бизнесмен. Никто из местных не может поручиться за него или каким-то образом подтвердить его рассказ. Разве это не кажется вам немного подозрительным?

– Ну, если так ставить вопрос...

– А как же?! Я уже говорил, что мы в участке очень заняты. И несмотря на весь этот бред, вы кажетесь достаточно безобидным, поэтому я и не вижу смысла копать глубже. Только запомните, приятель, я занес вас к себе в книжку. Если что случится, в следующий раз вы не встретите у меня такого понимания!

С этими словами он круто повернулся и строевым шагом вышел из ресторана.

– Еле пронесло, – присвистнул Кальвин. – В последний раз тебе не следовало возникать. Я пришел к тому же выводу и кивнул в знак согласия.

Официант все еще ошивался поблизости, и поэтому я просигналил ему подать счет. Не хватало мне еще обвинения в попытке уйти не заплатив.

– Куда же мы тронемся дальше? – спросил джинн.

– Думаю, уладим дело здесь и направимся обратно в отель немного соснуть. Два столкновения с полицией в день – это уже слишком.

– Но ты же ничего не поел.

– Поем завтра. Как я сказал, меня не прельщает мысль рискнуть еще раз столкнуться с законом... даже случайно.

Несмотря на свой собственный совет быть помягче с полицией, джинн не испытывал озабоченности.

– Не беспокойся. Пока это были только разговоры. Что они могут тебе сделать? Никакой закон не запрещает быть вежливым на улице или терять сознание в ресторане.

– Они могут провести проверку. Я не в восторге от полиции, сующей нос в мои дела.

Джинн бросил в мою сторону недоуменный взгляд.

– Ну и что, если так? Это досадно, но не повод для беспокойства. У тебя же нет приводов в полицию, связей с организованной преступностью или чего-нибудь в этом роде.

Я подумал о Доне Брюсе и Синдикате. Моя работа с ними оказалась далеко не столь безвредной, какой представлялась, когда я согласился занять пост представителя Синдиката на Деве. К счастью, на Деве никто об этом не знал, кроме моей команды, а они вряд ли станут болтать. И все же, учитывая, как мне в последнее время везло, не стоило подвергать себя полицейской проверке. Я также не видел смысла беспокоить Кальвина откровением, на какой бочке с порохом я сижу.

Глава девятая

Надо с чего-то начать.

С. Макдак

На следующее утро я не собирался рано вставать. Конечно, мне не терпелось отыскать Ааза и все такое, но ведь так редко выпадет случай поваляться в постели лишнюю пару часов. Наши дела всегда шли довольно бурно, и я обычно отпрашивался в контору пораньше, чтобы выполнить какую-то работу прежде, чем начнется ежедневный парад вопросов и проблем. Даже когда я решал поспать подольше, вставали другие, и мне тоже поневоле приходилось подниматься, чтобы присоединиться к их важному или интересному разговору. Теперь, когда у меня появилась возможность побездельничать, я намеревался воспользоваться этим по полной программе. К тому же ночь из-за всех этих неприятностей с рестораном и полицией выдалась нелегкая.

К несчастью, весь остальной мир, похоже, настроился против меня.

Мне и задремать-то удалось с трудом из-за непривычного шума уличного движения. А когда я все же наконец уснул, то в двери моего номера энергично постучали.

– Что такое? – крикнул я спросонок, с трудом раздирая глаза.

В ответ дверь открылась, и в номер влетел коридорный, вчера принесший мой багаж.

– Извините, что так рано беспокою вас, господин Скив, но там...

Он внезапно умолк и оглядел весь номер. Я попытался сообразить, что он ищет, когда коридорный опять переключил внимание на меня.

– Господин Скив? – снова обратился он ко мне голосом столь же неуверенным, как и его поведение.

– Да? – отозвался я, пытаясь обуздать свое раздражение. – Вы хотели мне что-то сказать? Надо полагать, что-то не терпящее отлагательства?

Если я надеялся осадить его, то потерпел обидное поражение. При звуке моего голоса лицо у него просветлело, и он заметно успокоился.

– Так, значит, это все-таки *вы*. Ловко же вы меня провели! Вы теперь совсем другой.

Мне потребовалась секунда, прежде чем я сообразил, о чем он говорит. А затем я вспомнил, что не возобновлял своих чар личины после ночного столкновения с законом. Допускаю, что может возникнуть легкое потрясение, когда ожидаешь обнаружить изверга, а вместо этого болтаешь с пентюхом. Я подумывал, не навести ли чары вновь, но потом принял мгновенное решение оставить все как есть. Личина изверга скорее причиняла мне неприятности, чем предотвращала их. Попробую побыть денек самим собой и посмотрю, как пойдут дела.

– Личина, – снизошел до объяснения я. – А в чем дело?

– Ну, там... *Это* опять личина или как?

– Это мой настоящий облик, если это имеет значение. А теперь все же скажите, в чем дело?

– О, для меня это не имеет значения. В нашем отеле бывает народ из всяких странных измерений. Я всегда говорю, не важно откуда они, лишь бы золото...

– В ЧЕМ ДЕЛО?

Я обнаружил, что моя терпимость к пустой болтовне прямо пропорциональна времени, затраченному на сон, и сегодняшний день не стал исключением.

– О, извините. Там внизу таксист, и он говорит, что ждет вас. Я думал, вы захотите узнать...

Я почувствовал, что главное слово тут «ждет», но от понимания коридорного это, похоже, совершенно ускользало. И все же я теперь проснулся, и мои поиски нисколько не ускорятся, если я буду торчать в номере.

– Ладно. Скажите ему, что я спущусь через несколько минут.

– Разумеется. О... я вот еще о чем хотел спросить вас... Ничего, если этот парень, Ааз, узнает, что вы его ищете?

Над этим мне пришлось немного подумать. Конечно, Ааз отбыл, не поговорив со мной, но я не думал, что он станет прятаться, узнав о моем пребывании на Извре.

– С этим сложности возникнуть не должно. А что?

– Я думал поместить объявление в газете, но потом мне пришло в голову, что, возможно, он задолжал вам деньги или что-нибудь в таком духе, и поэтому решил сперва спросить у вас.

– Объявление в газете?

– Это ежедневный бюллетень, отпечатанный на бумаге, – снабдил меня информацией Кальвин, присоединяясь к нам, не закончив зевка. – Записки от одних граждан к другим... поздравления с днем рождения, послания жен к заблудшим мужьям и тому подобное. Многие люди постоянно читают их.

Это не походило на одно из увлечений Ааза, но всегда существовала возможность, что объявление прочтет кто-то из его знакомых и сообщит ему. В любом случае повредить это не могло.

– Да, верно. Объявление. Прощу меня извинить, я все еще толком не проснулся. Мысль, кажется, хорошая, – сказал я, шаря в поисках мелочи. – Сколько оно будет стоить?

К моему удивлению, коридорный сдерживающе поднял руку.

– Если не возражаете, господин Скив, стоимость его я оплачу сам.

– О?

– Разумеется. Но если дело выгорит, то сами понимаете, кто получит упомянутое вами вознаграждение.

С этими словами он сверкнул мне быстрой усмешкой и отбыл. Мне подумалось, что не мешало бы начать следить за своими расходами – для уверенности, что у меня хватит денег на выплату вознаграждения, если коридорный или один из его друзей сумеет отыскать Ааза.

– Каков же план на сегодня, Скив?

Кальвин последовал за мной в ванную и задал этот вопрос, когда я разглядывал в зеркале свое лицо. Мне теперь приходилось бриться, но нечасто, и я решил, что сегодня как раз пора. Забавно, когда я был моложе, мне не терпелось начать бриться, но теперь необходимость это делать стала казаться мне утомительной. И я понимал, почему некоторые мужчины предпочитают отпускать бороду.

– Нам не стоит сидеть здесь и ждать, не ответит ли Ааз на объявление коридорного, – сказал я. – Кроме того, сегодня оно все равно не даст никаких результатов. Считаю, нам следует немного поискать самим.

Как только я это сказал, то сразу понял всю банальность собственного изречения. Конечно, нам предстояло отправиться искать Ааза. Этим бы мы и занялись, не вмешайся коридорный со своей идеей насчет «объявления». Но Кальвин или ничего не заметил, или не стал заострять на этом внимания.

– По-моему, неплохо. С чего начнем?

Об этом я успел поразмыслить. И в итоге размышлений со смущением осознал, как мало мне известно о прошлом Ааза... или о прошлом любого из моих коллег, если уж на то пошло.

– Специализировался Ааз главным образом на магии и финансах. Давай немного пошуруем в этих кругах и посмотрим, не появится ли хоть какая-нибудь зацепка.

Но начало нашего поиска задержал один небольшой эпизод.

Мы только вышли из дверей отеля, и я, оглядываясь по сторонам в поисках Эдвика, заметил уличных торговцев. Они были там и вчера, в день нашего приезда, но я их по-настоящему не разглядел. Сегодня же они привлекли мое внимание хотя бы контрастом с ночными толкачами.

Ночные толкачи – народ крутой, хищный, готовый торговаться ради *части* ваших денег, если уж нет возможности просто ткнуть вас по башке и забрать все. Дневные же лоточники представляли собой малообеспеченных мелочных торговцев и тихо стояли за самодельными прилавками из чемоданчиков или ковриков, улыбаясь или расхваливая свой товар любому прохожему, какому случалось задержаться и взглянуть на развал. Держались они, если уж определять их манеру, довольно скромно и постоянно зыркали по сторонам, словно боялись быть замеченными в своем занятии.

– Интересно, чего это они остерегаются? – спросил я, обращаясь чуть ли не к самому себе. Я будто на мгновение забыл о присутствии Кальвина.

– Кто? Эти? Они, наверное, остерегаются полиции.

– Полиции? Почему?

– По обычной причине. То, чем они занимаются, – незаконно.

– Да?

У меня не было ни малейшего желания снова сталкиваться с полицией, но его слова просто озадачивали. Возможно, я что-то упускал, но почему-то не видел в деятельности уличных торговцев ничего непозволительного.

– Я все забываю, что ты с Базара-на-Деве, – рассмеялся джинн. – Видишь ли, Скив, в отличие от Базара почти везде для уличной торговли требуется патент. Судя по их виду, эти бедняги не могут себе его позволить. А если бы могли, то скорее открыли бы лавку, вместо того чтобы торговать на улице.

– Ты хочешь сказать, что у них нет выбора? Разве они не работают на какой-то большой концерт?

На Деве уличные торговцы обычно работали на более крупных бизнесменов, забирая утром товар и возвращая нераспроданный в конце смены. При этом они стремились выглядеть мелкой сошкой, чтобы привлечь туристов якобы низкой по сравнению с магазином или палаткой ценой «у этих бедных уличных лоточников». Мне не приходило в голову, что эти вот уличные торговцы могут оказаться мелкими частными предпринимателями.

– Совершенно верно, – ответил Кальвин. – Большинство этих людей вложили свои сбережения в... эй! Куда ты?

Я проигнорировал его, смело подходя к одному из торговцев, которого все-таки приметил накануне. Он там же и сидел – за ковриком, заваленным солнцезащитными очками и дешевыми браслетами. Мое внимание он привлек своей молодостью, он был моложе даже меня. Учитывая долгожительство извергов, это и в самом деле был очень юный возраст.

– Выбирайте, что вам по вкусу? – сверкнул он заостренными зубами, отчего мне бы сделалось не по себе, если бы я не привык к усмешкам Ааза.

– Позвольте задать вам несколько вопросов.

Улыбка исчезла.

– Вы кто? Репортер или что-то в этом роде?

– Нет. Просто любопытно.

Он нахмурился и быстро огляделся.

– Ладно, пока нет денежных клиентов. Время – деньги, знаете ли.

В ответ я бросил ему на коврик золотую монету.

– В таком случае считайте меня клиентом, покупающим у вас немного времени. Дайте мне знать, когда оно иссякнет.

Он сделал быстрый пасс рукой, и монета исчезла, тогда как улыбка опять вышла из укрытия.

– Уважаемый, вы только что приобрели мое внимание. Задавайте свои вопросы.

– Почему вы этим занимаетесь?

Улыбка растаяла, перейдя в гримасу.

– Потому что я богат и независим. И из любви к острым ощущениям сижу тут под дождем и бегаю от копов... а сами-то вы как думаете? Разумеется, я занимаюсь этим ради денег, как и все прочие.

– Нет. Я имел в виду, почему вы занимаетесь именно этим, вместо того чтобы найти нормальную работу?

Какой-то миг он изучал меня взглядом своих извергских желтых глаз, а потом чуть пожал плечами.

– Что ж, – сказал он. – Отвечу вам прямо. Работая на чужого дядю, сильно не разбогатеешь... особенно если речь идет о работе, на которую я только и способен. Видите ли, я не из богатой семьи. Мои родные не дали мне ничего, кроме имени. Когда я подросток, меня предоставили самому себе. Особым образованием я похвастаться не могу, да и связей у моей семьи нет. Хорошая работа у старого приятеля моего папочки мне не светит. И значит, начинать приходится с нуля... и закончил бы я, вероятно, тем же. Так или иначе, я не спеша подумал над этим и решил, что хочу от жизни большего.

Я попытался придумать, как бы потактичнее дать ему понять, что, на мой взгляд, избранный им вариант жизненного пути мало чем отличается от отвергнутого.

– Значит, вы считаете, что это лучше, чем просто работа на какое-то другое лицо?

Он гордо вскинул голову:

– Этого я не говорил. Я не собираюсь вечно заниматься этим. Это просто способ накопить первоначальный капитал для серьезного бизнеса. Я хоть и рискую всем, рассчитывая на свои собственные способности, но если дело выгорит, то буду получать прибыль вместо жалованья и смогу перейти к делам покрупнее. И главное, если добьюсь успеха, то смогу передать своим детям больше, чем оставили мне родители. А если не получится... что ж, терять мне особенно нечего.

– У вас есть дети?

– У кого, у меня? Нет... по крайней мере пока нет. Может, когда-нибудь будут. Сейчас, при теперешнем положении дел, я не могу себе позволить даже постоянную подружку, если вы понимаете, что я имею в виду.

Но я не понимал. У меня лично было много денег и никакой подружки. Поэтому я не имел ни малейшего представления о том, во что обошлось бы ее содержание.

– Значит, вы поставили перед собой благородную цель... нажить капитал и осчастливить тем самым своих будущих детей.

На это он рассмеялся, снова сверкнув зубами.

– Не пытайтесь выставить меня слишком хорошим, – поскромничал он. – Не буду вас обманывать. Я и сам не прочь жить получше... например, останавливаться в отелях или разъезжать на такси. Я попользуюсь всласть плодами своего труда, прежде чем оставить детям наследство.

Я вдруг осознал разницу в нашем материальном положении... то, о чем он мечтал, я привык принимать как должное. От такого осознания я почувствовал себя неловко.

– Да... Ну, мне пора. А какое оно?

– Какое что?

– Имя, которое вам дали ваши родители.

– Оно не такое уж замечательное, – состроил гримасу он. – Друзья зовут меня просто

Дж. Р.

И с этим я поспешил к поджидавшему меня такси.

– Ну и к чему было все это? – спросил Эдвик, когда я опустился на сиденье.

– Мне просто стало любопытно, что же движет этими уличными торговцами.

– Ими? Зачем забивать себе голову всякой чушью? Это просто группка захудалых толкачей, грызущихся из-за гроша. Им никогда никуда не пробиться.

Неожиданная горячность в его голосе меня удивила. Он явно старался подчеркнуть свою непринадлежность к низшему сословию.

По правде говоря, высказанная Эдвигом оценка уличных торговцев вполне соответствовала моей первоначальной реакции на его собственные предпринимательские усилия с такси и самиздатовской фирмой.

И когда я поразмышлял над разговором с Дж. Р., то понял, что мне повезло даже больше, чем я думал раньше, когда взялся изучать магию... сперва под руководством Гаркина, а потом и Ааза. Вовсе не требовалось сильно напрягать воображение, чтобы представить себя на месте уличного торговца... при условии, что у меня хватило бы первоначальной энергии даже для этого.

Мысль эта была, впрочем, не особенно утешающей.

Глава десятая

Не все финансисты одинаковы!
Р. Корман

– Так куда же мы направимся сегодня, господин Скив?

Слова Эдвика прервали мои размышления, и я с трудом сфокусировал внимание на ближайшей задаче.

– Либо поговорить с магами, либо с финансовыми воротилами, – прикинул я. – Я надеялся, что ты как наш верный местный гид посоветуешь, куда сунуться в первую очередь... и я просто Скив, а не господин Скив.

Это «господин Скив» начинало мне надоедать и в общении с коридорными, но там бесполезно пытаться что-то поправить. Если же мне предстояло следующие несколько дней разъезжать вместе с Эдвиком, то я счел нужным втолковать ему привычное мне обращение, чтобы не действовал мне на нервы.

– Ладно. Значит, Скив, – легко согласился таксист. – Так вот, с ходу, считаю, легче будет начать с финансовых кругов.

Я надеялся услышать от него другое, но, как отмечал ранее, нет смысла платить гиду, если не следуешь его советам.

– Идет. Я согласен. Но есть ли на то какая-то особая причина?

– Разумеется, есть. Прежде всего магией здесь занимаются многие. У нас есть школы, консультанты, кооперативы, артисты, организации по управлению погодой и защите жилищ... всевозможные их разновидности. И что еще важнее, они рассеяны повсюду. Мы можем прощупывать их целый год, и все равно мало чего добьемся. С другой стороны, финансистов не так много, и поэтому, если они вас интересуют, мы можем начать с них. Возможно, нам повезет и не придется иметь дело с магами.

Его небрежная лекция немного потрясла меня. Я только-только начал осознавать громадность задуманного мной дела. Я отвел лишь неделю, чтобы найти Ааза и убедить его вернуться. А теперь вот казалось почти невозможным управиться с этим за такой короткий срок, и все же я не мог позволить себе его увеличить, потому как помнил, что остальная команда борется без меня с королевой Цикутой. Я с усилием выкинул из головы всякие сомнения. Нужно по крайней мере попробовать. О том, что делать дальше, я подумаю в конце недели... не раньше.

– А какая другая причина?

– Простите?

– Ты сказал «прежде всего...» – обычно это подразумевает не одну причину.

Таксист метнул на меня через плечо быстрый взгляд.

– Совершенно верно. Ну, если честно, я чувствую себя не совсем уверенно в обществе магов... о присутствующих, конечно, не говорят. Прежде не было необходимости с ними общаться, и хотелось бы и впредь ничего здесь не менять. Но у меня есть приятель-финансист. Он, возможно, сумеет вам помочь. Как известно, большинство этих финансовых воротил знают друг друга. Я смогу устроить вам встречу с ним без предварительной договоренности.

Кальвин махал рукой, пытаясь привлечь мое внимание.

– Я бы не стал тебя беспокоить, – сказал он, – но твое время все-таки ограничено. Я ничего не имел против твоей болтовни с тем задрипанным уличным торговцем, но неужели ты и впрямь собираешься ухлопать полдня на разговоры с каким-то финансистом, который якшается с таксистами?

– Как ты познакомился с этим парнем? – поинтересовался я, не обращая внимания на слова джинна... хотя в какой-то степени был с ним согласен.

– Мы познакомились на аукционе произведений искусства.

– На аукционе произведений искусства?

Я старался не обнаружить в голосе свое недоверие, но оно каким-то образом проскользнуло. В ответ Эдвик развернулся на сиденье и посмотрел мне прямо в лицо.

– Да. На аукционе. А в чем дело? Думаете, я не способен ценить искусство?

Ящеры, запряженные в повозку, оказавшись предоставленными самим себе, принялись сворачивать к тротуару.

– Нет. Я хочу сказать, что раньше мне не приходилось встречаться с коллекционером произведений искусства. Сам я мало что понимаю в искусстве и поэтому удивился, вот и все. Не обижайся, – поспешно произнес я, пытаюсь не напрягаться, когда такси побрело обратно на нашу полосу.

– Вы спросили. Именно там мы и повстречались.

Таксист снова обратил внимание на дорогу, лихо выводя нас на курс.

– Вы оба облюбовали одну картину?

– Он предложил поддержать половину называемой мной цены, чтобы я мог продолжать борьбу... только шла она не из-за картины. А скорее из-за того, что вы назвали бы литературой.

Теперь я пришел в замешательство.

– Литературой? Но я думал, ты говорил об аукционе живописи.

– Да, но один писатель предложил изобразить кого-нибудь из присутствующих в своей следующей книге. Я знал этого писателя... даже напечатал интервью с ним в одном из моих журналов... и поэтому очень любопытно было посмотреть, как у него получится отобразить меня. Так или иначе, в конечном итоге на торгах остались только мы двое, цены росли весьма круто. Я думал, мне придется сдаться.

– Вот тут-то финансист и предложил поддержать вашу цену?

– В действительности он сперва сделал предложение другому парню. К счастью для меня, тот другой протаскивал свою жену и потому не согласился на сделку. Вот тогда-то Мотылек и обратился ко мне.

– Минуточку, Мотылек?

– Он называл себя так. Даже на деловых карточках. Но как бы там ни было, если бы он не включился в торги, пришлось бы провести пару часов, болтая с сексапильной женушкой какого-то парня, вместо того чтобы...

С этого момента я слушал трепотню Эдвика вполуха. Финансист по имени Мотылек, поддерживающий на аукционах цены, предлагаемые таксистами. Мне не нужно было смотреть на Кальвина, чтобы представить, как джинн театрально закатывает глаза, в которых угадывалось трагическое «я ж тебе говорил». И все-таки чем больше я думал об этом, тем больше укрепился в своей надежде. Этот Мотылек мог оказаться достаточно эксцентричным, чтобы что-то знать об Аазе. Я счел, что тут стоит попробовать.

Как ни странно это может показаться, я нервничал из-за встречи с Мотыльком, как и Эдвик, по его словам, из-за общения с магами. С магами я имел дело не один год и знал, чего ожидать... или, если мой опыт сколь-нибудь значил, чего *не* ожидать. О финансистах я такого сказать не мог. Я понятия не имел ни во что лезу, ни как себя вести. Я попытался успокоиться, напомнив себе, что этот финансист в прошлом имел дело с Эдвигом и поэтому не мог быть *слишком* щепетильным. И все же обнаружил, что нервно поправляю свои чары личины, пока таксист звонил из прихожей Мотыльку. Я все еще разъезжал в виде пентюха, но использовал чары личины для улучшения своего гардероба, чтобы *выглядеть* своим человеком в денежных кругах.

Я зря беспокоился.

Мотылек не воплотил никаких моих заранее составленных представлений или страхов о том, каков должен быть финансист. Прежде всего вместо внушительного кабинета и стен,

сплошь увешанных полками с книгами в кожаных переплетах и непонятными таблицами и графиками – как, по моему разумению, надлежало обитать солидному человеку, – он работал у себя на квартире, которая была поменьше моего кабинета, хотя и меблирована с большим вкусом. Да и одет он был небрежно: в брюках спортивного кроя и свитере пастельного цвета, – отчего я в моем тщательно продуманном и осуществленном с помощью чар личины прикиде почувствовал себя крайне неловко. К счастью, его обращение к нам оказалось теплым и дружеским, что несколько ослабило наше напряжение.

– Рад с вами познакомиться... Скив, не так ли? – протянул он руку.

– Да. Я... простите, что нарушаю ваш распорядок...

– Чепуха. Рад помочь. Я сам хозяин и себе, и своему времени. Пожалуйста. Присаживайтесь и почувствуйте себя как дома.

Однако, когда мы уселись, я понял, что не знаю, с чего начать разговор. Но Мотылек смотрел на меня с внимательным ожиданием, и я почувствовал, что обязан что-нибудь сказать.

– М-гм... Эдвик говорит, вы встретились на аукционе произведений искусства?

– Совершенно верно... хотя, признаться, для меня это было скорее прихотью. Эдвик куда более крупный коллекционер и знаток, чем я.

Таксист при этой похвале заметно приосанился.

– Заскочил я туда просто из любопытства. Прослышал, что аукцион пользуется репутацией весьма забавного, прихватил в банке пару тысчонок и отправился посмотреть. Аукционисты меня и в самом деле повеселили, торги шли довольно оживленно, но большая часть предлагавшихся произведений искусства не соответствовала моему декору. Поэтому когда выставили тот предмет...

Я попытался сохранять заинтересованное выражение лица, но мысли мои крутились не вокруг его рассказа. Я все размышлял о той непринужденности, с какой он произнес «прихватил пару тысчонок». Я лицезрел совершенно другого изверга, не такого, как Ааз. Мой старый партнер охотней расстался бы не моргнув глазом с парой пинт собственной крови, но не с золотом.

– ...Но в дальнейшем все обернулось к лучшему.

Мотылек заканчивал свой рассказ, и я, само собой, рассмеялся вместе с ним.

– Расскажите ему о своем друге, Скив.

– Совершенно верно. Я все мелю и мелю, а мы даже и не вникли в вашу проблему, – кивнул финансист, подавшись в своем кресле вперед. – Эдвик говорил, вы пытаетесь разыскать кого-то, возможно, известного своей деятельностью в наших финансовых кругах.

– Я не уверен, что вы сможете помочь, – начал я довольный, что мне не пришлось обращаться к моей теме самому. – Он уже не один год живет в другом измерении. Его зовут Ааз.

Мотылек задумчиво поджал губы.

– Имя это ничего мне не говорит. Конечно, в нынешние времена конгломератных корпораций и акционерных компаний имена мало что значат. Вы не могли бы сказать что-нибудь о его стиле?

– О его стиле?

– Как бы вы описали его отношение к деньгам? Он кто, азартный игрок? Любитель?

При этих словах я невольно рассмеялся:

– Ну, пожалуй, к нему более применимы такие слова, как «скаредный» и «прижимистый».

– Бывает «скаредный», а бывает и «осторожный», – улыбнулся Мотылек. – Наверно, вам лучше рассказать о нем побольше фактов, а уж я бы их проанализировал.

И я рассказал ему. Слова, стоило мне начать, сразу так и хлынули из меня.

Я рассказал ему о встрече с Аазом, когда он застрял в моем родном измерении Пент после неудачной шутки, лишившей его магических способностей, и о том, как он взял меня к

себе в ученики после того, как мы сорвали план Иштвана захватить власть над измерениями. Я рассказал ему о том, как Ааз убедил меня добыть себе пост придворного мага королевства Поссилтум. И о том, как это привело к нашему столкновению с армией Большого Джули и к тому же окунуло меня в прелести бюрократической возни. Он сочувственно посмеялся, когда я рассказал ему, как мы с Танандой попытались похитить Приз Большой Игры в подарок Аазу на день рождения, и о том, как нам пришлось собрать свою команду и вызвать на матч две местные после того, как Тананда попала на той краже. Его позабавило, как я влип, работая под короля Родрика, как заполучил в ученицы Машу, хотя больше всего его заинтересовало то, как мы нейтрализовали стремления Синдиката проникнуть на Базар-на-Деве и стали в конечном итоге работать на обе стороны. Я даже рассказал ему о нашей короткой вылазке на Лимбо, когда Ааза обвинили в убийстве вампира, и о своей еще более короткой карьере игрока в драконий покер, вынудившей меня и моих друзей сражаться против Малыша Мятный Заход и Топора. И наконец я попытался ему объяснить, как мы расширили наше предприятие в корпорацию, и завершил свой рассказ описанием того, как Ааз ушел, оставив записку, в которой объявлял себя, лишенного способностей, никому не нужным.

Мотылек выслушал все это, и когда я наконец умолк, он много долгих минут оставался неподвижен, явно переваривая услышанное.

– Могу сказать вам только одно, – проговорил он наконец. – Ваш друг не финансист... ни здесь, на Извре, ни в любом другом месте, если уж на то пошло.

– Разве? Но он же всегда говорит о деньгах.

– О, быть финансистом – это нечто большее, чем разговоры о деньгах, – рассмеялся Мотылек. – Вся идея-то в том и состоит, чтобы заставить деньги работать через вклады. О вашем Аазе, пожалуй, с уверенностью можно сказать только то, что он большой дилетант по части денег. Скорее это вы показали заметные предпринимательские наклонности, успешно руководя компанией и направляя акции в другие виды бизнеса. Наверное, как-нибудь в будущем мы немного потолкуем о возможностях совместных вкладов.

Все это, разумеется, льстило моему самолюбию, и при других обстоятельствах я бы с удовольствием подробно потолковал с Мотыльком про обращение с деньгами. К несчастью, я не мог уйти от разочарования из-за сути сказанного... что он никак не сможет мне помочь разыскать Ааза.

– Спасибо, но пока мне лучше сосредоточиться на главном, а главное для меня сейчас – найти старого партнера.

– Сожалею, что не смог помочь, – произнес, поднимаясь на ноги, финансист. – Впрочем, скажу еще кое-что, Скив, если вы не возражаете против небольшого совета.

– Какого именно?

– Вы можете играть более активную роль в собственной жизни. Понимаете?... Активную вместо реактивной.

Я резко остановился в уже открытой двери:

– Простите?

– Ничего. Это так, просто одна мысль.

– Ну а нельзя немного поподробней? Подождите, Мотылек! Не заставляйте меня голову ломать над вашей репликой.

– Вообще-то это не мое дело, – пожал плечами он, – но во время вашего рассказа я не мог не заметить, что вы, похоже, строите свою жизнь от кризиса к кризису и, вместо того чтобы активно влиять на происходящее, реагируете только на них. Ваш старый партнер и наставник свалился вам на шею, и вы двое объединили силы с целью остановить кого-то способного убить вслед за Гаркином любого из вас. Устроиться работать придворным магом вас заставил именно Ааз, и с тех пор вы всегда уступали давлению, реальному и мнимому, со стороны почти всех и вся в вашем окружении: Тананды, Маши, Синдиката, Торговой палаты Девы... даже этот, как

там бишь его, Гримбл и тот вояка Плохсекир нажимали на вас. Мне просто кажется, что для столь преуспевающего деятеля, каковым вы являетесь, вы действительно не проявили большой находчивости или инициативы.

Его слова подействовали на меня подобно ушату холодной воды. Кто только из умников на меня не кричал, но спокойная критика Мотылька почему-то ранила меня глубже, чем все разносы, когда-либо полученные мной от Ааза.

– Все это не так просто... – начал было я, но финансист меня оборвал:

– Понимаю и вовсе не намерен учить вас жить. Боюсь, этим кто только не занимался. Вам ведь не раз приходилось сталкиваться с сильными натурами. И этот малый Ааз, похоже, преуспел в наставничестве более других. Так вот, я знаю, вы озабочены из-за вашей дружбы, но все же на вашем месте крепко бы подумал, прежде чем приглашать его вернуться в мою жизнь, – во всяком случае, пока не определился бы в своей собственной жизненной позиции.

Глава одиннадцатая

Как же получилось, что мне задают все эти тяжелые вопросы?
О. Норт

– Скив! Эй, Скив! Ты не мог бы немного потише?

Слова наконец пробились сквозь вызванный мной самим туман, и я замедлил шаг, давая Кальвину догнать меня.

– Уф! Спасибо, – произнес джинн, паря на своем уже привычном месте. – Я ж тебе говорил, что не очень силен. Даже парение, знаешь ли, требует энергии. Ты что, рекорды устанавливаешь?

– Извини, – коротко отозвался я, больше по привычке, чем по какой-то иной причине.

По правде говоря, в тот момент удобства джинна занимали меня далеко не в первую очередь. После того как мы вышли от Мотылька, я попросил Эдвика отвезти нас к отелю. Однако, вместо того чтобы подняться к себе в номер, я направился вперед по тротуару. Уличный торговец, с которым я ранее разговаривал, дружески помахал мне рукой в знак приветствия, но я ответил на это лишь кивком головы. Замечание Мотылька о моей жизни вызвало у меня в голове целый взрыв мыслей, и я счел, что быстрая прогулка поможет мне их упорядочить.

Уж не знаю, долго ли я шел, прежде чем мольба Кальвина резко сорвала меня с мысленной карусели. У меня остались лишь смутные воспоминания о том, как я проталкивался сквозь поток пешеходов и рычал на тех, у кого не хватало проворства вовремя убраться с моего пути. Полиция порадовалась бы при виде этого... всего два дня на Извре, и я уже ходил по улице словно местный.

– Слушай, ты не хочешь поговорить об этом? Присели бы где-нибудь, что ли?

Я посмотрел на джинна пристальней. Он действительно выглядел усталым, лицо у него сделалось полосатым от струек пота, а грудь так и вздымалась, когда он пытался перевести дух. Странно, сам я совсем не чувствовал переутомления.

– О чем поговорить? – буркнул я, сознавая, что слова выходят из меня с натугой и напряжением.

– Брось, Скив. Сказанное Мотыльком расстроило тебя. Не знаю почему, но мне его слова показались очень неплохим советом, но если ты выговоришься, будет легче.

– С чего мне расстраиваться? – огрызнулся я. – Он всего-навсего бросил вызов тем принципам, по которым я жил, и предположил, что мой лучший друг – самое худшее обстоятельство в моей жизни. С какой стати это должно меня волновать?

– Ни с какой, – невинно отозвался Кальвин, – если, конечно, он не прав. А то бы я понял, почему это все-таки тебя взволновало.

Я открыл было рот, чтобы опять сердито огрызнуться, но промолчал. Мне действительно нечего было сказать. Джинн огласил то, в чем сам я боялся себе признаться.

– ...И никуда от этого не убежишь! Тебе придется с этим разобраться прежде всего ради себя самого... да и не только, если уж на то пошло.

Голос Кальвина долетал до меня откуда-то сзади, и я сообразил, что снова ускорил шаг. И в тот же миг я понял, что он прав, я и в самом деле пытался убежать от вопросов, убежать в прямом и переносном смысле слова. С осознанием этого на меня одновременно обрушились психологическая и физическая усталость, и я сбавил скорость, почти остановившись посреди тротуара.

– Вот так-то лучше. Можем мы теперь поговорить?

– Разумеется. Почему бы и нет? К тому же у меня сильное желание чем-нибудь наполнить желудок.

Джинн театрально вздрогнул:

– Уй! Ты хочешь сказать, нам предстоит опять посетить ресторан? Призабыл, что случилось в прошлый раз?

Я невольно улыбнулся его иронии:

– Вообще-то я думал больше о выпивке.

Говоря это, я оглядывался по сторонам в поисках бара. На Извре одно хорошо: где бы ты ни оказался, всегда поблизости найдется хотя бы одно заведение, подающее спиртные напитки. Место, где оказались мы, не стало исключением. К тому же я настолько здесь освоился, что легко обнаружил такое заведение совсем рядом.

– Это местечко не хуже любого другого, – заметил я, взявшись за ручку двери. – Пошли, Кальвин, первый круг за мой счет.

Мое предложение было, конечно, шуткой, так как я не видел, чтобы джинн чего-нибудь ел или пил с тех пор, как я выпустил его из бутылки. Однако эта идея почему-то его взволновала, и он немного от меня поотстал, вместо того чтобы двигаться рядом.

– Подожди, Скив, по-моему, нам не следует...

Я не стал задерживаться, чтобы дослушать его. Какого черта, мысль-то эту подал он... в какой-то степени. Борясь с волной раздражения, я протолкался в помещение бара.

На первый взгляд заведение это казалось немного убогим. Так же как на второй и на третий, хотя мои глаза не сразу привыкли к тусклому свету. Зал был небольшим, места в нем едва хватало для полудюжины жавшихся друг к другу крошечных столиков. Стены украшали отклеивающиеся фотографии и вырезки, хотя что на них изображалось, я сказать не мог ввиду затемнявшей их поверхность глубоко въевшейся грязи. Вдоль одной стены шла небольшая стойка с табуретами, где сгорбились, беседуя с барменом, трое подозрительных на вид типов. Когда я обзирал заведение, они прекратили разговор и бросали в мою сторону холодные, недружелюбные взгляды, хотя было неясно, что, собственно, вызывало их враждебность – что я просто незнакомец или что из иного измерения. Мне пришло в голову, что я по-прежнему ношу вызванный чарами личины деловой костюм, который определенно выделялся на фоне темных, потрепанных нарядов завсегдатаев. Я даже подумал, что это не самое подходящее место для тихой выпивки.

– По-моему, нам следует убраться отсюда, Скив.

Не знаю, когда Кальвин опять присоединился ко мне, но он снова парил рядом. Слова его отражали мои мысли, но из упрямства я вдруг занял противоположную позицию.

– Не будь снобом, Кальвин, – прошептал я. – К тому же идея-то где-нибудь посидеть принадлежала тебе, не так ли?

Прежде чем он успел ответить, я подошел к одному из столиков и плюхнулся на стул, подняв руку, сигналив бармену. Тот проигнорировал мой жест и вернулся к разговору с выпивохами.

– Брось, Скив. Давай поймаем такси и вернемся в отель, там и поговорим, – принялся уговаривать меня Кальвин. – Ты не в таком душевном состоянии, чтобы начинать пить. Это лишь ухудшит дело.

В его словах содержалось много здравого смысла. К несчастью, при том настроении, в каком пребывал я, он не играл никакой роли.

– Ты же слышал, что сказал Мотылек, Кальвин. Я позволял слишком многим вертеть моей жизнью, выслушивая их доброжелательные советы. Мне надо было почаще делать то, что хочется мне... а в данную минуту мне хочется именно выпить... и именно здесь.

Мне подумалось, что он станет спорить, но он вздохнул и опустил на мой столик.

– Как скажешь, – покорился он. – Наверное, каждый имеет право время от времени свалить дурака.

– Что будем пить?

Над моим столиком обрисовался бармен, избавив меня от необходимости придумывать сокрушительный ответ на шпильку Кальвина. Очевидно, теперь, утвердившись в своем праве не подходить, когда его зовут, он решил-таки взять у меня заказ.

– Я...

Мне вдруг расхотелось вина. К несчастью, я разбирался в выпивке так же плохо, как и в противоположном поле.

– ...О, дайте мне то, что пьют там у стойки.

Бармен крикнул, то ли одобрительно, то ли неодобрительно, и отбыл, вернувшись спустя несколько мгновений со стаканчиком жидкости, который бухнул на столик с такой силой, что часть содержимого выплеснулась через край. Может, я ничего и не разобрал, но стаканчик казался мне наполненным янтарной жидкостью с пузырьками, собиравшимися наверху в пену.

– Вам надо заплатить за порцию, – фыркнул он, словно это было оскорблением.

Я выудил из кармана пригоршню мелочи и, бросив ее на стол, потянулся рукой за стаканом.

Некоторые из вас, возможно, недоумевают, откуда у меня такая готовность экспериментировать с незнакомой выпивкой после всего сказанного мной о пище на Извре. Ну, по правде говоря, я в какой-то степени чувствовал, что моя затея кончится катастрофой. К тому времени я уже достаточно поостыл, чтобы признать правоту Кальвина насчет возвращения в отель, но помня, как только что шумел о независимости в решениях, не счел для себя удобным передумать. В какое-то мгновение мне пришло в голову, что если меня стошнит от новой выпивки, то это будет прекрасным предлогом для изменения прежнего решения. Вот с этим я и поднес стакан ко рту, и пригубил.

Ударившая мне по горлу ледяная вспышка вызвала такое удивление, что я невольно сделал еще один глоток... и еще один. Я и не сознавал, как мучит меня жажда после стремительной прогулки, пока не осушил стакан до дна, не отрываясь и не переводя дух. Чем бы там ни было это варево, оно показалось мне чудесным, а оставленный им слегка горьковатый привкус лишь напомнил мне, что я хочу еще.

– Прошу повторить мой заказ, – обратился я к все еще разбиравшему мои монеты бармену. – И нельзя ли принести его в сосуде побольше?

– Могу принести вам кувшин, – пробурчал он.

– Отлично... и возьмите тут немного лишнего за свои хлопоты.

– Ну... спасибо.

Настроение бармена и его мнение обо мне, похоже, улучшились, когда он проделал путь к стойке. Я поздравил себя с тем, что не забыл сказанное Эдвином о чаевых.

– Думаю, будет назойливым указывать, что ты пьешь на пустой желудок, – сухо произнес джинн.

– Вовсе нет.

На сей раз я его опередил и, повысив голос, крикнул бармену:

– Послушайте! Вы не могли бы заодно принести мне немного воздушной кукурузы?

Большинство выложенных за стойкой закусок находилось в накрытых сеткой контейнерах – это исключало их выползание или выпрыгивание. Однако, войдя в бар, я заметил среди этих ужасов корзинку с воздушной кукурузой и специально взял ее на заметку, рассчитывая, что некоторые виды дрянной еды не меняются от измерения к измерению.

– Теперь доволен?

– Я был бы еще более доволен, если бы ты выбрал чего-нибудь менее соленое, – поморщился Кальвин. – Но полагаю, это лучше, чем ничего.

Бармен принес мне кувшин вместе с корзинкой воздушной кукурузы, затем отошел поздороваться с только что вошедшим новым посетителем. Я бросил в рот пригоршню воздушной кукурузы и принялся жевать ее, пока снова наливал себе из кувшина. На самом деле

кукуруза была приятной на вкус и вовсе не соленой, что заставило меня пересмотреть свое мнение насчет универсальности дрянной пищи. Но я решил не упоминать Кальвину про это открытие. Он и так уже достаточно суетился вокруг меня.

– Итак, о чем ты хочешь поговорить? – обратился я к нему, заставляя себя не сразу заливать воздушную кукурузу большим глотком из стакана.

Джинн откинулся назад и поглядел на меня, подняв бровь.

– Я вижу, твое настроение улучшилось, но все равно считаю, что это *тебе* хочется поговорить о том полезном совете Мотылька.

Как только он заговорил, мой пузырь легкомыслия лопнул, и прежняя депрессия обрушилась на меня с новой силой. Я не думая выдул половину стакана.

– Не знаю, Кальвин. Мотылек вызвал у меня большое уважение, я уверен, у него были хорошие намерения, но сказанное им породило в моей голове множество вопросов... тех, которыми я раньше никогда по-настоящему не задавался.

Я быстро опрокинул стаканчик, надеясь, что джинн не заметит, как быстро я выпивал это варево.

– Вопросов вроде...

– Ну, например... Что такое друзья?.. На самом деле? В тех редких случаях, когда затрагивают эту тему, все обычно говорят о том, как хорошо быть нужным. А я не уверен, знаю ли, что это значит на деле.

Каким-то образом мой стакан снова опустел. Я опять наполнил его.

– Чем больше я думаю об этом, тем тверже убеждаюсь, что если ты *действительно* нуждаешься в друзьях, то это признак либо слабости, либо лени. Тебе нужно, чтобы люди думали за тебя, или дрались за тебя, или еще чего-то в этом роде. То есть делали бы то, что по всем правилам тебе следовало бы делать самому. Вот и получается, что ты – паразит, пиявка, высасывающая силу и щедрость других.

Я поднес ко рту стакан, но обнаружил, что там пусто. Я заподозрил в нем течь и отставил на время в сторону, собираясь потом для пробы наполнить его вновь.

– С другой стороны, если друзья тебе *не нужны*, то какой от них прок? Друзья отнимают большую часть твоего времени и вызывают сильнейшую головную боль, так что если ты по-настоящему в них не нуждаешься, то зачем утруждать себя, обзаводясь ими? В смысле, если это они нуждаются в тебе, то ты поощряешь их быть паразитами, вместо того чтобы позволить им развивать собственные способности. Не знаю. А ты как думаешь, Кальвин?

Я махнул ему стаканом, обнаружив при этом, что он снова полон. Вот и вся моя твердая решимость. Я понял, что кувшин почти пуст.

– Трудно сказать, Скив, – рассуждал между тем джинн, и я постарался сосредоточиться на его словах. – Думаю, каждый должен сам найти ответ, хотя редко кто даже задается такими вопросами. По-моему, будет слишком примитивно пытаться приравнять заботу о ком-либо к слабости, точно так же как, на мой взгляд, неверно считать, что если мы научимся чему-то у друзей, то они будут контролировать наше мышление.

Он остановился и уставился на мою руку. Я проследил за направлением его взгляда и сообразил, что пытаюсь наполнить пустой стакан из пустого кувшина.

– Я думаю, – вздохнул он, – нам теперь *действительно* следует вернуться в отель. Ты заплатил по счету? У нас здесь все улажено?

– Был... э... один вопросик, – произнес я, выталкивая слова заплетающимся языком, который внезапно, казалось, обрел самостоятельность в решениях. – Что-то там о деньгах. Я неправильно использовал свои деньги.

– Ради всего святого, Скив! Говори потише!

– Нет, в самом деле! Вот... эти деньги...

Я повозился с поясом и высыпал золото на столик.

– ...И я что... счастливый, что ли? Пусть не я... все равно кто... в деньгах, что ли, счастье?

Никакого ответа не последовало, и я поморгал глазами, пытаюсь вернуть в фокус Кальвина. Когда тот заговорил, голос его был напряжен, хотя и очень тих:

– По-моему, ты только что кого-то осчастливил, но, думаю, не себя.

Вот тут я и заметил, что во всем баре наступила тишина. Оглядевшись кругом, я с удивлением увидел, как много собралось народу, пока мы болтали. Смотрелась эта толпа малопривлекательно, никто не разговаривал друг с другом и ничего не делал. Они лишь стояли, глядя на меня... или, точнее, глядя на столик, покрытый моими деньгами.

Глава двенадцатая

Чтоб ты лопнул, обжора! Я хочу сказать...

Робин

– Мне... думается, я допустил такти... тактическую... ошибку, – прошептал я с тем достоинством, какое сумел собрать.

– Что верно, то верно, – безжалостно съязвил в ответ Кальвин. – Ты забыл про первое правило выживания: не дразните зверей. Слушай, Скив, ты хочешь просто убраться отсюда или убраться отсюда с деньгами?

– Хочу... мои деньги. – Я был не *настолько* пьян... или *настолько*...

Джинн с досадой закатил глаза:

– Этого-то я и боялся. Придется потрудиться. Ладно, в первую очередь убери золото с глаз долой. Думаю, здесь они ничего предпринимать не станут. Тут слишком много свидетелей, и значит, на слишком много частей придется делить добычу.

Я послушно принялся собирать монеты. Мои руки потеряли сноровку, и сунуть деньги в пояс никак не удавалось, поэтому я удовлетворился рассовыванием их как попало по карманам.

В баре больше не царила тишина. Кругом тихо перешептывались, и гул голосов, когда кучки завсегдатаев склоняли головы друг к другу, казался зловещим даже мне в моем состоянии. По сумрачным взглядам в мою сторону было нетрудно догадаться, на какую тему шел у них разговор.

– Как я понимаю, беда нас ждет на выходе. Значит, весь фокус в том, как выйти незаметно. Закажи еще кувшин.

Только тут я понял, как много уже выпил. Мне на мгновение подумалось, будто джинн предложил...

– Ты хочешь, чтобы я...

– Закажи еще кувшин, но ни в коем случае не пей из него.

Это имело еще меньше смысла, но я выполнил его инструкции и сделал знак бармену, который доставил мне кувшин с впечатляющей скоростью.

Я заплатил ему монетами из кармана.

– Чего-то я не пойму, – мямлил я. – Зачем мне заказывать кувшин, когда ты говоришь, что мне не следует...

– Заткнись и слушай, – прошипел Кальвин. – Это для того, чтобы все здесь подумали, будто ты намерен еще долго тут торчать. А мы тем временем уберемся.

Это имело еще меньше смысла, чем выпить по новой.

– Но, Кальвин... их так много между нами и дверью! Они увидят, как я...

– Не через переднюю дверь, балда! Видишь тот маленький коридорчик в глубине бара? Он ведет к туалетам. Там есть черный ход, вероятно, выходящий в переулок. Вот этим-то маршрутом мы и воспользуемся.

– С чего ты взял, что там есть черный ход? – с подозрением спросил я.

– С того, что когда я захожу в незнакомый бар, то в первую очередь считаю выходы, – огрызнулся джинн. – Предлагаю и тебе обзавестись такой привычкой, если ты намерен продолжать пить.

– Больше не хочу пить, – сумел выговорить я, и мой желудок при этом внезапно взбунтовался.

– Молодец. А теперь спокойно. Мило и небрежно следуй в туалет.

Я сделал глубокий вдох в тщетной попытке прояснить голову, а потом встал... попробовал встать. Нога моя при этом зацепилась за стул, и я чуть не потерял равновесие. Мне удалось не упасть, но стул шумно свалился набок, вызвав несколько смешков у горлопанов за стойкой.

– Отлично, – утешил меня Кальвин, голос его, казалось, доносился откуда-то издалека. – А теперь вперед по коридорчику.

Совершенно неожиданно я сделался очень высоким. Двигаясь как мог осторожно, я нацелился на вход в коридорчик и устремился туда. Сумев пройти по нему, не прикоснувшись к стенам по обеим сторонам, я почувствовал небольшой прилив уверенности. Может быть, этот план Кальвина в конце концов сработает! Как он сказал, выход находился почти сразу за туалетами. Без всяких указаний я изменил курс и вытолкнулся в переулок, прикрыв за собой дверь. Все!

– Хоп!

– Что значит «хоп»? Разве ты не сказал, что мне надо...

– Вот здорово, что вы сунулись сюда, мистер!

Эти последние слова произнес коренастый изверг, один из шести преградивших нам путь из переулочка. Очевидно, наш маленький спектакль одурачил не всех.

– Скив, я...

– Не важно, Кальвин. Я и сам разобрался, что значило это «хоп».

– Вам должно быть известно, что за проход через этот переулок надо платить.

Это говорил все тот же субъект. Если он и услышал мой разговор с Кальвином, то наверняка решил, что я разговариваю с самим собой, и, похоже, не особенно волновался по этому поводу.

– Совершенно верно, – вставил один из его дружков. – И мы полагаем, того, что у вас в карманах, должно хватить на оплату дорожного сбора.

– Быстро! Обратно в бар! – прошипел Кальвин.

– Сам догадался, – пробормотал я, нащупывая у себя за спиной дверь.

Я ее нашел... в некотором смысле. Дверь была на месте, но вот ручки с этой стороны не было. Очевидно, владельцы бара хотели, чтобы ею пользовались только для выхода. Восхитительно.

– Вопрос лишь в том, отдадите вы нам деньги тихо или нам придется отобрать их у вас?

Я и прежде сталкивался с громилами, солдатами и спортивными болельщиками, но полдюжины изверских грабителей – это уже слишком, они меня не на шутку испугали, и я решил, притом совершенно самостоятельно, что теперь самое подходящее время переложить эту проблему на другие плечи.

– Давай, Кальвин! Сделай что-нибудь!

– Что, к примеру? Я ж тебе говорил, что не мастер драться.

– Ну, сделай хоть ЧТО-НИБУДЬ! Ты же все-таки джинн!

Полагаю, в глубине души я знал, что критикой Кальвина не возьмешь. Однако, к моему удивлению, он откликнулся.

– Ладно уж! – поморщился он. – Возможно, вот это поможет.

И с этими словами сделал руками несколько пассов, и...

...И я протрезвел! Абсолютно протрезвел!

Я посмотрел на него.

– Это все, что я могу сделать, – пожал плечами джинн. – Дальше справляйся сам. Теперь хоть не придется драться пьяным.

Грабители начали поднимать с мостовой доски и куски кирпичей.

– Время истекло! – объявил их предводитель, направляясь ко мне.

Я улыбнулся Кальвину.

– Думаю, твое понимание дружбы близко к идеальному, – сказал я. – Впрочем, я хотел бы обсудить с тобой пару моментов.

– СЕЙЧАС? – завопил джинн. – Время едва ли подходящее... Берегись!

Предводитель шайки вскинул ручищи, намереваясь огреть меня с размаху подобранной где-то по дороге деревяшкой. Когда деревяшка со свистом устремила к своей цели, то есть к моей голове, я описал рукой в воздухе между нами круг... и доска отскочила, словно наткнувшись на невидимую стену!

– Магический экран, – уведомил я разинувшего рот джинна. – Вроде силового поля, но не совсем. Ты ведь помнишь, я все же маг, не так ли!

При виде произошедшего нападавшие встали как вкопанные, некоторые даже отступили на несколько шагов.

– Да, пока не забыл, спасибо за вытрезвление, Кальвин. Ты прав. Так намного легче фокусировать мысль. Меня не раз выручали эти экраны. Их можно применять так, как я только что продемонстрировал, в качестве щита, или же...

Я внес в чары несколько быстрых поправок.

– ...расширить, превратив в стену или пузырь. Идем?

Я раздвинул экран и начал просто выталкивать стоящую перед нами шайку грабителей из переулка. Это было небольшой вариацией фокуса, которым я как-то в прошлом прервал драку на Большой Игре, – потому у меня и имелись все основания для уверенности в его результате. Я считал, что мы просто выйдем из переулка, удерживая грабителей на почтительном расстоянии, а потом кликнем такси и уберемся отсюда восвояси.

Главарь шайки повернулся и рысью рванул вперед, на несколько шагов опережая других.

– Ловко. Действительно ловко, – крикнул он, снова поворачиваясь лицом ко мне. – Не раскусил в тебе мага. Ну, посмотрим, справишься ли ты вот с *этим*, умник!

И с этими словами бандит вытащил из кармана куртки нечто похожее на пару губок для стирания с доски мела. Сперва я подумал, что он хочет попробовать бросить ими в меня, но вместо этого он хлопнул ими друг о друга над головой, осыпав себя тем, что походило на известку. Это было бы смешно... если бы он не выглядел таким сумрачным, когда снова двинулся на меня.

Просто для страховки я удвоил перед ним экран... и он прошел прямо сквозь него!

– Так я и думал! – крикнул он своим друзьям и остановился, миновав мою защиту. – Не такой уж высокий уровень. Переходите, ребята, на следующий, а то и выше... собственно, чем выше, тем лучше!

Мне следовало это предвидеть... может, я бы и предвидел, будь у меня побольше времени для размышления. Измерению, применяющему и магию, и технологию, обязательно должны быть доступны магические контрчары и оружие. К несчастью, мне предстояло узнать об этом из первых рук!

Другие члены банды дружно сунули руки в карманы и извлекли то ли амулеты, то ли баллончики-раскораспылители. У меня возникло ощущение, что мой магический экран теперь уже меня не защитит. Кальвин был того же мнения.

– Быстро, Скив! У тебя есть в запасе еще какие-нибудь фокусы?

Я всегда считал, что в критической ситуации лучше всего разыгрывать самую сильную карту. Все еще надеясь избежать настоящего насилия, я лишил экран энергии и перебросил ее на новую личину – сверхмускулистого изверга, более чем вдвое превышающего меня ростом.

– Вы, мальчики, *действительно* хотите, чтобы я повел себя круто? – крикнул я, стараясь изо всех сил сделать свой голос угрожающим басом. Я думал придать себе вид полицейского, но отбросил эту идею. При моем-то везении они, вероятно, сдадутся, и что мне тогда потом с ними делать? Я хотел заставить их бежать... убраться навсегда из моей жизни!

Это не сработало.

Я едва успел выкрикнуть свою угрозу, как большой кусок кирпича разорвал воздух у меня над головой... пройдя сквозь то, что было грудью моей личины.

– Чары личины! – крикнул бросающий. – Бейте его такого, каким мы видели его раньше!

Я счел, что настало время для демонстрации высшей доблести. Пытаясь сохранить четкость соображения – а это не так легко, как кажется, когда тебя атакуют полдюжины хулиганов, – я врубил чары левитации и рванул в небеса.

По крайней мере попытался рвануть.

Едва я успел подняться в воздух, как на голени у меня словно сомкнулись клещи.

– Я держу его!

Захват причинял боль, из-за чего мне было трудно сосредоточиться на чарах. К тому же этот день отнял у меня больше сил, чем мне представлялось. Обыкновенно я могу пролевитировать, и левитировал, двоих помимо самого себя... даже троих, поскольку одним из тех двоих была Маша. Однако при теперешней свалке мне еле-еле удавалось поднять самого себя и державшего меня за голень парня. Я старался поднять его в воздух, но что-то отскочило от моей головы и...

Земля врезалась в меня под невероятным углом, и я на какой-то миг увидел россыпь звезд. Давление на мою голень исчезло, но когда я открыл глаза, надо мной стоял главарь шайки с доской в руке.

– Неплохая попытка, умник! – презрительно фыркнул он. – Но недостаточно хорошая. А теперь давай-ка мне...

Внезапно он растянулся, потому что кто-то врезался в него сзади.

– Быстрее, господин Скив! Подымайтесь!

Я мгновенно сообразил, что это уличный торговец, с которым я говорил этим утром. Он нагнулся надо мной, повернувшись лицом к окружавшей нас банде.

– Скорее! Я не смогу один сдержать этих парней!

Я не был уверен, что встану, если захочу, но вынужден был отбросить всякую надежду избежать насилия. Приподнявшись на локте, я мысленно потянулся, схватил мусорный бачок и послал его лететь сквозь строй грабителей.

– Что за...

– Берегись!

Если они хотели физических методов, я это им устрою. Я мысленно схватил еще два мусорных бачка и кинул их в бой, заставляя все три летать взад-вперед в тесном переулке.

– Черт возьми! Я ж на вашей стороне! Помните? – крикнул уличный торговец, увертываясь от одного из моих снарядов.

Я вызвал немного добавочной энергии и набросил на нас обоих экран. Мне представлялось, что никто не подумает применять контрчары против мусорных бачков.

Еще несколько взмахов старыми мусорными бачками, и все было кончено.

С трудом переведя дух, я убрал экран и остановил свое нехитрое оружие. Четверо из нападавших на меня лежали, растянувшись на мостовой, а двое других удрали.

– Неплохая работа, Скив, – гаркнул Кальвин, появляясь откуда-то, где он укрылся, когда началась драка.

– С вами все в порядке, господин Скив? – спросил уличный торговец, протягивая мне руку и помогая подняться на ноги.

– Я... цел... благодаря тебе... Дж. Р., не так ли?

– Совершенно верно. Я шел домой и увидел, что они на вас напали. Силы были неравными, поэтому я решил помочь. Ну, дела! Я и не знал, что вы маг!

– В данную минуту очень благодарный маг, – сказал я, роюсь в карманах. – Вот, возьми это. Считаю это моим способом выражать благодарность.

– Прошу меня простить, – протянул джинн. – Но разве мы затеяли эту драку не с целью *сохранить* твои деньги?

Ему не следовало беспокоиться. Дж. Р. отшатнулся от золота так, словно я предложил ему яд.

– Я помог вам не ради денег! – бросил он сквозь зубы. – Я знаю, вы не хотели... Черт! Вы, богачи, все одинаковы. Думаете, ваши деньги... Слушайте, я привык деньги зарабатывать, понятно? Я не какой-то там бездельник, ищущий подаяния!

С этими словами он круто повернулся и зашагал прочь, оставив меня с вытянутой рукой, полной золота.

Это был бы прекрасный уход, если бы переулок не закупорила въехавшая туда повозка... повозка с красно-голубой мигалкой наверху.

Глава тринадцатая

Кто? Я, сержант?
Дж. Диллинджер

Я не понимаю, с какой стати нас задержали. Мы пробыли в полицейском участке много часов. Мы – это я, Дж. Р. и, конечно, Кальвин, хотя о существовании последнего полиция, кажется, не ведала, а я вовсе не испытывал желания ее информировать. Несмотря на наши протесты, нас без всяких разговоров привезли в участок. Грабителей привели в чувство и посадили в другую повозку, хотя я заметил, что с ними обращались менее вежливо, чем с нами. Но это мало утешало, поскольку нас задержали против нашей воли.

– Вот как? Тогда нам придется разобраться в этом повнимательней и докопаться до сути.

Сказал это субъект, допрашивавший нас, когда мы прибыли. Судя по почтительности, с какой обращались к нему другие полицейские, я счел его офицером. Он обладал дурным запахом изо рта, скверным настроением и невыносимым пристрастием повторять по несколько раз одно и то же. Когда он опять затянул свое, я поборол порыв огрызнуться.

– Мы могли бы вменить вам в вину появление в общественном месте в нетрезвом виде.

– Я был трезв как стекло, – перебил я его, благодаря судьбу за помощь Кальвина.

– Есть много свидетелей, утверждающих, что в баре вы просто валились с ног.

– Я споткнулся о стул.

– Потом имело место, сами понимаете, нападение...

– Да говорю же вам, это они напали на меня! Я только оборонялся!

– ...и уничтожение частной собственности...

– Черт побери, это был мусорный бачок! Я заплачу за новый, если уж...

– ...не говоря уже о сопротивлении при аресте.

– Я спросил, куда нас везут. Вот и все.

– Арестовывавшие вас говорят иное.

Понимая, что мне в этом споре ничего не добиться, я совершил логически выдержанный поступок: выплеснул свою досаду на невинного зеваку. В данном случае ближайшей доступной мишенью оказался Дж. Р., дремавший на стуле.

– А ты разве не собираешься что-то сказать? – осведомился я у него. – Ты тоже причастен.

– Нет надобности, – пожал плечами уличный торговец. – Мы же не попали в беду или что-то в этом роде.

– Странно. Я-то думал, мы попали в полицейский участок.

– Ну и что? Они ведь не всерьез за нас взялись. Я прав, капитан?

Споривший со мной изверг бросил на него сумрачный взгляд, но, как я заметил, не стал опровергать сказанного.

– Ладно, Дж. Р., сдаюсь, – капитулировал я, по-прежнему наблюдая за капитаном. – Чего ты видишь в этой ситуации такого, чего не вижу я?

– А не происходит ничего похожего на регистрацию нашего задержания. Пробыли мы здесь долго, а нас не обвинили ни в каких преступлениях, – подмигнул он.

– Но капитан же сказал...

– Он сказал, что они *могли бы* и т. д. и т. п. Заметьте, что в действительности он этого не сделал. Поверьте, господин Скив, если бы нас собирались посадить в тюрьму, мы бы уже час назад были за решеткой. Они просто затеяли игру и тянут время.

Сказанное им казалось мне невероятным, учитывая кучу свалившихся на нас неприятностей, и все же я не нашел в его логике никаких изъянов. Я повернулся к капитану и поднял бровь.

– Это правда? – спросил я его.

Полицейский оставил меня без внимания и, откинувшись на спинку стула, пристально посмотрел сквозь полузакрытые глаза на Дж. Р.

– Ты много знаешь о полицейских порядках, сынок. Можно подумать, тебя уже гоняли.

По лицу уличного торговца расползлась презрительная усмешка, он встретил вызов во всеоружии.

– Всякого работающего на улице постоянно преследуют, – парировал он. – Именно так полиция охраняет высокопоставленных граждан от коммерсантов вроде меня, слишком бедных, чтобы позволить себе обзавестись магазином. Это и впрямь безопасней, чем хватать настоящих преступников, – те ведь и пристрелить могут. Нам следует быть благодарными защитникам правопорядка. Если б не они, измерение переполнили бы уличные торговцы и нарушители правил парковки.

Мне бы радоваться, что меня наконец оставили в покое после того, как совершенно допекли расспросами. К несчастью, я долго пробыл Великим Скивом и в таком качестве больше привык находиться в центре внимания.

– По-моему, вопрос стоит так: предъявляют нам обвинение в каких-то преступлениях или нет? – решительно вмешался в разговор я. – Я все еще жду ответа.

Несколько мгновений капитан зло смотрел на меня, но когда я все же не отвел взгляд, он вздохнул.

– Нет, на этот раз мы не выдвигаем против вас никаких обвинений.

– Значит, мы можем уйти?

– Но сперва вам придется ответить еще на несколько вопросов. После этого вы...

– Эти «еще несколько» будут новыми вопросами или теми же самыми еще раз?

Полицейский прожег меня взглядом, но теперь, когда я знал, что опасность нам не грозит, искренне забавлялся происходящим.

– Новыми, – процедил он сквозь стиснутые зубы.

– Ладно. Валяйте. Мишень для обстрела готова.

Я вдруг сообразил, что такой образ не очень удачен в помещении, где полно вооруженных полицейских, но это проскочило незамеченным.

Прежде чем продолжить, капитан шумно прочистил горло.

– Господин Скив, – официально начал он, – желаете ли вы выдвинуть обвинения против напавших, находящихся у нас под арестом?

Что за глупый вопрос? Конечно, желаю.

Кальвин неистово махал мне, показывая на Дж. Р. Уличный торговец качал головой, молча демонстрируя твердое отрицание.

– Гм... прежде чем я приму решение по этому вопросу, капитан, – увильнул я от прямого ответа, пытаюсь понять ход мыслей Дж. Р., – вы не могли бы объяснить мне, что произойдет, если я не выдвину никаких обвинений?

– Тогда мы скорее всего продержим их до завтрашнего утра, но потом, допросив, разрешим уйти.

Такой гуманизм по отношению к пытавшейся меня ограбить шайке показался мне неуместным. И все же Дж. Р. знал, что делал, и я не собирался действовать вопреки просигналенному им совету.

– А если я *выдвину* обвинения? – поинтересовался я, пытаюсь разобраться.

– Я не судья, – пожал плечами капитан, – и поэтому ничего не могу утверждать наверняка... но предположение на сей счет высказать нетрудно.

– Будьте любезны.

– Мы обвиним их в попытке нападения с целью ограбления и в нанесении тяжких телесных повреждений... но в покушении на убийство мы вряд ли сможем их обвинить.

Меня такой ответ вполне удовлетворил, но полицейский еще не закончил.

– ...Потом суд назначит адвоката, а может, он даже уже есть, и тот договорится об их освобождении под залог. Деньги они, вероятно, достанут у поручителя и уже до завтрашнего полудня будут на свободе.

– Что? Но они же...

– На назначение дня суда уйдет пара месяцев. К тому времени из всех улик останутся лишь ваши показания... а ребята эти мало того что местные, но и превосходят вас в численности.

До меня начало доходить.

– ...То есть если дело, конечно, дойдет до суда. Вероятно, произойдет какой-то торг за признание, и они признают себя виновными в менее тяжком преступлении, а это означает меньший срок с правом на досрочное освобождение под честное слово – если срок вообще не сделают условным сразу по вынесении приговора...

– Тпру! Погодите! Я лучше просто забуду о предъявлении обвинений.

– Так я и думал, – кивнул капитан. – Такой путь самый легкий для всех. В конце концов, вы ведь невредимы, да и деньги по-прежнему при вас.

– Но следующий, на кого они нападут, может оказаться не таким везучим, – сухо обронил я.

– Я не сказал, что такой поворот дела самый лучший, он всего лишь самый легкий.

Прежде чем я успел придумать на это остроумный ответ, в дверной косяк постучал полицейский в мундире и, войдя в помещение, вручил капитану лист бумаги. Когда тот пробежал его глазами, что-то в его сжатых губах заставило меня заволноваться.

– Ну и ну, господин Скив, – произнес наконец капитан, бросая бумагу на стол перед собой. – Похоже, вы не впервые имеете дело с полицией с тех пор, как прибыли в это измерение.

– Ого! – воскликнул Кальвин, закатывая глаза. – Вот оно, началось!

– Что вызвало это утверждение, капитан?

Предчувствие подсказывало мне, что прикидываться невинным совсем не лучший вариант. К несчастью, никаких других мыслей насчет того, как себя вести, у меня не имелось.

– Это вот только что полученный рапорт. Я сразу подумал, что не помешает свериться с другими участками и посмотреть, не слышали ли там о вас, и, по всей видимости, там слышали.

– Так вот почему они тянули время, – вставил Дж. Р. – Дожидались рапортов. Это называется полицейской оперативностью.

Капитан проигнорировал его:

– Согласно данному рапорту, у вас уже произошло два столкновения с полицией. В первый раз из-за подозрительного поведения на улице...

– Я проявлял вежливость, вместо того чтобы расталкивать других, – раздраженно прервал я его. – Сожалею, я здесь недавно и не знал, что в этом измерении принято грубить. Вам следует вывешивать знаки или что-то в этом роде, предупреждающие людей, что на Извре быть вежливым – основание для преследования!

Капитан продолжал так, словно я не сказал ни слова.

– ...А позже в тот же день вы попытались уйти из ресторана, не заплатив за весьма дорогой ужин.

– Я упал в обморок, черт возьми! Как только я пришел в себя, я тотчас же заплатил за ужин, хотя не съел ни кусочка.

– А вот это само по себе выглядит немного подозрительно, – поджал губы капитан. – Зачем вы заказывали ужин, если не могли или не желали есть?

– Потому что я не знал, что не смогу его есть, когда заказывал его. Сколько раз вам повторять... Я здесь недавно.

– Угу. – Полицейский откинулся на спинку стула и изучал меня сквозь щелки глаз. – У вас на все найдется бойкий ответ, не так ли, господин Скив?

– Потому что это правда! Я что, выглядел бы менее подозрительным, если бы у меня *не было* ответов на ваши вопросы? Скажите, капитан, мне действительно это важно! Я знаю, что я не преступник, но вас-то как в этом убедить?

Капитан медленно покачал головой:

– Честно говоря, не знаю. Я давно на службе и научился доверять своей интуиции. Ваш рассказ *выглядит* достоверным, но интуиция подсказывает мне, что вы – ходячая беда, которая только и ищет, где бы ей случиться.

Я понял, что игра складывается не в мою пользу, и потому отбросил мысль убедить его в своей невиновности.

– Тогда конечный итог будет тем же, что и до прибытия рапортов. Вы намерены предъявить мне обвинения... или я волен уйти?

Капитан поизучал меня еще несколько мгновений, а затем махнул рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.